

ДЖОРДЖ Р. Р.
МАРТИН
ГАРДНЕР ДОЗВА
ДЖО ХОЛДЕМАН
И ДРУГИЕ

Леви Тидхар
Пол Макоули
Дэвид Брин
Мэтью Хьюз
Гвинет Джонс
Гарт Никс
Майкл (Майк) Даймонд Резник
Аллен М. Стил
Элизабет Бир
Элинор Арнасон
Йен Макдональд
Стивен Лей
Майкл Кассут
Тобиас Бакелл
Джо Холдеман
Джо Р. Лансдэйл
Гарднер Дозуа
Джордж Р. Р. Мартин
Юная Венера (сборник)
Серия «The Best Of. Фантастика, фэнтези, мистика»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17860069
Юная Венера : [сборник рассказов] / Джордж Р.Р. Мартин, Гарднер Дозуа, Джо Холдеман и др. :
Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86968-8*

Аннотация

Скользкие головы земноводных обитателей бороздят прибрежные воды одного из немногочисленных архипелагов, разбросанных по акватории океана, покрывающего всю планету. Над волнами молниеносно вздымается зубастая голова на длинной гибкой шее, принадлежащая морскому чудовищу, похожему на плезиозавра. Где-то под бесконечно долгими дождями вздрагивает поверхность бескрайних болот, когда гигантские динозавры с рычанием копошатся в грязи. А в дальнем краю высокие, тонкие, как тростинки, люди в невообразимых головных уборах и расшитых жемчугами одеяниях ходят по канатным мостам, протянутым между громадными деревьями, гораздо более высокими, чем земные секвойи, и льющийся с небес тусклый свет открывает взгляду целый город, раскинувшийся в кронах. И вся эта идиллия в один прекрасный день разом померкла, словно кто-то резко задул свечу. Облачные миражи Венеры растаяли...

Джордж Мартин, Джо Холдеман, Дэвид Брин, Майк Резник, Йен Макдональд, Гарднер Дозуа и другие в сборнике фантастических произведений о планете Венера, которую мы когда-то потеряли...

Содержание

Гарднер Дозуа	5
Спуск на поверхность	5
Аллен М. Стил	9
Аллен М. Стил	10
Леви Тидхар	28
Леви Тидхар	29
1	29
2	34
3	36
4	37
5	39
6	39
7	40
8	40
9	45
10	45
11	46
12	46
Пол Дж. Макоули	47
Пол Дж. Макоули	48
Мэтью Хьюз	66
Мэтью Хьюз	67
Конец ознакомительного фрагмента.	85

**Джордж Р.Р. Мартин, Гарднер
Дозуа, Джо Холдеман
Юная Венера (сборник)**

Old Venus

Copyright © 2015 by George R.R. Martin and Gardner Dozois

This translation is published by arrangement with Bantam Books, an imprint
of Random House, a division of Random House LLC

© М. Беляков, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Гарднер Дозуа Предисловие. Возвращение в порт «Венера»

Спуск на поверхность

Скользкие головы земноводных обитателей бороздят прибрежные воды одного из немногочисленных архипелагов, разбросанных по акватории океана, покрывающего всю планету. Над волнами молниеносно вздымается зубастая голова на длинной гибкой шее, принадлежащая морскому чудовищу, похожему на плезиозавра. Где-то под бесконечно долгими дождями вздрагивает поверхность бескрайних болот, когда гигантские динозавры с рычанием копошатся в грязи. А в дальнем краю высокие, тонкие, как тростинки, люди в невообразимых головных уборах и расшитых жемчугами одеяниях ходят по канатным мостам, протянутым между громадными деревьями, гораздо более высокими, чем земные секвойи, и льющийся с небес тусклый свет открывает взгляду целый город, раскинувшийся в кронах. Поодаль сверкающие серебром ракеты совершают посадку в космическом порту. И тут же, совсем рядом, в густых, насыщенных душными зловонными испарениями джунглях, напоминающие тираннозавров твари выглядывают из влажной растительности, открывают громадные саблезубые пасти, чтобы страшным рыком приветствовать начинающийся день...

Люди всегда обращали внимание на Венеру, быть может, потому, что это самое яркое ночное светило после Луны. В древние времена вторая от Солнца планета считалась двумя разными звездами, Утренней и Вечерней – греки называли их Фосфорос и Гесперос, римляне – Люцифер и Веспер. Но уже при Пифагоре, в шестом веке до нашей эры, было признано, что это один и тот же объект, который греки стали называть Афродитой, а римляне Венерой в честь богини любви. Почему-то она всегда отождествлялась именно с богинями, может быть, в противовес более тусклому Марсу, который из-за своего красного цвета отождествлялся с войной, уделом мужчин и богов. Вавилоняне, которые поняли, что это единый небесный объект, за сотни лет до греков называли его «Сияющей королевой неба» и нарекли Иштар, в честь богини любви. Персы называли Венеру Анахитой, в честь своей богини, а Плиний Старший отождествлял ее с Исидой, аналогичной египетской небожительницей. Поэтому Венеру иногда и сейчас называют планетой любви.

Когда были изобретены телескопы, взгляду наблюдателей предстала яркая, но нечетко видимая, затуманенная поверхность, отчего постепенно утвердилось представление, что планета постоянно окутана слоем облаков в отличие от Марса, Меркурия или Луны. Этот непроницаемый покров бросал вызов человеческому воображению, неудивительно, что фантазии и гипотезы о том, что скрывается под этими облаками, множились одна за другой. Венера недаром носит звание таинственной планеты.

Облака подразумевают осадки, и планета, постоянно скрытая под ними, несомненно, должна быть местом, где идут дожди. Да еще какие! Подобно американскому астроному Персивалю Лоуэллу, который запустил в широкий обиход представление о марсианских каналах как об искусственных сооружениях, представлениям о том, что находится под облаками Венеры, дал научную почву шведский химик Сванте Аррениус. Он в своей книге «Судьбы звезд», вышедшей в 1918 году, предположил, что венерианские тучи должны состоять из водяного пара, и утверждал, что «на Венере очень сыро... Большую часть ее поверхности, несомненно, занимают болота, аналогичные тем земным, из которых сформировались угольные месторождения... Температура на Венере не настолько велика, чтобы помешать

буйной растительности. Постоянные и единые на всей поверхности климатические условия приводят к полному отсутствию адаптации к изменению внешних условий. Представлены только низшие формы жизни, и почти наверняка принадлежащие царству растений, причем организмы одинаковы на всей планете».

Идея, что Венера покрыта болотами, делающими ее похожей на Землю в период карбона, станет ведущей почти на пятьдесят лет параллельно с гипотезой, что поверхность планеты представляет собой сплошные моря, а возможно, и единый Мировой океан. Это представление было настолько распространенным, что еще в 1964 году советские ученые проектировали венерианские зонды с учетом возможности посадки на водную поверхность.

Как жанр космической оперы выкристаллизовался из старого древа приключенческой литературы, так и каменноугольные болота в умах мечтателей превратились в джунгли, полные динозавров, а моря наполнились чудовищами. Период расцвета межпланетного авантюризма в фантастике пришелся на 30–50-е годы XX века. В ту поразительную эпоху Солнечная система буквально кишела инопланетными расами разной степени цивилизованности. Почти каждый мир мог похвастаться собственными разумными обитателями, что давало возможность предприимчивому землянину-авантюристу вволю пофехтовать во имя любви и прибыли повсюду, не исключая Юпитера, Сатурна и Меркурия.

Разумеется, почетное место в этом ряду всегда занимал Марс, ему отдавали предпочтительные авторы большинства межпланетных приключенческих романов, но и Венера не слишком отставала.

И если в XIX веке Венера служила своего рода полигоном для религиозных аллегорий, то первым произведением в жанре межпланетной оперы, действие которого было перенесено на Утреннюю звезду, стал, вероятно, роман Отиса Адельберта Клайна «Опасная планета» 1929 года (продолженный романами «Чужие грехи» и «Опасный порт»). Герой «Опасной планеты», землянин Роберт Грэндон, телепатически перемещается в сознание венерианца, ввязывается в войны местных рас, переживая множество приключений, полных поединков на мечах. И все это – на другой планете, которая оказывается сплошь покрытой зарослями гигантских деревьев (из-за низкой гравитации, надо полагать), среди коих бродят динозавроподобные монстры. Романы Клайна были почти наверняка написаны под влиянием книги Эдгара Райса Берроуза «Принцесса Марса», о таких же похождениях удалого землянина на Красной планете, названной Берроузом Барсумом, ведь первая публикация этой книги в 1912 году вызвала сенсацию. В 1934 году Берроуз ответил Клайну отправкой собственного искателя приключений, Карсона Напьера, на Планету любви в романе «Пираты Венеры» (и его четырех продолжениях). Можно сказать, от этих двух циклов и стартовала эра межпланетного приключенческого «венерианского» романа.

Расцвет романов и рассказов межпланетной тематики приходится, вероятно, на период 1939–1955 годов, когда на страницах журнала «Планетные истории» один за другим появляются произведения Джека Вэнса, Рэя Брэдбери, Альфреда Ван Вогта, Пола Андерсона и многих других. Писательницы Кэтрин Мур и Ли Брэккетт так же ярко проявили себя в набравшем популярность жанре (что необычно для направления, в котором в значительной степени доминируют мужчины). Рэй Брэдбери опубликовал в «Планетных историях» некоторые рассказы из своих знаменитых «Марсианских хроник», хотя и он удостоился посещения Венеры в таких произведениях, как «Нескончаемый дождь» и «Все лето в один день». Мур и Брэккетт запомнились больше по рассказам о Венере, хотя о Марсе они писали не меньше. Непотопляемый авантюрист Нортвест Смит, персонаж Мур, колесит по планете любви в компании местного уроженца Ярола (например, в рассказе «Черная жажда»), а герои Ли Брэккетт в поисках приключений и сказочных сокровищ пробираются через знойные венерианские болота, порой встречаясь с аборигенами, утратившими былое величие, забывшими своих богов и коротающими время в жутких тесных барах, где можно легко оказаться с перерезан-

ным горлом, если не соблюдать осторожность (например, в рассказах «Венерианская колдунья», «Лорелея красной мглы», написанном в соавторстве с Брэдбери, и «Исчезнувшая луна»).

Венера встречается в произведениях, относящихся к более солидной научной фантастике, почти так же часто, как и в межпланетных приключенческих романах. Ее «посещают» Олаф Стэплдон («Последние и первые люди»), Клайв С. Льюис («Переландра»), Джон У. Кэмпбелл («Полет «Черной звезды»»), Генри Каттнер («Ярость»), Джек Уильямсон («Корабль Сити» и «Судьба астероида»), Айзек Азимов в серии романов «Лакки Старр», Альфред Ван Вогт («Мир Нуль-А»), Роберт Хайнлайн («Логика империи», «Космический патруль», «Среди планет» и «Марсианка Подкейн»), Фредерик Пол и Сирил Корнблат («Торговцы Венерой»), Пол Андерсон («Сильный дождь» и «Планета сестер»). Несомненно, были написаны и сотни других произведений, по большей части уже забытых.

И вся эта идиллия в один прекрасный день разом померкла, словно кто-то резко задул свечу. Облачные миражи Венеры растаяли.

14 декабря 1962 года американский зонд «Маринер-2» исследовал атмосферу Венеры, и расшифровка данных его микроволновых и инфракрасных датчиков встревожила тех, кто питал надежды на существование жизни на поверхности этой планеты, поскольку та оказалась слишком горячей для того, чтобы на ней могли существовать белковые организмы. Эти данные подтвердили советский зонд «Венера-4» и последующие зонды этих двух серий.

Открывшаяся картина оказалась далека от обнадеживающей. На самом деле вместо глобального океана, обширных болот и джунглей и уж тем более – таинственных внеземных цивилизаций на Венере обнаружилась воистину адская жара. Температура на поверхности второй планеты Солнечной системы достигает в среднем 863 градусов по Фаренгейту. Венера оказалась самым горячим миром, горячее даже, чем Меркурий; плотный облачный покров на ее поверхности состоит из паров серной кислоты, а вовсе не воды; атмосфера содержит 96,5 % диоксида углерода, а атмосферное давление на грунте в 92 раза выше земного, почти как на дне земных океанов. О жизни на Венере не может быть и речи. Никаких динозавров. Никаких земноводных с перепонками на лапах. Никаких свирепых воинов, бьющихся на мечах или влюбляющихся в прелестных зеленокожих принцесс в расшитых одеждах. Только шар из раскаленных камней и обжигающий ядовитый газ – такой мир скучнее парковки перед супермаркетом.

Неудивительно, что писатели-фантасты почти сразу потеряли к нему интерес.

Был, правда, еще один знаменитый роман про Венеру, ностальгический и безнадежно устаревший (о чем, безусловно, автор прекрасно знал), «Двери лица его, пламенники пасти его» Роджера Желязны, опубликованный в 1965 году.

В 1968 году Брайан У. Олдисс и Гарри Гаррисон выпустили ретроспективную антологию под названием «Прощай, фантастическая Венера!»¹, как знак ностальгического расставания с мечтой.

После чего истории про вторую планету действительно пропали.

На время.

В семидесятых годах мало что появлялось в печати из фантастики про Венеру и, если брать шире, также про Марс или про любую другую планету Солнечной системы. Но с восьмидесятых, и все чаще и чаще в девяностых и нулевых, писатели-фантасты стали опять инте-

¹ Составитель антологии ни словом не упоминает о русских и советских фантастах, посвятивших немало страниц планете любви. А между тем весьма достойны упоминания такие некогда знаменитые произведения, как «В океане звезд» Анания Лякидэ, «Прыжок в ничто» Александра Беляева, «Сестра Земли» Георгия Мартынова, «На оранжевой планете» Леонида Оношко, «Дети Земли» Георгия Бовина, «Страна Багровых туч» Аркадия и Бориса Стругацких. Нельзя не вспомнить и роман «Астронавты» Станислава Лема, который хотя и не был советским писателем, но некогда принадлежал к социалистическому лагерю. – *Прим. ред.*

ресоваться Солнечной системой, к тому же запускаемые космические зонды начали поставлять данные, указывающие, что это гораздо более интересное и даже удивительное место, чем первоначально полагали. Вернулись фантасты и к Венере, ведь идея ее освоения с целью сделать более пригодной для жизни – впервые что-то подобное предложил, насколько я знаю, Олаф Стэплдон в романе «Последние и первые люди» в 1930 году – стала рассматриваться такими писателями, как Памела Сарджент и Ким Стэнли Робинсон. В рассказе Джона Варли «В чаше» были описаны города под бронированным куполом, устойчивым к высоким температурам, давлению и ядовитой атмосфере. А в рассказе «Султан в облаках» Джеффри Лэндиса, который завоевал в 2011 году премию Теодора Старджона, упомянуты города, вечно движущиеся в верхних, холодных слоях венерианской атмосферы.

Итак, в последние несколько десятилетий возродился интерес к планете любви, но большинство из писателей забыли о старой доброй Юной Венере, о которой столько лет грезили прежде.

Так почему бы вновь не вспомнить о ней?

Ведь, как отметил мой партнер по составлению этой книги Джордж Мартин в своем предисловии к антологии «Древний Марс», научная фантастика всегда была частью великой романтической традиции в литературе, а в так называемых реалистических романах никогда не было реализма. В конце концов, говорит Мартин, «западные писатели все еще пишут о Диком Западе, никогда не существовавшем в том виде, в каком он изображается»; «реалистичный вестерн», описывающий фермеров вместо стрелков-ковбоев, не будет так же хорошо продаваться. Авторы детективов продолжают сочинять сказки про частных сыщиков, раскрывающих убийства и выслеживающих серийных маньяков, в то время как в реальной жизни полицейские инспекторы большую часть времени тратят на расследование случаев фиктивных претензий по страхованию, фотографирования сцен супружеских измен в дешевых мотелях для юридического обоснования разводов. Исторические романисты плодят произведения о древних временах, которых больше нет и о которых мы знаем мало или почти ничего.

Так почему бы не возродить прекрасный, чудный, цветной сон о Юной Венере?

Итак, мы связались с некоторыми из знакомых нам писателей, как с известными, так и с начинающими дарованиями, предупредив, что нам не нужны ни подделки под старые шедевры, ни постмодернистские пародии, ни истории про терраформирование и колонизацию современной Венеры или про орбитальные станции вокруг планеты, куполообразные города посреди адского пекла ядовитых газов, а требуется что-то ностальгическое об обитаемой Венере, что можно было найти в произведениях Ли Брэккетт, Эдгара Берроуза, Кэтрин Мур, Отиса Клайна, Пола Андерсона, Роберта Хайнлайна и многих других, прежде чем неумолимые факты, собранные космическими зондами, разрушили эти мечты до основания. Нужны истории о старой доброй Венере, покрытой болотами, безграничными океанами, зловонными джунглями. Венере, кишасей динозаврами и, конечно же, венерианцами, иной разумной расой, пригодной для контакта. И так ли уж важно, в чем будет заключаться этот контакт – в поножовщине, любовных утехах, в изучении обычаев аборигенов, в их беззащитной эксплуатации или в неловком сосуществовании с пришельцами с Земли.

Результат перед вами. Собранные здесь рассказы перенесут вас в места, где вы никогда не были. И уверяю, вы не пожалеете, что их посетили.

Гарднер Дозуа

Аллен М. Стил

В этом остросюжетном рассказе мы последуем за инспектором полиции на Венеру. Ему предстоит рискованная миссия, которая проведет его по закоулкам венерианских городов – даже если в действительности никаких городов там нет и в помине.

Аллен Стил опубликовал свой первый рассказ в журнале «Научная фантастика Азимова» в 1988 году, после чего за ним числится длинный перечень публикаций как на страницах этого журнала, так и других, таких как *Analog*, *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* и *Science Fiction Age*. В 1989 году он опубликовал свой первый роман «Орбитальный распад», который впоследствии по данным опроса стал лучшим дебютным романом года, и вскоре Стилу уже сравнивали с Хайнлайном в период расцвета его творчества и Джорджем Бенфордом. В числе других его книг романы «Кларк Каунти, Космос», «Закат Луны», «Лабиринт Ночи», «Масса», «Безмятежная альтернатива», «Король бескрайнего космоса», «Космический океан», «Хронокосмос», «Койот», «Восхождение койота», «Морская пена», «Галактический блюз», «Горизонт койота» и «Судьба койота». Рассказы Стилу собраны в три сборника: «Суровые астронавты», «Секс и насилие на Zero-G» и «Последний фантаст». В последнее время появились новый роман из цикла «Койот», «Колдунья», роман для детей «Изгой Аполлона», альтернативная история «День V-S» и сборник «Секс и насилие на Zero-G: околокосмические истории: дополнительное издание». Аллен – лауреат трех премий «Хьюго»: в 1996 году за роман «Смерть капитана Фьючера», в 1998 – за повесть «Куда мудрец боится и ступить...» и совсем недавней, за повесть «Император Марса» в 2011 году. Стил родился в Нэшвилле, штат Теннесси, работал во многих газетах и журналах, относящихся к науке и бизнесу, теперь же занимается только писательской деятельностью, проживая в Уэйтли, штат Массачусетс, вместе со своей женой Линдой.

Аллен М. Стил Жабоголовые

Космический челнок провалился в плотный слой туч, словно в густую серую шерсть, отделяющую темно-синее небо и солнце наверху от бесконечного дождя внизу, и прошла, кажется, вечность, прежде чем за иллюминатором прояснилось и показался величественный океан Венеры: темно-сизый, вздымаемый штормами, бескрайний.

Заработали кормовые двигатели, и на поверхности океана образовалось кольцо белых бурунов, расходящихся во все стороны. Мало-помалу челнок опустился до уровня воды, и его корпус коснулся волн. Как ни старались пилоты, посадка получилась жестковатой. Резкий толчок сотряс салон, едва не выбросив пассажиров из кресел. Открылись отсеки с ручной кладью, и горы барахла высыпались в центральный проход. В салоне послышались ругательства – в основном на русском, хотя звучали и американские, – кого-то громко стошнило, и этот непроизвольный физиологический акт был встречен новым шквалом брани.

Ронсон не впервые оказался вне Земли, но помнил, что посадка на Марс была куда как мягче. По крайней мере там космический челнок после остановки двигателей не раскачивало на волнах. В отличие от других пассажиров Ронсон не винил парня, которому сделалось дурно, ведь бедолагу не предупредили о том, что перед посадкой лучше принять драминам. Ронсон был только рад, что внял доброму совету.

Сжимая подлокотники, он вглядывался в овальный иллюминатор, который снаружи был уже забрызган дождем, но кое-что еще можно было разобрать. Повсюду, сколько хватало глаз, простирался океан – горизонт Венеры находился на расстоянии около трех миль, почти как на Земле, – под небом цвета шифера, сплошным покровом облаков, который никогда не рассеивался и не рассеется впредь. Предполагалось, что челнок совершит посадку в Венерограде, и плавающая колония скорее всего находилась с другого борта. Если, конечно, пилоты не ошиблись относительно текущего местоположения колонии и не сели – слово «приземлились» ведь тут не подходит, верно? – не в том месте.

А это было вполне возможно. Последние четыре месяца Ронсон провел в состоянии гибернации, но в часы бодрствования на борту «Циолковского» убедился, что сомнительная репутация Космофлота вполне заслуженна. Он совсем было решил, что челнок потерялся в море, как в поле его зрения появился буксир. Попыхивая дымом, изъязвленный ржавчиной катер показался в иллюминаторе и снова исчез из поля зрения Ронсона. Прошло несколько минут, прежде чем раздался стук, означающий, что экипаж катера прицепил к носу челнока буксировочный трос.

Другие пассажиры тоже прильнули к иллюминаторам, когда челнок заходил в гавань Венерограда. Средних лет русский, что сидел в кресле возле прохода, бесцеремонно навалился на Ронсона, вытягивая шею, чтобы увидеть рукотворный остров. Венероград был подлинным детищем советского периода: многоуровневое полушарие диаметром в километр, цветом темнее океана; длинные деревянные пирсы торчали во все стороны, придавая рукотворному острову вид огромного, раздувшегося от воды паука. Хлипкие на вид платформы внешних балконных выходов, также построенные из местного дерева, высились, как хаотично разбросанные башни. На них лежали стальные открытые резервуары, куда собиралась дождевая вода, использовавшаяся в колонии в качестве питьевой. Радиомачты и тарелки антенн торчали вкривь и вкось, под разными углами на верхней части купола; с посадочной площадки на крыше взлетал вертолет.

– Выглядит не ахти, верно? – заметил русский, глядя на Ронсона в упор. – Но все-таки лучше, чем ничего... Тут хотя бы сухо.

Ронсон не удивился, что его попутчик говорит по-английски, хоть и не очень хорошо. От русского пахло водкой, он открыл бутылку, завернутую в пакет, как только челнок вошел в атмосферу Венеры.

– Вы тут живете? – спросил Ронсон исключительно из вежливости. – Я имею в виду, здесь ваш дом?

Сосед разразился резким угрюмым смехом.

– Эта чертова дыра? Нет! Мой дом в Санкт-Петербурге. А сюда я приехал деньги зарабатывать. Продавать... гм... э-э. – Он подыскивал нужное слово. – Компьютеры, да? Офисные компьютеры.

Ронсон кивнул. Ему не слишком хотелось заводить дружбу с русским коммивояжером, но от разговора было не отвертеться.

– Колония целиком была построена на орбите Земли и перенесена сюда ракетами, – продолжал комми, сообщая Ронсону то, что ему и так было известно. – С орбиты спустили па... пара...

– Парашютами.

– Парашютами, да. Прямо вниз. – Комми поднял руки. – Бульк! В воду. – Он качнул бутылкой в сторону окна. – Люди тогда на нем строились. Древесина из плавающего... эмм, леса, да? Плавающий лес на моховых островах.

– Да, я знаю, – отозвался Ронсон, который по-прежнему не услышал ничего нового.

– Молоток. – Русский еще раз глотнул из своей бутылки, потом протянул ее Ронсону. – Так зачем ты сюда приехал?

Ронсон отрицательно покачал головой. Было несколько способов избежать нежелательного разговора. Он выбрал самый простой.

– Я детектив, – сказал он и, когда коммивояжер непонимающе уставился на него, уточнил: – Коп.

– Коп. Ага. – Русский внимательно оглядел Ронсона недоверчивым взглядом, затем убрал бутылку и откинулся на спинку своего кресла.

Больше Ронсон не услышал от него ни слова. Это вполне устраивало. Ронсону не хотелось распространяться о том, какое дело привело его на Венеру.

Когда он шагнул в люк, жар окутал его с головы до ног. Воздух, словно в бане, был горячий и густой и невероятно влажный, настолько, что им было трудно дышать. Солнце тут было больше и жарче, чем на Земле, и выглядело ярким размазанным пятном, разогревающим планету даже сквозь плотную атмосферу. Ронсон начал потеть раньше, чем успел дойти до края деревянного трапа, что вел от люка к пирсу. С неба капал какой-то невнятный дождичек, и он тоже был теплым. Ронсон никак не мог понять, стоит ли снять джинсовую куртку, которую он накинул при спуске. Работники порта, впрочем, не особо задумывались над этим. Большинство из них щеголяло в одних шортах и кроссовках, иногда еще в шляпах от дождя, женщины были одеты в бикини или спортивные топики. Пассажиры разбирали вещи из багажного отсека, и Ронсон потратил немало времени, чтобы найти свой чемодан, после чего отправился ко входу в космопорт.

За стойкой была только пара таможенников, скучающего вида русские в форменных рубашках с коротким рукавом, оглядывающие цепочку пассажиров с профессиональным бюрократическим презрением. Офицер, к которому подошел Ронсон, молча окинул взглядом его паспорт и бланк декларации, затем сравнил фотографию с оригиналом и, наконец, приложил печать к странице, мотнув головой в сторону рамки металлодетектора. Никто не просил открыть сумку, но Ронсон знал, что это должно произойти. Разумеется, как только он прошел через рамку, раздался сигнал. Детектор обнаружил его пистолет.

Прекрасно. Значит, он встретится с полицией раньше, чем планировал.

Час ожидания в отделении для задержанных, затем еще полчаса допроса таможенного офицера, который владел английским ненамного лучше соседа-коммивояжера, после чего Ронсон был посажен в электромобиль и доставлен в центральное полицейское управление. По дороге он получил возможность полюбоваться Венероградом. Колония состояла в основном из узких коридоров с низкими потолками и тусклыми фонарями, плафоны которых были покрыты грязью, наклейками и трафаретными граффити на кириллице, затем электромобиль въехал в широкий проем, и Ронсон неожиданно оказался в центре города: гигантский зал, потолок которого находился в паре сотен метров над полом, с внутренними балконами, выходящими на центральную площадь.

Пока машина пересекала площадь, перед Ронсоном мелькали сцены повседневной жизни Венерограда. Жители города в шортах, футболках и жилетках сновали туда-сюда или сидели, развалясь, на парковых скамейках. На балконах сушилось белье, развешанное на веревках. Вдоль домов выстроились ларьки, торгующие немудрящей снедью. Десятка два школьников, скрестив ноги, расположились возле фонтана, слушая лекцию, которую читала им молоденькая учительница. Двое мужчин горячо спорили; еще двое с увлечением наблюдали за этим.

В центре площади стояла статуя Ленина. Вождь был одет в костюм-тройку, что было несколько несообразно погоде. В Венерограде даже для похорон так не обряжали. Вождь указывал куда-то вперед, в великое социалистическое будущее, но статуя была старая и облупившаяся, и какие-то нити, должно быть, резинки от йо-йо, свисали с пальцев великого революционера. На Венере коммунистическая партия оставалась таким же анахронизмом, как и на Земле, но колонистам требовалось больше времени, чтобы избавиться от этого реликта.

Миновав площадь, машина вошла в очередной мрачный коридор и остановилась перед парадным крыльцом с двустворчатыми обшарпанными дверями, украшенными выцветшей красной звездой. Таможенный офицер, заподозривший Ронсона, провел его через переполненные снующими полицейскими коридоры в кабинет, где их встретил Аркадий Булгаков.

Начальник полиции Венерограда был ровесником Ронсона, низеньким и коренастым, с короткой стрижкой, как у Цезаря, которая, похоже, никогда не выйдет из моды у европейцев. Он сидел за столом, заваленным документами, терпеливо выслушал подробный доклад таможенника о задержании подозрительного приезжего. Аккуратно положив ронсоновский «глок» перед собой, Булгаков отпустил офицера. Подождав, пока за ним закроется дверь, начальник полиции вздохнул и сказал:

– Ты тот самый сыскарь, который писал мне по электронке про исчезнувшего парня? – Английский Булгакова был правильным, но с русским акцентом.

– Да, это я. – Ронсон выразительно поглядел на пустое кресло перед столом, Булгаков кивнул, и он сел. – Извините за пистолет. Я собирался о нем рассказать, когда писал письмо, но...

– Мы запрещаем частным лицам носить огнестрельное оружие. Разве вы об этом не знаете?

– Я полагал, что моя лицензия ставит меня в исключительное положение.

– Никаких исключений. Только полиция имеет право носить летальное оружие. – Стул Булгакова скрипнул, когда он наклонился вперед, чтобы забрать пистолет. На секунду взвесив его в руке, он открыл ящик стола и положил внутрь. – Я не буду вас штрафовать, но и носить оружие здесь вы не можете. Я выпишу вам справку. Когда будете улетать, получите его назад.

– Хорошо, но чем мне обходиться до этого? Мне может потребоваться пистолет, вы это понимаете.

– Чтобы найти пропавшего? Сомневаюсь. – Начальник полиции пожал плечами, разглядывая Ронсона. – Можете купить электрошокер, если вам так будет спокойнее, но только если вы собираетесь за город. И, честно говоря, ваши шансы найти этого парня...

– Дэвида Генри.

– ...Дэвида Генри живым практически нулевые. Во всяком случае, могу сказать, что сейчас он не в Венерограде.

– Вы мне говорили это пять месяцев назад, – ответил Ронсон. – И я передал клиенту то же самое. Но старика это не удовлетворило. Его сына видели тут последний раз почти год назад, когда он прилетел на Венеру во время путешествия, которое его отец оплатил ему в качестве подарка на окончание колледжа.

Булгаков приподнял бровь.

– Папаша у него, похоже, богат.

– Семья имеет деньги, а малыш любит путешествовать. Он был уже на Луне и на Марсе, так что, полагаю, Венера была следующей в его списке. Будь он моим сыном, я бы подарил ему новые часы, однако...

– У нас не так уж много туристов. Обычно это обыкновенные роторези, но Генри не из таких. Богатые детки прилетают, чтобы увидеть венерианские чудеса. – Начальник венероградской полиции коротко усмехнулся. – И этот папенькин сынок из их числа. Они выходят на виноградных островах, делают фотографии, покупают сувениры. Это поначалу, а потом попадают в передраги... драки в барах, наркотики, шантаж с проститутками... и тогда они мчатся сюда. А в конце концов летят домой, на чем их путешествие и кончается.

– Но для Генри оно закончилось по-другому. Он не появился дома.

– Значит, появится. – Булгаков повернулся к древнему компьютеру, стоящему на его столе сбоку, набрал что-то на клавиатуре, затем развернул огромный ЭЛТ-монитор так, чтобы Ронсон мог посмотреть на экран. – Это он?

На экране высветилось фото с паспорта – молодой человек немногим старше двадцати. Бледное лицо, высокомерный взгляд голубых глаз, песочного цвета волосы, подстриженные на висках и торчащие шипиками на макушке. Красивый, но избалованный. Тот же паренек, что и на фотографии, которую его отец дал Ронсону, когда тот посетил дом Дэвида в Колорадо-Спрингс.

– Он.

Булгаков развернул экран обратно, написал что-то еще, сделал паузу, чтобы прочитать появившуюся информацию.

– Дэвид Генри зарегистрировался в гостинице «Венера», – произнес он через несколько секунд. – Когда наши инспекторы туда отправились, то обнаружили только его багаж. До отлета «Гагарина», на который у Генри был куплен билет, оставалось всего несколько дней. Мои люди обошли все рестораны, магазины и бары. В кое-каких из них он появлялся, но в последнее время его никто не видел. Разумеется, Генри не явился на посадку на космофлотовский челнок.

– Вы все это мне сообщали, помните? По электронной почте. – Ронсон чувствовал, что зря теряет время. Как он и ожидал, местные полицейские мало чем могли ему помочь. Тем не менее он решил проконсультироваться с ними. Из вежливости и в надежде, что все-таки удастся узнать что-нибудь полезное.

– Именно. Надеюсь, вы поделились этой информацией с мистером Генри-старшим? И когда он связался с российским консульством в Вашингтоне – он ведь это сделал, верно? – ему сообщили то же самое. – Булгаков откинулся в кресле. – Ладно, позвольте добавить то, что я не стал писать в своем письме, потому что мое начальство не хочет признавать некоторые вещи и будет недоволен мной, если я упомяну о них в официальном документе. Такие случаи бывают не часто, но регулярно... В общем, молодые люди вроде Дэвида Генри про-

падают, когда пускаются бродить в порту после того, как всю ночь пьянствовали, – падают с мола и тонут, и их тела обглаживают рыбы-падальщики. Так бывает. Иногда выезжают в океан на прогулочном катере, заказав тур у нелегального оператора, который на самом деле оказывается преступником, клиента грабят, убивают, а тело бросают разлагаться на острове. И такое случается. А иногда... и похуже.

– Например?

Булгаков колебался.

– Вы слышали что-нибудь о «вытяжке»?

– О яже? Кто о нем не слышал...

– Это сленговое слово. У нас говорят: «вытяжка из корня». На виноградных островах растут такие деревья, из которых фармацевты получают биологически активный препарат, анальгетик, используемый в медицине. Но если его делают из коры, то «вытяжку», в свою очередь, извлекают из корней. Она вызывает наркотическое привыкание, как героин...

– И так же опасна, если ее курить. Я знаю о яже все. Его полно и в Америке, и в Европе.

Булгаков нахмурился. Он явно не привык, чтобы его прерывали.

– Зато вы, вероятно, не знаете, как именно контрабандисты его производят. Они – мы называем их жнецами – едут на острова, где растут эти деревья. Наркокартели там уже обосновались, они собирают корни и производят из них яж. Но этот процесс... сбор, варка, осаждение... это тяжелый труд, и никто бы не хотел добровольно этим заниматься. Так что бедных туристов похищают иногда в удобном месте в удобное время и заставляют работать.

– И вы думаете, что так и случилось с Дэвидом Генри? Он был отправлен в рабство на плантации яжа?

– Я бы сказал, это весьма вероятно.

Ронсон медленно выдохнул. Его работа только что серьезно усложнилась.

– А как мне найти эти острова? Я знаю, что они могут дрейфовать на большие расстояния...

– Океанские течения переносят тысячи таких островов, а жнецы неплохо соблюдают конспирацию. Моим людям трудно их выслеживать. Найти парня на островах будет непросто. – Полицейский сделал паузу. – Тем не менее способ есть. Как вы, американцы, говорите, это далекая мишень, но...

– Как мы, американцы, говорим, я весь превратился в слух.

– Поговорите с жабоголовыми.

– С кем?

– Жабоголовыми. Аборигенами. Венерианцами у нас их никто не кличет, похоже на название дурной болезни. Но, во всяком случае, они умны. – Он усмехнулся. – Хотя хорошей компанией их не назовешь. И они многое замечают из того, что тут происходит.

– Я даже по-русски не говорю. Как с ними общаться?..

– Я знаю кое-кого, кто может помочь. Миха Чокнутый. Можете найти его на причале.

И прихватите побольше денег. – Булгаков улыбнулся. – И шоколада тоже.

– Шоколада?

– Вы сами все поймете.

Миха Чокнутый жил на набережной. Все, кто там работал, знали его, Ронсону достаточно было следовать в указанном направлении, и он оказался возле маленькой хижины в доках, где швартовались туристические катера. Чокнутый делал суши из того, что приносили ему рыбаки, и затем продавал туристам.

Ронсон застал его за работой. Миха сидел возле своей хижины, строгал нечто, напоминающее одновременно кальмара и рыбу-крылатку, и обваливал ломтики мяса в клейком рисе. Чокнутый был приземистым пузатым стариком с мускулистыми руками и ногами и густой белой бородой. Кожа его была сморщенной и выцветшей, и, кроме мешковатых шорт

и потрепанной соломенной шляпы, на нем не было ничего. Миха посмотрел на Ронсона пронзительным, немного странным взглядом.

– Суши? – осведомился он скрипучим голосом. – Свежее, сегодняшнее. Очень вкусно. Попробуй.

Булгаков предупреждал Ронсона не есть ничего изстряпни Михи; то, что ему не удалось продать за день, он просто оставлял до завтра, даже если еда портилась от тепла и сырости. Но по крайней мере он говорил по-английски.

– Нет, спасибо. Мне сказали, ты можешь мне помочь. Я хочу поговорить с жабоголовыми.

Глаза Михи сузились.

– Они не жабоголовые. Они морской народ, Хозяева Мирового океана. Ты их не уважаешь и говорить с ними не будешь.

– Прости, я не знал, что они...

Миха со стуком воткнул нож, которым нарезал рыбу, в доску.

– Никто об этом не знает! Их называют жабоголовыми, смеются над ними. Только я... – он ткнул пальцем, покрытым ссадинами, в выпуклую грудь, – подружился с ними, когда приехал сюда тридцать лет назад. Только я, Михаил Кронов...

– Ты на Венере уже тридцать лет? – Ронсон ухватился за последнюю фразу, чтобы сменить тему. – Значит, ты был в одной из первых экспедиций...

– Да. – Миха энергично кивнул, без улыбки, но по крайней мере успокоившись. – Тысяча девятьсот семьдесят восьмой, вторая экспедиция, старшина Советских Военно-Космических сил. – Среди белых усов мелькнула улыбка. – Другие вернулись домой, а я после дембеля остался. Таких старожилов, как я, в Венерограде больше нет!..

– Значит, старшина Кронов, вы тот человек, который мне нужен, – по-военному четко произнес Ронсон, понимая, что от таких людей, как этот Миха, можно добиться многого, если как следует надавить на их тщеславие. – Я хотел бы поговорить с морским народом... или лучше вы поговорите с ними от моего имени, раз вы так хорошо знакомы с ними.

Миха взглянул на него подозрительно.

– О чем? Если тебе нужно просто фотографию... пфф! Полторы тысячи рублей, они придут, ты станешь рядом, а я сделаю снимок. Заберешь домой, на стенку повесишь. «Посмотрите-ка, а тут я с жабоголовыми!» – Он с отвращением плюнул с пирса.

– Я не турист, и фотографии мне не нужны, – сказал Ронсон и полез в карман, мимолетно подумав, что скоро придется покупать шорты, в брюках тут сварисься живьем. Протянул снимок Дэвида Генри собеседнику. – Я ищу этого человека. Он приехал сюда почти год назад, а потом исчез. Родственники наняли меня, чтобы я отыскал его.

Чокнутый Миха взял фотографию и внимательно рассмотрел ее.

– Я не знаю этого парня, – наконец произнес он, – но морской народ может знать. Если парень вышел в море, они его видели. Они знают обо всех, кто выходит в Мировой океан. У тебя есть шоколад?

Ронсон купил несколько плиток Cadbury в магазине при отеле. Он вытащил и показал их Михе. Старик не притронулся к шоколаду, в упор глядя на непонятливого американца. Тогда Ронсон достал из кармана пачку банкнот. Миха еще несколько мгновений помедлил, а потом поднялся со своего табурета.

– О'кей! – сказал он. – Топаи за мной.

Бывший старшина пошарил в хижине и вскоре снова предстал перед сыщиком, сжимая в мускулистой руке клюшку для гольфа, – ни дать ни взять истый англичанин. Забрав у Ронсона деньги и шоколад, Миха повел его вдоль пирса, мимо пришвартованных катеров. Матросы с любопытством провожали странную парочку взглядом; кто-то крикнул им вслед что-то по-русски, а другие засмеялись, но Чокнутый только нахмурился, не повернув головы.

Так они дошли до края причала. Легкая деревянная площадка нависала над водой. Старшина-старожил, ухватив клюшку обеими руками, хлопнул по настилу два раза, затем выждал паузу, ударил еще дважды, потом еще. Затем остановился, поглядел в воду и минуту подождал. Затем ударил еще шесть раз точно в такой же последовательности.

– Так ты вызываешь жабо... морской народ? – поинтересовался Ронсон, который начал было терять терпение, ему казалось, что он зря тратит время.

– Да. – Миха оглядывал поверхность воды. – Они чувствуют колебания и приходят посмотреть, зачем я их зову. Потому что никто, кроме меня, этого не делает.

Как только он просигналил в третий раз, над поверхностью, покрытой рябью воды, всего в паре метров от причала появились три синих бугра. Поежившись, Ронсон ощутил, как на него смотрят три пары немигающих тусклых глаз. Несколько минут все, что он видел, – это странные взгляды этих существ. Затем Миха помахал плиткой шоколада, и они подплыли ближе.

– Отвали назад, дай им место, – прошипел Миха. – Пасть не открывай. Они тебя не поймут.

Один за другим обитатели Венеры выбрались из воды, поднявшись на пирс, и встали перед Ронсоном. Каждый был ростом примерно метра полтора. Передвигались они на двух ногах, но на этом сходство с людьми кончалось. Они походили на странную помесь лягушки, саламандры и дельфина. Покатые безносые головы, широкий рот без губ, глаза навывкате, гладкие безволосые тела, обтекаемые и с признаками принадлежности к млекопитающим, крепкие руки заканчивались перепончатыми четырехпальными ладонями, а ноги – широкими веслообразными ступнями. Короткие спинные плавники на пояснице слегка подрагивали при каждом вздохе существ, а остrokонечные хвосты касались мокрых досок. Ронсон не мог уловить никаких анатомических различий, позволяющих определить, мужчины это или женщины, хотя ему было известно, что туземцы двуполы. Все они были без одежды, и в голубоватом паху не обнаруживалось никаких признаков гениталий. Только рисунок из тонких полос и пятен отличал одну особь от другой.

И еще от них воняло. Как только они вышли из воды, Ронсон уловил отвратительный запах органики, напоминающий смрад гниющих водорослей. Именно вонь заставила его отступить на шаг назад, а вовсе не просьба Чокнутого Михи. Ронсон опасался, что, если жабоголовые подойдут ближе, его вывернет наизнанку.

Недавно он прочитал в журнале статью о том, как египетско-американский ученый, недавно погибший во время пыльной бури на Марсе, незадолго до смерти нашел неопровержимое генетическое доказательство происхождения Homo Sapiens от коренных обитателей красной планеты. Теперь детектив задался вопросом, нет ли аналогичной связи между людьми с Земли и морским народом Венеры, и эта мысль показалась ему одновременно интригующей и отвратительной. Ронсон и представить себе не мог родства, даже самого отдаленного, с этими... жабоголовами.

Миха развернул шоколад и протянул его аборигенам, обратившись к ним на странном наречии, напоминающем протяжное карканье:

– Вор-ворк вокка крох вока.

Жабоголовые прекрасно поняли его, и это было поразительно. Раскачивая головой, двое, что стояли по бокам, прокаркали что-то вроде:

– Ворга крох вок.

Ковыляя, они двинулись к Михе навстречу, сильно наклонившись вперед. Походка их показалась бы неуклюжей, если бы не была такой быстрой.

Лишь один жабоголовый остался на месте. Казалось, он с пренебрежением взирал, как его соплеменники берут у Михи шоколад. Когда венериане открыли рты, Ронсон с ужасом увидел ряды коротких острых зубов с несколько более длинными резцами на верхней челю-

сти. Еще больше его поразило то, каким образом они проглотили плитки шоколада. Отвратительно длинные языки слизали их с протянутых ладоней; шоколад, который даже голодный ребенок не слопал бы быстрее чем за минуту, исчез в считанные секунды. И все же третий жабоголовый – Ронсон не мог отделаться от мысли, что это было преднамеренно, – отказался от шоколада, который протянул ему детектив.

– Почему он не взял у меня плитку? – шепотом спросил Ронсон.

– Я не знаю, – пробормотал Миха, он и сам был немного удивлен. – Раньше они так не поступали. – Он снова повысил голос: – Вагга крох?

– Крох воко! – Третий жабоголовый качнул хвостом взад-вперед, гневно, как показалось Ронсону, и его тусклые оловянные глаза угрожающе сузились. – Крох воко ваккавог!

– Что он сказал?

Миха ответил не сразу. Он еще подержал шоколад на весу, а затем убрал его в карман. Двое других аборигенов начали протестующе шипеть, но третий перестал молотить хвостом и, кажется, немного успокоился.

– Тот, что посередке, – их главарь, – тихо сообщил бывший старшина. – Самка...

– Ты уверен, что это самка?

– У них самки всегда главные... – отозвался Миха. – Она отказалась, потому что шоколад... думаю... она сказала, что это яд... Хотя... не уверен. Я балакаю на их языке, но некоторые слова понимаю плохо.

– Но это первый раз, когда они отказываются от шоколада?

– О да. Я приносил им его несколько лет подряд. Они любят «крох». Больше всего на свете. С его помощью я подружился с ними, научился их языку. – Он помолчал. – Не понимаю, почему один из них отказывается от шоколада. Очень странно.

– Это, конечно, весьма любопытно, но мне надо делать мою работу. – Ронсон вытащил фотографию Дэвида Генри. – Покажи им, – сказал он, передавая ее Михе. – И спроси, не видели ли они его.

Реакция жабоголовых была мгновенной. Как только Михаил показал фотографию, все трое пришли в волнение. Их хвосты со свистом рассекали воздух, иногда хлопая по доскам, а головы мотались вверх-вниз. Они шипели, и кончики их языков скользили между челюстями, когда воздух со свистом вырывался из глоток. Самка-главарь указывала на фото и быстро извергала поток гневных хриплых звуков.

– Да... они знают его, все в порядке. – Миха был удивлен не меньше Ронсона. – И я не думаю, что он им очень нравится.

– Я догадался. Спроси, знают ли они, где он находится.

Михаил снова обратился к жабоговым, и они снова застучали хвостами, яростно кивая. Самка согнулась почти вдвое и, подняв хвост, указала им куда-то влево. Миха выслушал ее, затем повернулся к Ронсону.

– Она в курсе, где он... на моховом острове, который сейчас немного далековато отсюда. Она сказала, что проведет нас к нему, при условии что мы его заберем оттуда.

– Именно этого я и хочу, – пробормотал Ронсон, затем до него дошел смысл сказанного Чокнутым. – Ты сказал «мы»?

Старик улыбнулся.

– Ты ведь не думаешь, что сможешь с ними объясниться, значит, мне придется ехать с тобой, верно? И мне придется нанять лодку, не так ли?

Ронсон не спрашивал об оплате, понимая, что она будет значительной, к счастью, у него было много денег в рублях, да и клиент с радостью окупит все расходы.

– Хорошо. Скажи им, что мы...

Но Михе не представилось возможности перевести. Не говоря ни слова, трое жабоголовых вдруг повернулись и нырнули с пристани, почти беззвучно канув в темную воду.

– Чего это они?

– Все в порядке, – отмахнулся Чокнутый. – Мы договорились... Они вернутся завтра утром. Приходи сюда. Я найму судно, которое отвезет нас туда, куда требуется. До свидания. Миха повернулся и побрел от края пирса к своей хижине.

– Увидимся позже, – сказал ему в спину Ронсон, подумав, что по крайней мере успеет купить себе одежду полегче и необходимое снаряжение, в том числе электрошокер, единственный разрешенный ему тип оружия. Он отдавал себе отчет, что успокаивает себя, ведь нельзя не заметить, что Михаил Кронов чего-то недоговаривает.

«Афродита» была потрепанной рыбацкой шхуной, с разбухшими от дождя досками палубы и деревянной, латаной-перелатаной обшивкой.

К удивлению Ронсона, капитан судна оказался американцем. Барт Анджело, среднего возраста, немного сутулый, седовласый, пахнущий рыбой. Сорок тысяч рублей за такую посудину было многовато, но у Ронсона не было выбора. Он сторговался с Анджело за тридцать пять, с условием что не придется платить еще и экипажу; на дополнительной плате экипажу первоначально настаивал капитан.

Миха оказался прав – жабоголовые появились. Трудно было сказать, сколько их. На пирс они взбираться не стали, плавали возле шхуны, наблюдая за приготовлениями людей. Ронсон удивлялся, как они догадались, на каком судне они с Михой собираются плыть. Чокнутый объяснил, что венериане всего лишь дождались их появления на пирсе, а после проводили до «Афродиты».

– Они не животные, – добавил Миха, сурово взглянув на Ронсона. – Морской народ очень умен... никогда не забывай об этом.

Услыхав Михины поучения, капитан «Афродиты» рассмеялся.

– Если они такие умные, какого черта они запутываются в моих сетях?

– Запутываются, и что? – осведомился Миха.

– Прогрызают в них дырки, – пробормотал капитан, пересчитывая деньги в пачке, которую передал ему Ронсон. – Эти чертовы твари мне дорого обходятся...

Миха хмыкнул и ушел на корму. Ронсон расслышал, как он что-то пробурчал по-русски, непонятно, но энергично.

Жабоголовые сопровождали «Афродиту», которая, пыхтя мотором, покинула гавань Венерограда. Они держались по правому борту, пока судно не вышло за внешние бакены, а там вырвались вперед и шли по курсу шхуны со скоростью спортивных лодок, иногда выныривая на поверхность, словно дельфины. Ронсон испугался, что «Афродита» нагонит их и потопит, но, когда Анджело разогнал дизель до двадцати узлов, морские обитатели вернулись на прежнюю позицию. Они без труда двигались со скоростью шхуны, Ронсон с Михой ни разу не потеряли их из виду.

Венероград постепенно отодвигался к горизонту, становясь все меньше и меньше, пока не исчез за пеленой вечного дождя, но, даже когда он пропал из виду, другие признаки присутствия человека на Венере встречались повсюду. «Афродита» обгоняла рыбацкие шхуны и туристические лодки, вышедшие с утра в открытое море, и даже встретила с потрепанным траулером, неделями рыскавшим в поисках глубоководных морских чудищ. Вдалеке показалось громадное сооружение на сваях: скорее всего нефтяная вышка, принадлежащая Русско-Арабской Корпорации. Иногда встречались маленькие одномачтовые парусники, владельцы которых спешили воспользоваться теплой погодой и попутным ветром. Вообще-то Мировой океан Венеры мало подходил для прогулок на яхтах, ятсмены-любители часто исчезали бесследно.

Ко второй половине дня «Афродита» осталась в одиночестве, но ненадолго. Вскоре в пределах видимости появился первый из виноградных островов, и морской народ повел шхуну к нему.

Ронсон не мог похвастаться прилежной учебой – он бросил колледж и поступил в полицию Нью-Йорка, в результате чего стал полицейским инспектором, но кое-что из школьных знаний об истории второй планеты сохранил. Миллиарды лет назад Венера была практически копией Земли и в достаточной мере похожа на Марс, чтобы предположить, что гипотеза панспермии объясняет генетическое сходство людей, марсиан и жабоголовых. В какой-то момент в начале времен средняя общая температура Солнца поднялась, что вызвало катастрофический парниковый эффект, расплавивший полярные льды и приведший к образованию постоянного слоя облаков с непрерывным дождем. В конце концов всю планету затопило, и материки оказались под водой раньше, чем тектонические сдвиги смогли компенсировать подъем уровня воды. Остался только единый Мировой океан, под поверхностью которого лежали старые континенты с их каньонами и горными хребтами, будто земли Атлантиды, которые никогда больше не увидят дневного света. В некоторых местах дно океана было всего лишь в десятке-другом метров от поверхности, и именно тут подводная растительность росла в изобилии. Одной из самых распространенных ее форм были густые, ветвистые водоросли, которые, вырастая до определенной величины, обретали плавучесть, отрывались от дна и свободно перемещались по поверхности. Океанские течения сносили эти водоросли вместе, они переплетались и образовывали плавающие острова диаметром в несколько километров.

За бесчисленные тысячелетия острова стали пристанищем для самых различных форм жизни. Главным образом – для деревьев с пятнистой корой, чья древесина служила источником любых прекурсоров² для фармацевтических препаратов, и яча в том числе. И как только люди научились путешествовать между планетами, земляне обнаружили, что Венера богата ресурсами, которые только и ждут, чтобы их использовали.

Но не все радовались этому.

– Мы насилуем эту планету, – заявил Миха, прислонившись к планширу правого борта и наблюдая, как жабоголовые проплывают мимо небольшого виноградного острова. Один из них приблизился к шхуне и на своем квакающем языке передал Михе, что им нужна передышка, но не здесь, а на более крупном острове. Анджело, выслушав это требование, неохотно подчинился и бросил якорь возле следующего острова, более крупного. Похоже, русскому, который всю дорогу отмалчивался, захотелось поговорить.

– Насилуем? – переспросил Анджело, который присел под брезентом, натянутым, как навес, над палубой, и жевал бутерброд, который сам состряпал себе на камбузе. – Не стоит так говорить о своей сестре... нехорошо это.

Миха проигнорировал его слова, так же как и Ронсон. Капитан обладал извращенным чувством юмора; сыщик убедился в этом, когда некоторое время назад спустился в рулевую рубку, где Анджело тут же начал травить анекдоты, один другого скабрее, пока не обнаружил, что пассажир незаметно сбежал.

– Почему ты так считаешь? – спросил Ронсон у Чокнутого, повернувшись к капитану спиной.

– Мы приходим сюда, – ответил Миха, – и гребем, гребем, но ничего не даем взамен. – Он кивнул в сторону жабоголовых, дремлющих среди полуденной жары на склонах холмов из переплетенных водорослей, вьющихся плетей винограда и мха. – Они страдают, ведь мы крадем их леса, загрязняем воду нефтью, разрушаем острова...

² От *лат.* praecursor (предшественник) – вещество, участвующее в реакции, приводящей к образованию целевого вещества. (Прим. авт.)

– А они за это ошиваются вокруг Венерограда и воруют у вас шоколадные плитки, – встрял Анджело, хотя никто его и не спрашивал. – По-моему, вполне справедливый обмен.

– Нет. Не справедливый, – упрямо отозвался Миха. – Весь мир за шоколад... совсем не справедливый обмен.

– Ну, конечно... – протянул капитан. – Особенно если учесть, кто впервые посадил на него местных. – Заметив вопросительный взгляд Ронсона, Анджело продолжил: – Хотите сказать, вы не в курсе? Шоколад вызывает у них привыкание. Как кокаин, а может, и похуже. После того как они пробуют его, им нужно все больше и больше. И как думаете, кто первый предложил им его?

Лицо русского налилось краской.

– Ты лжешь! – выкрикнул он. – Я не первый, кто это сделал. Один из моих товарищей...

– О, разумеется. Может быть, ты не первый, но один из первых. – Анджело швырнул остатки сэндвича за борт и вытер руки о шорты. – А если не ты, то почему ты не прекратил эти фокусы с шоколадом?

Миха отвернулся, не ответив на обвинение. Ронсон понял, что это правда.

– Однажды мы все заплатим за то, что здесь натворили, – тихо сказал детектив.

– Ладно... Вы платите мне за поездку, а день не резиновый, – пробормотал Анджело, поднялся с места и направился к капитанской рубке. – Велите своим жабам подниматься. Я хочу поскорей добраться до места и вернуться домой.

Желание капитана не сбылось. В конце дня жабоголовые все еще не достигли цели, и «Афродите» пришлось искать другой остров, чтобы бросить якорь. Жабоголовые нашли себе место для ночевки на мшистом берегу. Когда океан накрыла тьма, Анджело отпер ящик на корме и вытащил большую сеть. Ронсон сначала подумал, что она предназначена для травления, но капитан велел ему и Михе растянуть ее от рулевой рубки до креплений, возвышающихся над кормой, так что палуба оказалась полностью закрыта. Затем Анджело погасил все палубное освещение и, как только они трое спустились в салон, опустил шторы на иллюминаторах.

Едва они успели поужинать, Ронсон узнал причину этих предосторожностей. Откуда-то послышалось хлопанье крыльев, перемежающееся с пронзительными криками. Как объяснил Михаил, они принадлежали одному из видов венерианских птиц: ночные сорокопуты, хищники, видом и размерами напоминающие пеликанов, но очень опасные. Сорокопуты охотились стаями, стремясь настичь добычу возле островов; они не боялись людей, и были случаи их нападения на неосторожных моряков, которые решались выйти на палубу с наступлением сумерек. Сети заставляли их держаться подальше, но, если и они не помогали, одного разряда электрошокера было достаточно, чтобы отогнать сорокопутов на безопасное расстояние. И все же лучшим средством защиты было не появляться на палубе до рассвета.

Всю ночь, после того как они улеглись в каюте, Ронсон слышал, как сорокопуты кружат возле судна. Отдаленное громыхание и вспышки молний, отсвечивающие из-под края шторы на иллюминаторе, предвещали скорую грозу. Она началась после полуночи, но судно только слегка покачивалось на волнах. Грохотали грозовые раскаты, мерно барабанил дождь по крыше. Детектив так и не смог заснуть – он ворочался на койке, сжимая электрошокер, спрятанный под подушкой. Ронсон прислушивался к звукам, издаваемым крыльями хищников, и к шуму далекого шторма.

Венера оказалась опасным миром.

Под утро все успокоилось. Дождь ослабел, лишь немного моросило. В небе висело жаркое пятно солнца, скрытого облаками. Когда Ронсон поднялся на палубу, возле судна уже слышалось нетерпеливое кваканье. Миха выдал аборигенам шоколад, и, как в прошлый раз, самка-вождь отказалась. Анджело и Ронсон свернули сетку, подняли якорь. Капитан завел двигатель, и «Афродита» двинулась вперед, ведомая жабоголовыми.

Встречные плавающие острова попадались все чаще и становились все крупнее. Ронсон впервые увидел венерианские леса. Деревья с пятнистой корой были похожи на пальмы, но росли плотными группами, как в джунглях, их широкие стволы были туго перетянуты лианами, а широкие, рубчатые листья бросали на воду широкие тени.

Около полудня «Афродита» прошла мимо судна, идущего в противоположном направлении, – деревянного корабля, размером с небольшой сухогруз, палуба которого была загружена распиленными и очищенными стволами. Со встречного корабля подавали сигналы, как это положено в море, но Анджело не отреагировал на них.

– Перекупщики яжа не стали бы отвечать, – пояснил он.

– Перекупщики яжа? – переспросил Ронсон. – Ты имеешь в виду тех, кто...

– Кто хочет приобрести яж, ага, – подтвердил Анджело. – Это будет нашей легендой, когда доберемся до места... Потому что, поверьте мне, у нас нет шансов уйти оттуда живыми, если жнецы узнают, что мы не собираемся покупать наркотики.

Ронсон все еще пытался осознать сказанное капитаном, когда жабоголовые неожиданно повернули вправо и направились к большому острову всего в километре от них. Когда «Афродита» подошла к берегу, мужчины заметили тонкую струйку дыма, поднимающуюся из леса. Анджело передал Ронсону бинокль, и тот разглядел пару катеров размером с «Афродиту», пришвартованных к плавучему причалу.

– Все в порядке, это лагерь яжевых плантаторов, – сказал Анджело и, оглянувшись, воскликнул: – Эй! Что, черт возьми, они делают?

Ронсон повернулся туда, куда смотрел капитан. Трое жабоголовых, развернувшись, плыли к шхуне.

– Думаю, они хотят поговорить, – произнес Миха.

Анджело заглушил двигатели.

– Поговорить, значит, – раздраженно пробормотал он, пожав плечами.

Пока шхуна шла на холостом ходу, русский вернулся на корму. В это время жабоголовые, словно собаки, двигались вдоль правого борта, их тела были хорошо видны под водой. Вождь проквкала что-то Михе, тот выслушал и повернулся к Ронсону.

– Она говорит, на этом островке находится человек, которого мы ищем, – перевел он, – но венериане отказываются плыть дальше. Они останутся тут, пока не увидят, что мы возвращаемся, и тогда последуют за нами.

Ронсона озадачило, что морской народ отказывается сопровождать их на последнем отрезке пути до острова, но он не собирался спорить. Когда шхуна двинулась дальше, он спустился вниз, где под подушкой лежал электрошокер. Только он положил его в пустую кобуру, как в кабину вошел Миха.

– Оставь это, – сказал русский. – Если жнецы увидят его у тебя, неприятностей нам не избежать.

Ронсон уставился на него.

– Тогда как, черт возьми, я должен спасти того парня?

Миха колебался.

– Придумаем что-нибудь, – сказал он наконец. – Со жнецами буду говорить я, хорошо?

У Ронсона опять не оставалось выбора. И все же, когда шхуна приблизилась к острову, он поднялся на палубу с электрошокером, спрятанным под нейлоновым дождевиком. Когда никто на него не смотрел, Ронсон спрятал оружие в ящике для сетей – незаметно и легко можно воспользоваться при необходимости.

Мужчины на острове ждали, пока «Афродита» бросит якорь. Двое жнецов, стоявших на пирсе, поймали конец, который бросили им Миха и Ронсон, и пришвартовали суденышко рядом со своим. Коренастый человек, седой, коротко стриженный, поставил ногу на борт «Афродиты», скрестив руки на голой груди.

– Привет! – произнес он по-русски грубым голосом, но не враждебно. – Кто вы такие?

– Михаил Кронов, – представился Миха. – Кто-нибудь из вас по-английски шпрехает? Жнец посмотрел на своего товарища, бритоголового молодого парня с бородой.

– Я говорю, приятель, – отозвался тот с австралийским акцентом. – Так кто вы такие?

– Это господин Ронсон, наш американский друг. – Миха слегка качнул головой в сторону Ронсона. – По-русски он ни бум-бум. – Австралиец засмеялся, но русский молчал, по-видимому, ни слова не понимая из того, что говорят. – Мы сюда прибыли по делу...

– По какому еще делу?

– Думаю, вы знаете по какому. – Миха подмигнул австралийцу. – Можем мы поговорить с вашим главным? С кем мы можем... гм, как это сказать... договориться...

– Вытяжка из корня, – деревянным голосом произнес Ронсон по-русски. Михаил бросил на него предостерегающий взгляд, но детектив не видел необходимости ходить вокруг да около. Раз их судно здесь, значит, для этого могла быть только одна причина. – Я хочу купить яж...

Австралиец посмотрел на своего товарища и сказал ему что-то на русском. Тот несколько мгновений внимательно изучал прибывших, обводя взглядом с головы до ног. Затем медленно кивнул, и австралиец вновь заговорил:

– Конечно, давай... вот сюда.

Ронсон оглянулся на капитанскую рубку. Анджело стоял в дверях. Он покачал головой, давая понять, что останется на палубе. Ронсон кивнул и последовал за Михой на берег. Следом за двумя жнецами они пошли в глубь острова.

Почва была мягкой и губчатой, как мох. Пока они не достигли деревянного настила, положенного жнецами, его ноги при каждом шаге с легким шорохом погружались в грунт. Лес сомкнулся вокруг них, как только они отошли от берега, и «Афродита» сразу же исчезла из поля зрения, и у детектива внезапно рефлекторно перехватило дыхание от резкого запаха, которым был наполнен влажный, тяжелый воздух. Вонь становилась все тяжелее по мере того, как они заходили дальше, и поначалу Ронсон думал, что так пахнут сами джунгли, но когда они оказались в центре острова, то увидел, откуда исходит запах.

Пресека, появившаяся среди деревьев и запутанного, кустистого подлеска, оказалась тем местом, где наркоторговцы поставили свой лагерь. Вокруг стояли деревянные бараки и обычные брезентовые палатки. На высоких столбах по периметру лагеря были натянуты сети, без сомнения, для того, чтобы отогнать ночных сорокопутов, а кроме того, чтобы обеспечить маскировку от любых воздушных судов, которые могут пролететь над островом.

В лагере были необходимые удобства, кухня, спутниковые антенны, нужники. Над железными печками высились баки, сделанные из старых металлических бочек. На углях медленно побулькивало варево, испускающее ту самую вонь, от которой слезились глаза. Мужчины и женщины, что помешивали жидкость в чанах, замотали лица платками, и Ронсону хотелось сделать то же самое. На поверхности бурлящей воды плавали коричневые пенообразные сгустки, и Ронсон заметил, как один из работников длинным черпаком тщательно отцедил тягучую массу и выложил ее на поднос, который оставил затем сушиться на деревянной платформе под брезентом.

– Яж, – пояснил Миха, кивая в сторону платформы.

– Да, вот тут мы его и производим, – австралиец, которого, как выяснилось, звали Грэм, с гордостью указал на чаны. Русский, которого звали Борис, оставил их, как только они пришли в лагерь. – Мы кладем туда корни, вывариваем смолы, отделяем, собираем... так мы получаем качественный продукт. – Он указал пальцем на открытый сарай, где пара женщин с помощью бытовых безменов взвешивали «вытяжку», упаковывали куски в бумагу и перетягивали упаковки резинками. – В каждой пачке полкило. – Грэм указал на соседний барак,

где упакованные брикеты лежали штабелем, как кирпичи. – С одного этого острова можно получить... ну, думаю, килограммов пятьсот минимум.

– И тогда вы двинетесь дальше, – добавил Ронсон.

– Ага... новый остров, новый сорт, еще одна гора рублей. – Грэм засмеялся и хлопнул его по спине. – Ваши плантаторы из Штатов не выдержали конкуренции и удрали домой, с нами им не тягаться...

Ронсон слушал его вполуха, внимательно разглядывая лица окружающих, надеясь увидеть Дэвида Генри, но никого похожего не обнаружил. Правда, те, кто помешивал воду в чанах, закрывали нижнюю половину лица банданами. Незаметно было, чтобы кого-то здесь принуждали силой. Во всяком случае, никаких надсмотрщиков детектив не видел, даже вооруженной охраны по периметру. Если кто-то из работников и был тут в рабстве, он не слишком переживал по этому поводу. Быть может, Булгаков ошибался, и жабоголовые... Ронсон чувствовал, что в нем поднимается раздражение. Как он мог быть настолько наивным, чтобы поверить в это? Хозяева Мирового океана, как же! Это действительно животные, что бы там Миха ни болтал. Неудивительно, что его прозвали Чокнутым... Кто-то похлопал его по плечу. Ронсон оглянулся и увидел Бориса, незаметно подошедшего сзади. И рядом с ним, в широкополой шляпе и мокрой от пота футболке, стоял Дэвид Генри.

– Привет, – сказал он, протягивая руку. – Я слышал, вы хотели бы купить яж.

Только скромный опыт работы под прикрытием в нью-йоркской полиции помог Ронсону не выказать своего удивления. В одно мгновение он понял, почему Дэвид Генри бесследно исчез. Быть может, когда он прибыл на Венеру, то не собирался становиться наркобароном. Наверное, эта возможность представилась ему не сразу, а спустя какое-то время. Так или иначе, он не был в плену у жнецов яжа; он был их главарем.

– Именно так, – сказал Ронсон, пожимая руку «пропавшего». – Вижу, у вас неплохо поставлено дело. Я и не знал, как получают это вещество.

Дэвид улыбнулся и беспечно пожал плечами.

– Немногие знают технологию, это надо видеть самому. Не сложнее, чем получать гашиш... ну или крэк. И намного безопаснее. – Он указал на сети, натянутые над ними. – А это только защита от птиц. Власти давно махнули на нас рукой. Думаю, им просто плевать.

Ронсон мысленно с ним согласился. Булгаков говорил ему примерно то же самое.

– Все равно добыча корня, наверное, хлопотное дело, – произнес он, стараясь выиграть время и найти какой-нибудь предмет разговора, чтобы понять, как действовать дальше. Он огляделся. – Я имею в виду, вам самому не нужно рубить деревья...

– Ну, у меня есть специально обученные... – Голос Дэвида прервался. Его взгляд остановился на Мике, который топтался рядом. – Эй, я тебя знаю! – воскликнул он. – Ты... – он пощелкал пальцами, вспоминая, – тот парень, что торчит на причале Венерограда и заставляет жаб позировать для фотосъемки!

– Михаил Кронов, – представился Миха, отводя взгляд.

– Да-да! Чокнутый Миха! – Дэвид был явно удивлен и обрадован этой встречей. – Думаю, ты меня не помнишь. Мы никогда не разговаривали, но... чувак, я тебя помню! Я тебе многим обязан, чувак!

Миха воззрился на него.

– Вот как?

– Угу. – Дэвид снова взглянул на Ронсона. – Вы взяли его как переводчика, верно? Я имею в виду, он не мог знать, как нас найти, так что вас привел сюда тот парень с лодки.

– Совершенно верно. – Ронсон позволил Дэвиду остаться при его мнении. – Михаил присоединился к нам, когда я сказал ему, куда мы направляемся.

– Круто. – Дэвид снова повернулся к Михаилу. – Как я говорил, ты ведь придумал этот трюк, верно? Когда жабы прибегают к тебе за шоколадом? – Он обвел рукой лагерь. – Именно это сделало возможной нашу жизнь здесь. Да ладно, давайте я вам покажу...

Еще одна дощатая дорожка вела в сторону от лагеря. Она заканчивалась на небольшой полянке неподалеку, возле глубокого колодца, вырытого в переплетении лиан и мха, составлявших основание острова. Над колодцем склонились два жнеца, пристально всматривающиеся в глубину, словно ожидая чего-то.

– Когда я впервые сюда приехал, – сказал Дэвид, – жнецы вырубали корни пятнистых деревьев вручную. Все было нормально, за тем исключением, что, когда наши люди начинали корни перерабатывать, те успевали засохнуть, а значит, яж, который из них производился, сильно терял в качестве. Все знали, что лучший яж делается из свежих корней, но, чтобы добраться до них, нужно иметь акваланги и тренированных водолазов, которые будут подплывать снизу. И это чертовски опасно... Всегда найдется тварь, желающая сожрать тебя, пока ты в воде. Тогда у меня возникла идея...

– Поднимается, – сказал один из жнецов, наблюдавших за водой, и через мгновение на поверхности появился жабоголовый. Его блестящие глаза пару секунд рассматривали людей, стоящих вокруг ямы; они отошли назад, чтобы дать ему место, и абориген выбрался наверх. На его груди была закреплена нейлоновая сумка; как только жабоголовый оказался на суше, один из мужчин расстегнул сумку, отнес ее к тачке и вытряхнул. Пара мокрых, волокнистых комка, похожих на большие узлы, упали в тачку: это были корни пятнистого дерева. Человек, взявший сумку, протянул один из них боссу. Он сказал что-то на русском; Дэвид слегка нахмурился, но все равно кивнул. Другой жнец полез в карман и, вытащив плитку шоколада, протянул жабоголовому.

Удивительно, но абориген не сразу взял ее.

– Вурго вока крох, – прохрипел он, глядя на дыру, из которой только что выбрался. – Крокка ков вок-вокка.

Михаил прошипел сердито, но так, что слышал это только Ронсон. Детектив ничего не сказал, но краем глаза заметил, что губы старика сжались.

– Ничего, – сказал человек с шоколадом в руке; он был американцем, южанином, судя по акценту. – Возьми это и проваливай вниз. – Когда жабоголовый снова не взял шоколад, он выдернул из-за пояса электрошокер, используемый на Земле для скота. – Либо то, либо это, – сказал он, протягивая плетть и шоколад. – Твой выбор.

При виде плетки жабоголовый вздрогнул. Ронсон понял, что это существо отличается от тех троих из морского народа, которые сопровождали их «Афродиту» из Венерограда. Худощавей, голова наклонена вперед, глаза потухшие, темные, а на боках виднелись следы от электрических ожогов. Он выглядел как раб.

– Крох, – покорно сказал он, протягивая руку к шоколаду.

– Да, это крох, мать твою. – Жнец разломил плитку на две части и бросил меньшую жабоголовому. – Теперь проваливай вниз... и в следующий раз приноси больше!

Жабоголовый медленно засунул шоколад в рот и проглотил. Затем, словно приняв свою судьбу, повернулся и прыгнул в яму ногами вниз.

– Ловко, – тихо произнес Ронсон.

Михаил молчал.

– Я тоже так считаю, – усмехнулся Дэвид, гордясь собой, – вроде бы обычный шоколад, но они полностью зависимы от него. И все, что нам нужно, – это найти несколько жаб, дать им пару кусков шоколада, но не давать больше, пока они не научатся откусывать корни пятнистого дерева и приносить нам.

– Думаю, им, кроме шоколада, теперь ничего не нужно. – Человек с электрошокером откусил от второй половины плитки, но остановился. – Большой расход, босс, – обеспокоенно добавил он. – Не думаю, что у нас осталось больше нескольких штук.

– Правда? – Дэвид нахмурился. – Ну, мы подумаем, что с этим можно сделать. В следующий раз отправим кого-нибудь в Венероград для пополнения запасов...

– У нас есть несколько на борту, – сказал Ронсон.

– Да? – Дэвид взглянул на него, и лицо его просветлело. – Сколько?

– Целая сумка. Пара десятков по меньшей мере. – Ронсон преувеличивал, зная, что Михаил привез всего несколько, но у него появился план. – Ладно, как пойдём обратно на борт, я дам их тебе. По дороге обсудим детали нашего договора... Деньги у меня с собой.

Улыбка на лице Дэвида Генри стала шире.

– Звучит толково. – Он повернулся обратно к лагерю. – Люблю людей, которые приходят подготовленными. Пошли.

Ронсон шел за ним, намеренно избегая сердитого взгляда Михаила.

Поймать Дэвида Генри оказалось до смешного легко. Парень был так уверен, что российские власти не охотятся на него, что стал слишком доверчив к тем, кто приезжал купить яж. Он даже не взял с собой кого-нибудь в сопровождение, когда пошел с Михой и Ронсоном обратно к пристани.

По пути к «Афродите» Ронсон продолжал играть. Он пытался торговаться, пытаясь угадать, сколько может выручить перекупщик за сто килограммов яжа, и оказалось, что он был близок к верной цифре, предложив пятьсот тысяч рублей. Дэвид пытался поднять цену до шестисот, и, ступив на борт, они сошлись на пятисот пятидесяти. Плюс пачка плиток шоколада, которые Дэвид шутя назвал «подсластителем».

Он все еще посмеивался над собственной шуткой, когда они зашли на шхуну. Ронсон, также улыбаясь, как бы случайно наклонился над ящиком для сетей и достал спрятанный там электрошокер. Затем выпрямился, развернулся и выпустил в юношу разряд раньше, чем тот понял, что происходит. Электроды уперлись Дэвиду в грудь, и он с хрипом рухнул на палубу, продолжая дергаться, пока Ронсон с Михой спешно отвязывали концы, а Анджело запускал двигатель.

К тому времени, когда Дэвид пришел в себя, его запястья и икры были туго связаны, а складной нож из его кармана Ронсон предусмотрительно забрал. Перевернувшись на спину, Дэвид посмотрел на детектива.

– Что, мать твою?..

– Твой отец нанял меня, он поручил тебя найти. – Ронсон сидел под брезентом, глядя на остров, медленно исчезающий на горизонте. – Если тебе повезет, я отвезу тебя к нему домой. Но я знаю копов, которые могут быть против этого, так что... – Он пожал плечами.

– Чувак, ты обдолбался. Когда мои ребята узнают, что ты натворил...

– Они за тобой придут? – Ронсон с сомнением покачал головой. – Не рассчитывай. Никто не кинется в погоню. Даже если они сообразят к двум прибавить два, то не будут рисковать, пытаясь тебя спасти. Думаю, они соберут чемоданы и уедут так быстро, как только можно, и кто-то назначит себя новым боссом. – Он с легкой улыбкой посмотрел на Дэвида. – Не хочу тебя расстраивать, мальчик, но для таких людей, как эти, ты – расходный материал. Причем легко заменяемый.

Дэвид Генри сердито взглянул на него, но ничего не ответил. Видимо, понимал, что Ронсон прав. Детектив щелчком открыл пиво, которое нашел на камбузе.

– Так как же ты ввязался во все это? Ты пришел сюда потому, что хотел участвовать в наркобизнесе, или наткнулся на него случайно и?..

– Стоп, машина! – Михаил стоял на носу, вглядываясь в воду. – Остановись! Морской народ впереди!

– О, бога ради... – Анджело явно не хотел останавливаться перед жабоголовыми, приведшими их на остров, но все же сбавил обороты, и судно по инерции продвинулось еще вперед до полной остановки. – Давайте побыстрее, хорошо? Я хочу все же держаться от жнецов на расстоянии.

Трое аборигенов плавали под водой, и над поверхностью виднелись только их глаза. Шхуна остановилась, но мотор еще работал, когда Миха перегнулся через борт и позвал их. Он говорил почти минуту, но жабоголовые не отвечали. Когда он закончил, они молча исчезли под водой, словно их и не было. Анджело ждал несколько секунд, чтобы убедиться, что они отплыли на безопасное расстояние, и снова завел лодку.

– Что ты им сказал? – спросил Ронсон Миха, когда он вернулся на корму.

Тот ответил не сразу. Он стоял над Дэвидом Генри, сжимая кулаки, сверля пленника холодным убийственным взглядом. Дэвид попытался выдержать этот взгляд, но не смог и отвернулся.

– Я сказал им, что нашел человека, которого мы искали, и что мы благодарны им за помощь, – наконец ответил он.

– И все? – Ронсон не поверил ему. Миха говорил слишком долго для такой короткой фразы.

Михаил кивнул и спустился вниз, закрыв за собой дверь каюты.

«Афродита» продолжала двигаться на запад, следуя за скрытым в тучах, медленно плывущим к закату солнцем. Оно уже стало скатываться за горизонт, когда Анджело решил сделать остановку на ночь. Поскольку островов поблизости не было, он просто заглушил двигатель, позволив судну свободно дрейфовать. Раз до суши далеко, то и вероятность наткнуться на сорокопутов, охотящихся преимущественно на побережье, невелика. Капитан оставил сети в ящике, и, поскольку было еще не слишком поздно, Миха предложил поужинать на корме, под брезентовым навесом.

Можно было немного расслабиться. Все же Ронсон предпринял некоторые меры предосторожности – осмотрел океан в бинокль. Кроме лесозаготовочного корабля, проплывшего вдалеке, никаких других кораблей им не встретилось от самого острова наркоторговцев. Как он и предсказывал, жнецы, по-видимому, решили, что преследование людей, похитивших их шефа – бывшего шефа, – создаст больше проблем, чем оно того стоит. Он заметил представителей морского народа, появляющихся изредка то там, то тут, они держались вдалеке от их лодки. Детектив не мог точно сказать, были ли это их недавние проводники, но полагал, что нет, не они. Их условие было выполнено, и у них больше не было причин для общения с людьми.

Но он ошибался.

Когда сгустилась темнота, на поверхности океана появились жабоголовые, прямо перед «Афродитой». Мужчины все еще сидели на палубе под тентом. Ронсон развязал ноги Дэвида, но запястья оставил связанными; юноша ел тушенку с бумажной тарелки, которую Анджело поместил у него на коленях.

Когда Ронсон скользнул взглядом вдоль палубы, он заметил совсем рядом в воде в свете палубных фонарей пару блестящих глаз.

– У нас гость, – сказал он.

Анджело повернулся в кресле и проследил за его взглядом.

– О, черт, – растерянно пробормотал капитан. – Чего он хочет? – Он взглянул на Мihu. – Дай ему шоколад и скажи, чтобы проваливал. Меня сейчас вырвет от них.

Весь вечер русский почти ничего не говорил. Теперь он отложил тарелку, отодвинул стул и встал. Сперва он повернулся к жабоголовому – нет, теперь Ронсон заметил, что там уже не одна пара глаз, а две... уже три, – затем поглядел на Дэвида.

– Ты помнишь, когда мы были в вашем лагере, ты показывал нам, как ты заставляешь морской народ таскать вам из воды корни? Помнишь, что один из них сказал тебе и твоим людям? – Дэвид ничего не ответил, и Миха продолжил: – Я знаю, что ты не понял, что он тебе сказал, но я понял. Она сказала, что больше не хочет шоколада и просит вас отпустить ее.

– Так, ладно... – Парень следил за жабоголовыми. Они приближались. Ронсон насчитал уже шестерых, и, казалось, их становится все больше. – Это действительно очень тяжело, но я не думаю... не думаю...

– Ты не думаешь, значит? – Миха отошел от стульев. – А теперь ты заплатишь.

С кормы раздался стук, и жабоголовый появился над бортом. Едва его ноги коснулись палубы, за ним появился следующий. Затем третий.

– Эй, что ты?.. – Анджело поднялся со своего места, глядя на странных существ. – Скажи этим уродам, пусть убираются с моей шхуны!

– Они скоро уйдут. – Михаил был спокоен, стоя прямо, опустив руки. – Как только возьмут то, чего хотят. – Он слегка улыбнулся. – И нет, это не шоколад.

– Михаил, это зашло слишком далеко. – Ронсон поднялся, нащупывая на поясе электрошокер. Но рука нащупала пустую кобуру. Детектив вспомнил, как столкнулся с Михой перед ужином, и теперь понял, почему тот не сразу восстановил равновесие. – Михаил!..

Жабоголовые все поднимались и поднимались с обоих бортов. Ронсон слышал, как они прыгают на доски палубы. Восемь, десять, двенадцать? Он понятия не имел, сколько их. В свете фонарей теперь сверкали не только их глаза, но и зубы в открытых пастьях. Сверкающие острые зубы...

– Уберите их от меня! – Дэвид Генри вскочил на ноги, и тарелка свалилась с его колен. Когда он повернулся к Ронсону, в его широко открытых глазах был только ужас. – Возьми оружие, что-нибудь, но убери их, на хрен, от меня!

Ронсон посмотрел на Михаила. Жабоголовые, стоявшие за спиной Чокнутого Михи, теперь медленно приближались.

– Не надо. Михаил, не позволяй им делать это...

– Спустись вниз, – ответил Миха. – И ты тоже, капитан. Если вы вмешаетесь, они не... Как по сигналу, жабоголовые ринулись на них.

Ронсон мало видел из того, что произошло дальше. Все произошло быстро, расправа была жестокой, и к тому времени, как детектив с капитаном добежали до каюты и оказались внутри, все было кончено. Почти. Крики еще были слышны, когда капитан захлопнул дверь и они вдвоем всем весом привалились к ней.

Но жабоголовые пришли не за ними. Они пришли за Дэвидом Генри.

И за Михаилом.

Люди отчаянно сопротивлялись, но борьба не продлилась и нескольких секунд. Судно раскачивалось из стороны в сторону, а за дверью слышались звуки ударов. Затем последовала серия шумных всплесков. И снова все стихло.

Ронсон выждал еще минуту. Не только чтобы убедиться, что жабоголовые ушли, – нужно было дать сердцу время перестать грохотать в груди. Затем он медленно приоткрыл дверь и выглянул наружу. Анджело испуганно смотрел из-за его плеча.

Перевернутые стулья. Разорванный брезент. Кровь на палубе, смешанная с лужами морской воды. Тел не было.

Двое мужчин стояли на корме, чувствуя, как теплые капли дождя текут по их лицам. Далеко, почти на горизонте, молнии резко вычерчивали контуры облаков фиолетового и серебряного оттенка – такой был и в глазах морского народа. Глухо грохотал гром.

Приближалась гроза.

– Ненавижу эту проклятую планету, – прошептал Анджело.

– Да, – сказал Ронсон, – я тоже.

Леви Тидхар

Это старый добрый приключенческий рассказ, в котором стремительное развитие событий бросает храброго космонавта в стычку с мстительным богом исчезнувшей цивилизации среди душных венерианских болот...

Леви Тидхар вырос в кибуце в Израиле, много путешествовал по Африке и Азии, жил в Лондоне, на одном из островов Вануату, в Южном океане, и в Лаосе. Тидхар выиграл премию Кларка – Брэдбери 2003 года (награда Европейского космического агентства), был редактором «Майкл Маршалл Смит: аннотированная библиография» и антологий «Пособие для взрослых Дика & Джейн» и «Избранное мировой фантастики». Он автор сборников рассказов «Еврейский панк», «Профессии Ангелов», «Горэл и пузатый Бог», «Облачные перемещения», «Иисус и восемь ступеней пути», а также романа «Тель-авивское досье» (соавтор романа – Нир Янив). Его творчество богато короткими рассказами, переведенными на семь языков и опубликованными в сборниках Interzone, Clarkesworld, Apex Magazine, SciFiction, Strange Horizons, ChiZine, Postscripts, Fantasy Magazine, Nonymous, Infinity Plus, Aeon, The Book of Dark Wisdom, Fortean Bureau и в других журналах. Среди его последних произведений – роман «Книжник» и его продолжение «Камера-обскура, Усама» и совсем недавний роман «Большая игра». Роман «Камера-обскура» получил Всемирную премию фэнтези как лучший роман 2012 года. Его последние книги – «Марсианские пески» и «Век насилия». После тель-авивского периода своего творчества автор снова живет в Англии.

Леви Тидхар Затонувший владыка

1

Кольт играл в карты, когда беда пришла в виде мертвеца, который еще не знал, что он мертв.

Это было на древней Венере, старой и самой мрачной планете. Слепой поэт не ошибся, когда сказал: и космосом мужчина овладел давным-давно. Женщина, впрочем, тоже, хотя, говоря по справедливости, Кольт думал, что женщины, пришедшие на эту планету в прошлые эпохи, вряд ли могли надеяться, что попадут в Порт-Смит. Это был сумрачный и суровый аванпост Земли, построенный на тонкой полоске твердой суши посреди топей Венеры. Сверху над ним нависли фиолетовые облака, а со всех сторон в плотное кольцо его зажали грибные заросли и густые вечнозеленые джунгли, поросшие по краям болот.

Земляне называли это место Порт-Смит; какое имя дали ему венерианцы, Кольт не знал.

Кольт играл в сложный марсианский преферанс. Играл по-крупному, что, по общему мнению, очень рискованно в его положении. У него не было наличных, да к тому же не хватало везения, а ему требовалось и то и другое, если он хотел когда-нибудь выбраться с этой проклятой планеты. Но пока ничто такой возможности не предвещало.

В углу старый Исмаэль, слепой музыкант, поднес к губам свой инструмент и, сбиваясь, начал играть. Это была дрим-флейта, и, как только первые мягкие звуки вырвались из нее, вокруг стола выросли призраки. У Кольта перехватило дыхание: это были венерианские танцовщицы – возможно, из какого-нибудь сгинувшего храма Атлантиды; смелые и свободные. Их длинные черные волосы струились по плечам, а в глазах отражались космические корабли, уходящие в бесконечные пространства. Медленно призраки получали форму, тени становились насыщеннее, скользя в танце через весь бар, между столами и незанятыми стульями: и все мужчины зачарованно следили за ними, даже Кольт. Все, кроме незрячего музыканта.

Было жарко. Со временем духота изматывает. Другие мужчины в баре потели, но Кольту было прохладно. За окнами «Головы Медузы» облачный покров простирался от горизонта до горизонта, покрывая небо непроницаемым куполом: такая погода на Земле предвещает ураган. Время от времени был слышен далекий грохот, когда один из кораблей взмывал в небо. Выглянув в окно, Кольт в очередной раз был ослеплен яркой белой вспышкой, исчезающей в облаках. Он выпил бокал местного Arkia и покосился на свои карты, ожидая, чем повернется к нему фортуна в этой партии.

Раздался приглушенный гул, и другие игроки подняли глаза. Кольт же не сводил глаз со стола, свободной рукой придерживая пистолет. Они играли вчетвером: кроме него, за столом сидели два низеньких, покрытых чешуей венерианца и землянин, которого звали Картер. Звук, словно от далекого взрыва, прозвучал снова, а через мгновение грохот сотряс пол под ногами.

– Это не ракета, – сказал Картер.

Венерианцы обменялись многозначительными взглядами, но не произнесли ни слова.

– Играю на все. – Кольт кивнул на стол, где лежало все, что осталось от его денег, и полная сумка марсианских золотых слитков.

На мгновение повисла тишина.

– Я пас, – сказал один из венерианцев, и землянин тут же последовал его примеру. Кольт увидел свое отражение в глазах оставшегося игрока. Губы венерианца скривились в улыбке, которая Кольту совсем не понравилась.

– Ну? – нетерпеливо спросил он.

Венерианец медленно открыл свои карты. Кольт уставился на них и почувствовал, как сердце ухнуло вниз.

Проиграл!

У венерианца были королева Отчаяния, валет Отчаяния и еще десятка той же масти. У Кольта же были семерка Любви, двойка Потерянного блаженства, девятка Любви и Шамбло: безумные карты.

У венерианца был Королевский Расклад. А у Кольта ничего – кроме пистолета.

– Не стоит, – произнес венерианец. Он безошибочно определил звук передергиваемого затвора.

В этот момент снаружи разразился третий взрыв. На этот раз почти прямо над головой. Взрывная волна сотрясла бар и опрокинула свободные стулья; пол засыпало осколками стекла, а карты вихрем закружило в воздухе. Рука Кольта накрыла сумку со слитками и стащила ее со стола. Он уже был на ногах и, держа в вытянутой руке пистолет, направился к двери. Слепой музыкант положил дрим-флейту, танцующие девушки исчезли, и Кольт ощутил мгновенное чувство утраты.

– Что за... – начал было Картер. Дверь бара с грохотом распахнулась, в комнату ворвался человек. Он кинулся вперед в одном отчаянном, последнем желании жить и упал к ногам Кольта. Рана его была очень серьезна.

– Ложись!

Выстрел лучевой пушки ворвался вслед за раненым, и землянин Картер с криком упал, обхватив руками лицо. Не отрывая глаз от двери, Кольт наклонился над столом и сгреб все деньги, лежащие на нем, в сумку. Землянину они бы уже не потребовались, а вот Кольту могли пригодиться. К счастью, крики быстро прекратились, и Картер затих окончательно. Их было теперь трое против неизвестной угрозы – двое венерианцев и Кольт. Слепой музыкант исчез, и его фантазии вместе с ним.

– Руг! – крикнул один из венерианцев, тот, кто раньше бросил карты. Дико оглядываясь, он выбежал наружу. Кольт слышал его крики, но были то угрозы, или мольбы, или то и другое, определить не мог. Когда четвертый взрыв сотряс стены и пол, Кольт слышал еще крики снаружи, но вскоре они смолкли.

Кольт и венерианец остались в баре одни: они и неизвестные убитые возле их ног.

– Как тебя зовут, землянин?

– Кольт. А тебя?

– Шарол. И деньги эти принадлежат мне.

– С этим мы можем разобраться позже, – ответил Кольт, – когда выберемся из этой передраги.

На лице Шарола появилось сомнение.

– Если, конечно, выберемся.

Кольт пожал плечами.

– Есть идеи, что это может быть?

– Очевидно, Руг.

– Что такое Руг?

– Не знаю. – Шарол снова взглянул на него странно. – Но мои деньги в беде.

– Это... – прохрипел умирающий на полу. Кольт взглянул на него повнимательней и с удивлением обнаружил, что тот землянин. Он был покрыт ужасными шрамами и очень тощ. Ожоги, истекающие гноем, покрывали его руки. – Это... сокровище.

– Сокровище? – переспросил Шарол, венерианец с пестрой пурпурной кожей и маленькими, почти прозрачными ушами. Он принадлежал к редкой породе аборигенов – ее представители ростом ниже землян и кажутся слабыми, но недооценивать их не стоит, такая ошибка может стать фатальной. – Ты меня заинтересовал, незнакомец.

– Храм находится... – Глаза умирающего закрылись.

С бьющимся сердцем Кольт опустил на колени, не сводя, однако, глаз и ствола с открытых дверей.

– Где? – воскликнул он, тряся умирающего. – Где?

– Руг... – прохрипел незнакомец с ужасом и отвращением. – Руг! – И дыхание его замерло.

– Будь ты проклят, – процедил Кольт.

Холодный смех Шарола заставил его обернуться. Венерианец глядел на него с изумлением.

– Смерть – еще не конец, землянин Кольт, – заявил он. – Но будем надеяться, люди, которые его преследуют, об этом не знают.

– Пусть приходят! – сказал Кольт, чувствуя, как холодная, дикая ярость прожигает его насквозь. Венерианец только молча кивнул. Они с Кольтом встали по обе стороны двери. – Готов?

– Это пистолет?

– Полагаю, что да, приятель.

– Тогда готов.

Они одновременно развернулись и выскочили в двери наружу.

Над горизонтом висело солнце под облаками, окрашенными в фантастические оттенки фиолетового, красного и зеленого, переходящие один в другой. Прямо впереди Кольт увидел врага – а враг увидел их.

Кольт выстрелил и покатился по земле. Он предпочитал огнестрельное оружие. Лучевое хорошо действовало в сухом климате, в мирах с разреженным и чистым воздухом. Но в болотистых мирах, таких как Венера, Кольт чувствовал себя спокойнее со старым земным пистолетом вроде тех, что стреляли пулями. С пулями он чувствовал, что твердо стоит на ногах.

Это было почти то же самое, что вернуться домой.

Пули, конечно, застали нападавших врасплох. Кольт не знал, кто они. Ему удалось разглядеть их, когда он снова развернулся и выстрелил: высокие, нескладные существа в металлической броне, худые, над их головами раскачивались фиолетовые антенны. Он не сомневался, что переговаривались они беззвучно. И похожи были в том, что созданы для войны.

Но Кольт тоже не из трусливых, ему доводилось бывать и в более опасных стычках, на десятке суровых и опасных планет. На другой стороне венерианец Шарол непрерывно стрелял, его оружие выпускало один заряд за другим, но они лишь отскакивали от брони нападавших – походящих на гигантских муравьев существ.

– Целься в их антенны! – крикнул Кольт и скорее почувствовал, чем услышал, уважительный смешок Шарола. Тот вскинул оружие, и хрупкие усики нападавших со страшным шипением отлетели прочь. Кольт продолжал стрелять, и его пули щелкали по броне. Он видел, как упал один, второй, третий. Очевидно, что конструкция этих созданий не была рассчитана на старомодное земное оружие.

И тут он увидел! Позади насекомоподобных врагов вздымался сам источник взрывов, разрушивших бар, горящий в небе ярким огнем, пронизывающий облака, бросающий мертвенный отсвет на болота и сам космодром. В этих отсветах Кольт смутно разглядел извивающееся тело гигантского существа с горящими красными глазами и тонкими, изящными крыльями.

– Что это? – сказал, точнее, просипел он и услышал ответ Шарола:

– Это Пожиратель Солнца.

Нападавшие рассредоточились, и через полосу свободного пространства Кольт видел парящее в вышине существо, гладкое, красивое, и, казалось, вокруг Пожирателя Солнца звучала прекрасная песня, а точные его размеры оценить было сложно, настолько яркое свечение исходило от него.

Оно было прекрасно. Но дракон не был свободен.

Похожие на муравьев противники держали Пожирателя Солнца на стальных канатах, как дети воздушного змея, и контролировали его полет.

– Мы не можем сражаться с ними за него! – сказал Шарол, но Кольт возразил:

– Он так красив...

– Мы здесь погибнем, землянин, – резонно отметил Шарол.

Кольт внутренне ощутил, что спокойствие схватки сменяется в нем горячей яростью. Что бы здесь ни происходило, сколько бы его ни пытались убить – все это в пределах его понимания. Но держать на цепи такое существо – такое создание! – это преступление против самой природы.

И он не мог – не должен был – позволить им это!

Он бросил Шаролу пистолет. Венерианец поймал его.

– Позаботься о передней линии, а потом двигайся за мной.

– Что ты собираешься делать?

– Освободить его! – крикнул Кольт и кинулся вперед, дернув из-за спины винтовку. Это был карабин Марсианского корпуса, изготовленный во времена прошлой войны, в которой Кольт принимал участие, до сих пор не зная, на чьей стороне.

Он ринулся на них, как марсианский демон пыльных бурь, как фурия из забытых легенд про Лемурию или Му, земные континенты, исчезнувшие в глубине веков. Винтовка грохнула, извергая огонь. Он заметил, как упал один враг, потом второй. Луч бластера пронизал воздух, и руку Кольта прожгла боль, от которой выступили слезы, но он не бросил оружия. Он был уже среди этих безликих странных существ, руками, ногами и прикладом винтовки расчищая себе путь. «Это роботы», – подумал он, смутно припомнив что-то, но сейчас не было времени на воспоминания: он стрелял и бил, не думая о собственной безопасности, отмечая только, как один за другим металлические тросы бессильно волочились по земле. А над ним Пожиратель Солнца медленно поднимался все выше и выше. Дракон крикнул, и голос его был чист, как горная вода. Оставшиеся враги кинулись на Кольта с удвоенной яростью, и он понял, что это конец. Его окружили, сбили с ног, и он лежал в венерианской грязи, глядя в небо, освещаемое искусственным солнцем. «Значит, так я умру?» – думал он без горечи, скорее с разочарованием; он всегда желал умереть среди зеленых холмов Земли.

Но поблизости раздались учащенные выстрелы, и, повернув голову так, что щека уперлась в грязную землю, он увидел Шарола, бегущего вперед и палящего из его пистолета. Кольт вытянул руку, схватил за ногу одного из врагов и дернул, опрокидывая на землю. Без боя не умру, решил он, навалившись на робота, и дернул пластину его брони голыми руками, и, когда пластины разошлись, под ними он с удивлением увидел ярко-зеленое и пронзительно фиолетовое тело, покрытое коркой, как от запекшейся крови. Это органика, противники действительно были живыми! Кольт потянулся за кинжалом на ноге, из последних сил вытянул его и вонзил в желатиновую плоть киборга. Ужасная дрожь прокатилась по телу умирающего, отдаваясь болью в руке Кольта. Тем временем Пожиратель Солнца взревел, обнаружив, что никто не управляет им. Кольт почувствовал биение крыльев и жар, распространившийся вокруг. Он закрыл голову руками, испачканными в склизкой крови, в ожидании немедленной гибели.

Через мгновение, все еще живой, он открыл глаза. Вокруг него лежало кольцо пепла, пепел лежал везде, куда докатился невыносимый жар. Там, где были враги, виднелись кучи оплавленного металла и пузырящейся слизи.

Кольт посмотрел вверх. Над его головой завис Пожиратель Солнца, сверкающие глаза дракона были устремлены на землянина. Крылья двигались плавно, почти лениво, поднимая сухой горячий ветер. Они долго смотрели друг другу в глаза. Потом с прощальным криком, полным то ли благодарности, то ли торжества, величественное создание исчезло в небе, как гаснущая заря.

– Кольт? Кольт! – Это был Шарол, он стоял на коленях неподалеку, и одна его рука плетью висела вдоль тела; в ране белела кость. – Ты жив!

Кольт поморщился.

– У тебя сломана рука, – ответил он.

– Ерунда. – Шарол бросил пистолет Кольту. Тот поймал его одной рукой. Другая была сильно обожжена. – Пойдем!

– Куда?

– Обратно в бар. Пока не нагрянула охрана космопорта или кто-нибудь из этих тварей.

– Хочешь выпить?

Кольт, следуя за товарищем, быстро пришел в норму. Его винтовка была при нем, пистолет в кобуре. Он чувствовал себя хорошо. Настолько хорошо, чтобы оставаться живым – на Венере и в любом другом мире.

– погоди, – сказал он, когда они подошли к бару. Здесь лежали тела первых из убитых ими врагов. Он опустился на колени рядом с одним из них и осторожно рассмотрел.

– В чем дело? – спросил Шарол.

– Киборги... – ответил Кольт. Прищурившись, он перевернул одну бронированную ногу. Как и ожидал, на металле был отпечатан серийный номер. Он вспомнил. До этого дня они ему не встречались... – Они были созданы еще во время Юпитерских войн. Тела призывников-людей заживо встраивались в машины. Они предназначались для войны в космосе, а не на Земле. Я думал, что все они были списаны и уничтожены давным-давно.

– Так как они тут оказались?

– Понятия не имею.

– Пойдем, – сказал Шарол, потеряв интерес. Он шагнул в темное помещение бара, и Кольт пошел за ним. Бутылка Arkia чудом не разбилась, хотя и упала на пол. Шарол поднял ее, сделал большой глоток и передал Кольту. Напиток приятно обжигал горло. Труп мужчины, с которого все началось, так же лежал на полу.

– Руг, – задумчиво повторил Шарол.

– Сокровище, – добавил землянин. Они обменялись взглядами. – Ладно. Мы все равно никогда не узнаем, откуда он пришел.

Шарол засмеялся странным глубоким смехом, эхом отразившимся в пустом здании.

– Я тебе расскажу, землянин. Смерть не конец. Дай мне свой нож.

Значит, венерианец заметил спрятанный на лодыжке кинжал Кольта. Это лишний раз доказывало, что он был человеком бывалым, как и землянин. И был достоин уважения. И когда Кольт достал кинжал, еще липкий от крови киборга, и кинул его венерианцу, тот ловко поймал его.

– Что ты собираешься... – начал Кольт, но Шарол лишь усмехнулся и опустился на пол рядом с покойником. Весело насвистывая, он быстрыми движениями начал отрезать мертвецу голову. Кольт сделал еще один глоток. Когда операция была закончена, венерианец поднялся и вернул ему оружие, держа голову за волосы. Лицо убитого печально смотрело на Кольта.

– Это действительно было необходимо? – спросил Кольт, но Шарол не обратил на его вопрос никакого внимания.

– Давай убираться отсюда, – сказал он.

– Куда?

– Нужно найти одну грязь.

– Грязь?

– И еще нам нужно... – добавил Шарол, с улыбкой помахивая отрезанной головой взад-вперед, – найти ведьму.

2

Грязь воняла. Она пахла стухшей водой и разлагающимися растениями и животными. Кольт и Шарол копошились в мелком болотце. Их одежда бесформенной кучей валялась на берегу, но пистолет землянин держал при себе. Голова мертвеца лежала в сумке. Затянутое тучами небо было фиолетового оттенка, и молнии вновь вспыхивали где-то вдалеке, предвещая очередную грозу.

Они были в двух днях пути от Порт-Смита, в глубине венерианских джунглей. Ожоги Кольта чесались под слоем грязи – она исцеляла их. Шарол сидел рядом, попыхивая сигарой, и его рука была полностью погружена в серую жижу. Пальцы ног Кольта торчали из воды. Немного далее пальцев возвышался болотный тростник, в котором то здесь, то там шевелились хищники, оставаясь невидимыми. Иногда на поверхности показывалось толстое с прожилками щупальце и вновь исчезало в глубине.

– Если ты не побеспокоишь их, они не побеспокоят тебя, – произнес Шарол. Его голую грудь покрывали старые шрамы, как и у Кольта. Соски у него были маленькие и жесткие. Кольт отвернулся. Когда он отмылся от грязи, на месте ожогов уже появилась новая кожа.

– Забавно.

– Венера таит много глубин, – изрек Шарол.

Кольт посмотрел на болото, где мелькнуло очередное щупальце. Оно было настолько огромным, что трудно было представить размеры морского чудовища, которому оно принадлежало.

– Не сомневаюсь, – сказал он.

– Расслабься! Повернись спиной. – Шарол начал смывать грязь со спины Кольта.

Вода была теплой, как в ванной, и пальцы Шарола глубоко массировали его спину, снимая напряжение, о котором Кольт минутой ранее даже не догадывался. Он расслабленно выдохнул.

– Продолжай.

Они еще некоторое время оставались в воде. Когда грязь была смыта, а сами они высохли на берегу болота, солнце уже садилось, бросая на тучи кроваво-красный оттенок. На поверхности болота показалось гигантское существо, размером с корабль. На его голове располагались куполообразный клюв и огромные красные глаза. Вокруг тела волнообразно двигались щупальца, от которых во все стороны расходились волны. Клюв раскрылся, и вечерний сумрак прорезал крик, полный неземной тоски.

– Это Обитатель, – пояснил Шарол, и в его голосе слышались грусть и любовь. – Прислушайся.

Кольт услышал, как воздух наполняют ответные далекие призывы других существ.

– Они зовут друг друга каждый вечер, по всему миру. Но с каждым годом все меньше и меньше голосов слышится в ответ.

Кольт смотрел вперед. Обитатель, развернув голову, похожую на огромную луковицу, в сторону невидимых за тучами звезд, кричал на языке, понятном только его племени. Кольт смущенно откашлялся, не желая, чтобы венерианец заметил, что он растроган.

– Колониальная политика Земли не в моей компетенции... – неловко начал он.

– Я знаю, землянин, – с горькой иронией произнес Шарол. – Вы понимаете прекрасно, что творите, летая к звездам, дети Земли. Летая с энтузиазмом, с дерзкой самоуверенностью. Вы сочувствуете нам... и все-таки продолжаете прилетать.

Кольт согнул руку. Новая кожа слегка покалывала. Вот бы наладить экспорт целебной венерианской грязи в другие миры! Места вроде Порт-Смита находились на всех континентах Венеры. Колонии Новой Земли возникли на некогда великом основании – руинах древней, погибшей, венерианской цивилизации. Однажды эти болота будут высушены, Обитатели перебиты на деликатесы для богачей других планет, а грязь расфасована и продана маленькими порциями тем, кто может позволить себе заплатить крупную сумму за ее целебные свойства... Он хлопнул Шарола по спине. Эти дни еще не наступили и, может быть, никогда не наступят.

– Поверь мне, – сказал он, – у меня нет никакого желания оставаться на вашем комке вонючей жижи под названием Венера дольше, чем необходимо. У меня пусты карманы, я был ранен и почти убит, и даже не знаю за что, и теперь мы тащим в мешке голову мертвеца. Где эта проклятая ведьма?

Шарол рассмеялся. Небо окончательно потемнело, когда солнце исчезло за горизонтом.

– О землянин, – не без симпатии произнес он. – Как ребенок, ты смотришь, но не видишь.

– Не вижу чего? – спросил Кольт.

Шарол молча мотнул головой, указывая в сторону.

Кольт покосился. В тусклом ночном свете казалось, что Обитатель растет из болота, поднимаясь все выше, как цветок лотоса. А потом он заметил ее – светлую тень на фоне монстра. Женская фигура, обнаженная и гибкая, с тем же фиолетовым оттенком кожи, что у Шарола. Она сидела на спине Обитателя, и ее длинные красновато-фиолетовые волосы переливались в гаснущих лучах солнца. На мгновение у Кольта перехватило дух. Изящным движением венерианская женщина скользнула в воду. Она подплыла к ним, двигаясь сильными и короткими рывками, и, когда вскоре поднялась на берег, ее синеватое тело сверкало каплями воды, словно крошечными бриллиантами. Кольт ожидал увидеть опасную ведьму, но не ожидал, что будет очарован ею! Болотная дева улыбнулась, обнажив мелкие острые зубы.

– Добро пожаловать, Шарол, – заговорила она, – ты пришел в странной компании.

Венерианец медленным движением кивнул ей в ответ.

– Две головы, пустая и мертвая, – усмехаясь, ответил он. – Это Кольт, землянин. А кто наш спутник, я пока не знаю.

– И поэтому вы искали меня. – Она внезапно обратила взор на Кольта. В ее глазах светился лихорадочный свет; Кольта смутил этот изучающий взгляд. – Я пришла бы раньше, но заметила ваши занятия на отмели и... решила, что лучше подождать.

Кольт покраснел. Шарол усмехнулся на этот раз жестче.

– Это моя сестра, Яро.

– Рад познакомиться, мэ, – произнес Кольт.

Взгляд ведьмы резко скользнул к мешку в руках Шарола.

– Мертвец странствует, кто этого не знает... Кто из нас, странников, живущих под алыми небесами, сможет предсказать время своей кончины?

– Мы надеялись выяснить, откуда он пришел, – сказал Шарол.

– Все еще охотишься за сокровищами, брат?

– Конечно, – быстро ответил Шарол. – Только на этот раз у меня есть партнер.

Ведьма снова бросила на Кольта быстрый, как молния, взгляд, а через мгновение уже смотрела в сторону. Затем резко повернулась.

– Пойдем, – сказала она и повела их по узкой тропе от болота в джунгли.

Им ничего не оставалось, как следовать за ней.

3

Дом ведьмы располагался глубоко в лесу. За верхушками деревьев вдали виднелись кратеры вулканических гор. У их подножия находился последний земной город. Основатель назвал его Люсилем, возможно, в честь давно умершей возлюбленной. За ним лежали неизведанные земли первобытной Венеры.

«К западу от Люсила нет воскресений, а к западу от Порт-Смита – и самого бога», – говорят колонисты.

Как предстояло выяснить Кольту и Шаролу, колонисты никогда раньше так не ошибались.

– Ну, брат, что ты принес мне? – спросила Яро.

Они стояли в ее доме. Он был прост, но красив, и фиолетовые языки пламени струились в очаге, от которого в воздух поднимался столб душистого дыма. Шарол открыл сумку и вытащил голову мертвеца.

– Она воняет, – сказал Кольт.

Голова, которой отвратительный венерианский климат не мог пойти на пользу, уже начала разлагаться.

– Вам надо было принести ее раньше.

Шарол пожал плечами.

– Ты можешь поговорить с ним?

– Попробую. – Яро взяла голову. Теперь ведьма была одета в простую накидку, складками спадающую с ее плеч. Держа голову обеими руками, она всматривалась в остекленевшие, мертвые глаза. Наконец она с сомнением покачала головой. – Я постараюсь, – пробормотала она, – хотя он давно уже на Темном Пути.

Она сделала им знак следовать за ней. Кольт вяло повиновался, дым кружил голову, притупляя сознание. Яро открыла дверь в следующую комнату. Воздух в ней был холоднее. Посреди комнаты стояла непонятная конструкция. Она словно бы выростала из земли: грубый ствол в окружении извилистых ветвей, уходящих вперед и назад, как щупальца. Яро поместила голову мертвого на стволе и начала сгибать ветви к голове, одну за другой погружая их сквозь размякшую кожу и кость. Кольт стиснул зубы, но не отвернулся.

Когда все было готово и голова была утыкана ветками, Яро заняла место возле свободных ветвей. На этот раз они сами потянулись к ней, извиваясь и прикрепляясь к ее голове. Она начала бормотать слова на незнакомом Кольту языке. Ее глаза закрылись, и по ветвям странного дерева потекло слабое голубое свечение, распространяясь от ведьмы к голове мертвеца. Кольт с ужасом обнаружил, что воздух вокруг них начинает шипеть и потрескивать. Тело Яро тряслось, охваченное холодным пламенем.

Веки покойника дрогнули.

Кольт не верил своим глазам. Это было совершенно невозможно.

Голова снова моргнула. И вдруг покойник открыл рот и закричал.

Кольт невольно сделал шаг назад и врезался в Шарола, который поддержал его. Яро сделала резкий жест, и покойник сразу замолчал.

– Там не так уж много, – произнесла Яро.

– Постарайся, – ответил Шарол, сжимая руку Кольта.

Яро закрыла глаза.

Голова снова шевельнула губами. И начала говорить.

– Утонул. В болоте. Руг. Руг! Узри его приход. Человек со звезд имеет плоть для сердца. Сердце звезд! Огонь горит, он обещал нам сокровища, но превратил в рабов. Я спасся один, но они идут, идут! Невыразимые богатства, все, что пожелаешь. Но эти богатства убивают. Не испытывайте свою судьбу! На ступенях храма, к северо-северо-западу.

– Сосредоточься! Нам нужны координаты! – закричал Шарол, заражая Кольта своим волнением.

«Сокровища!» – думал Кольт, взвешивая в уме предостережения мертвеца. Не стоило доверять трупу. Яро трясло, пот заливал ее лицо, она вся была мокрой. Кольт скользнул взглядом по изгибам ее бедер, перевел взгляд на ее соски, маленькие и твердые, как у ее брата. Синее пламя выстрелило вверх, и над головой мертвеца возникла объемная картина, вначале размытая, она становилась все четче. На ней были вершины ближайших вулканов и дальше, за ними, великая река, извивающаяся меж болот. То здесь, то там сквозь густые кроны деревьев Кольт замечал дым невидимых деревень, венерианских поселений, в которых никогда не видели людей с Земли. Картина поменялась, и он разглядел древний храм на поляне в джунглях, на берегу огромного болота, в которое впадала река.

– Здесь! – сказал Шарол. При звуке его голоса Яро опустила руки. Она упала на колени, и ветви с хлопаньем отсоединились от нее. Изображение пропало, и мертвая голова замолкла вновь.

– Яро! – Шарол подошел к ней и встал на колени рядом. Яро вздрогнула. Ее глаза распахнулись, и в них был ужас.

– Руг... – слабым голосом прохрипела она, и в нем звучали только боль и страх. – Руг!

4

В путешествиях по Венере есть особая монотонность. Вы можете обладать опытом блуждания, скажем, по островкам вулканического происхождения в южной части Тихого океана или в густых джунглях, покрывающих планеты, и потому считаете, что знаете толк в дикой природе, но это заблуждение. Есть что-то разъедающее душу в вечных хмарах, нависших над головой, духоте и сырости, от которых никуда не скрыться, здесь никогда не бывало голубого неба и зеленых холмов, которые великолепно воспел знаменитый слепец Рислинг. Он не любил Венеру и, если Кольт правильно помнил, описал ее как гнилую безрадостную падь, в которой царит смерть.

«А чего ожидать от пьяного старого поэта?» – мог ответить на это Кольт. Путешествуя несколько дней через джунгли и болота, плывя под парусом по величественной реке, которую жители болот называют Мукхтар, а некоторые и поклоняются ей, как богу, Кольт начал смотреть на эту планету глазами своего спутника.

Это был мир, которого земляне, богобоязненные администраторы и колонисты, никогда не видели. Кольт видел красоту, скрытую в движении туч, для которых у венерианцев существует то ли пятьдесят, то ли сто разных названий; он замечал вихри подводных речных течений, чувствовал запах дыма скрытых от взора поселений и землистую, то есть неземную, вонь болот, которой венерианцы способны наслаждаться, как хорошим вином. Венера была планетой тайн и древних загадок, многие из которых никогда не будут раскрыты. По мере путешествия он и Шарол все больше сплывались, и в тесном пространстве их узкой вытянутой лодки между ними укрепилась та особая связь, которая объединяет мужчин в общем деле.

Иногда Кольту казалось, что он видит в небе над горизонтом яркие вспышки, словно ложные солнца, и неизбежные звуки далекого грома за ними. Он не говорил об этом с Шаро-

лом, но началось это с тех пор, как они покинули Порт-Смит, и у него невольно возникала мысль, что Пожиратель Солнца следует за ними.

– Шарол?

Стояла ночь, и вдалеке перекрикивались в болотах Обитатели. Ночной воздух был полон жужжанием летящих на бортовые фонари насекомых и сыростью.

– Что?

– Слышишь этот звук?

Шарол замер. Его маленькие острые уши двигались, как радары. Кольт тоже прислушивался. Изменился шум воды. Он стал ниже и резче. Гул был еще далеко, но быстро приближался.

– Пороги! – успел крикнуть Кольт, и в тот же момент Шарол всем телом толкнул его, и оба рухнули за борт. Вода оказалась неожиданно ледяной, холод пронзил Кольта до костей.

Шарол держался рядом с ним.

– Давай за мной! – крикнул он.

Течение уже унесло лодку прочь. Впереди в воздухе уже кружились клочья белой пены, рев воды закладывал уши. Водопад был близко, слишком близко!

Поток стремительно тащил их вперед. Кольт уже начал паниковать, но вдруг почувствовал, как рука Шарола вцепилась в его запястье и с силой тянет к себе. Они остановились! Он развернулся и увидел клубок темных корней, растущих прямо из воды, и силуэт Шарола среди них. Это были корни дерева натонгтонг, растущего под водой. И течение выволокло их прямо на него! Кольт крепко держался за Шарола, пока, перехватившись, не уцепился за какую-то корягу. Медленно, сантиметр за сантиметром, они подтягивались, держась за густые липкие корни.

Когда наконец они выкарабкались на берег, то еще долго не могли отдышаться, хрипя, обессиленно свалившись в грязь. Кольт посмотрел в ту сторону, где над рекой с грохотом поднималось облако белого пара. Еще тридцать метров, и их ждала верная гибель. Он слабо улыбнулся.

– Да, мы были на волоске, – просипел он.

Шарол не ответил.

– Шарол?

Он повернул голову, но рядом никого не было. Кольт встревоженно приподнялся. Грязная сырая одежда тут же прилипла к коже. На земле виднелись следы. Он вскарабкался на крутой склон, цепляясь руками за растения. Он уже почти выпрямился, когда рука товарища схватила его за плечо и рывком дернула вниз.

– Осторожно, дурак!

Кольт упал ничком в грязь рядом с Шаролом.

И увидел!

Он стоял на берегу и был гораздо выше, чем представлял себе Кольт. Какая исчезнувшая раса могла обладать технологиями для возведения такого храма? Огромные каменные глыбы поднимались высоко в небо, каждый высотой и шириной в несколько человеческих ростов; гигантские статуи фантастических существ и богов стояли между ними – Шамбло, и Таг, и Безымянный. И над всем этим возвышалась цепь пирамид, резко освещенных на фоне фиолетового неба, вдоль которой двигались, летали и висели в небе темные фигуры.

– Что это за место? – потрясенно прошептал Кольт. Но Шарол не успел ответить. Знакомый звук сразу нескольких бластеров, выстреливших залпом, пронизал воздух. Кольт дико огляделся. Темные фигуры выросли вокруг, хлопывая западню, из которой не было выхода.

– Что это за место? – раздался громкий голос, сильный и мелодичный, в котором слышалась одновременно и презрение, и интерес.

Маленькая круглая тень шагнула вперед, и перед ними оказался пухлый человечек в круглых очках с мягким, но неприятным лицом.

– Это *мое* место.

Шарол отчаянно потянулся за пистолетом, но Кольт схватил его за руку, останавливая. Противников было больше, огневое превосходство на их стороне.

Человечек рассмеялся. В нем было что-то знакомое в лице, голосе, интонациях... И вдруг Кольт вспомнил. Глаза его расширились.

– Ван Хвизен, – произнес он.

Он хорошо знал это имя – и это лицо! Магнат, владелец множества рудников на Земле, богатый сынок-мажор земной династии, который стал худшим деспотом и тираном, которого только знала Солнечная система. Его называли Военачальником Юпитера и Мясником Европы. Неудивительно, что те киборги показались ему знакомыми, их набирал Ван Хвизен, в безумных войнах присоединяющий к своей империи спутники Юпитера!

Но разве он не был мертв? Его обвинили в бесчисленных преступлениях, в том числе ксеноциде по отношению к мирным обитателям океанов Европы, спутника Юпитера, его армии были разбиты, а солдаты-киборги уничтожены. От его Пятилетнего Царства ничего не осталось, ни статуй, ни мемориалов. Главный злодей Солнечной системы, как называли его. Неужели, неужели он жив?

– Ван Хвизен? Да, да... Я помню это имя, – задумчиво протянул человечек в очках. – А кто же вы?

– Убей его, Кольт! Убей его! – Шарол дрожал, пот лил по его лицу, Кольт никогда не видел его таким. Он с трудом сдерживал своего друга, волнуясь за его жизнь.

– Ах, – ласково улыбнулся Ван Хвизен, – вы слышали обо мне? – Он повернулся к Кольту, покачивая головой. – Венерианцы, – вздохнул он, – эмоциональная раса, вы не находите? Они, как дети, нуждаются в твердой руке взрослых, которые будут направлять их. Да, я могу вами воспользоваться, это не трудно. Берите их, – приказал он киборгам резким голосом. Кольта и Шарола поставили на ноги и повели куда-то глубоко в храмовый комплекс, в тени пирамид.

5

В той войне Кольт был еще молодым солдатом. Он до сих пор вспоминал высадку на Европу после резни. Помнил трупы мягких, китообразных существ, лежащих на льду и смотрящих на них огромными невидящими глазами, после того как над Европой прозвучали телепатические мелодии, сводящие с ума мирных обитателей этой планеты.

И война превратила этот заснеженный спутник в ледяное кладбище.

6

Ненависть поднялась в нем, когда эти забытые, замороженные, погребенные глубоко в душе воспоминания ожили в нем. Их ввели в храмовый комплекс как беспомощных пленников. Все кажущиеся признаки величия исчезли, когда они оказались внутри, и это место оказалось тем, чем оно и являлось: руинами. Ошибки нет: человек покорила космос давным-давно. Но неясно другое, какая именно раса смогла создать это место? Атланты? Или жители страны Му, от которой остались теперь только легенды и мифы?

Теперь джунгли беспрепятственно смогли захватить храмы; корни деревьев взламывали каменные плиты, переворачивали статуи. Храмы должны были стоять на насыпной платформе, но почва размылась с подъемом уровня рек, и некогда великие дворы заболо-

тились, превратив площади в зловонные болотца со стоячей водой, окружающие главную пирамиду.

За храмовым комплексом разлилось, насколько хватало глаз, полуозеро-полуболото. Вода доходила до основания пирамид, она оставила черную полосу на каменных плитах. Вдоль всего берега, между пирамидами, сновали мужчины и женщины, аборигены. Кольт услышал сдавленный хрип Шарола, полный гнева и отвращения.

Рабы.

Аборигены стали рабами.

Цепи сковывали их вместе, обхватывая ноги. Бродящие между ними киборги контролировали порядок. Ряды пленников уходили в болото все глубже и глубже. Над ними стояли вышки с прожекторами, и Кольт разглядел массивную плавучую платформу, на которой находился гигантский кран, трос которого погрузили в воду. На площадке царила суэта: водолазы то уходили, то возвращались.

Все это походило на спасательную операцию.

– Что там находится? – спросил Кольт.

Ван Хвизен самодовольно улыбнулся.

– Сокровища, парень! – ответил он. – Сокровища, подобных которым Солнечная система никогда не видала! А вы, ребята, можете мне вернуть их.

Руг...

– Что тут произошло? – снова спросил Кольт.

На мгновение Ван Хвизен смутился. Но затем его глаза вновь загорелись, и Кольт ясно осознал с холодным, тревожным ощущением, что перед ним совершенно, совершенно сумасшедший человек.

– Принимайтесь за работу! – взревел Ван Хвизен. Киборги выволокли их вперед, к ближайшей цепи рабов. На ноги им надели оковы, киборг-надзиратель с презрением щелкнул над ними электрокнутом, и Шарол закричал, когда на его спине набухла длинная полоса начисто сожженной кожи. Кольт вместе с венерианцами зашел на мелководе, погружаясь все глубже. Что они искали, он не знал. Известно было только то, что они должны либо найти это – либо умереть в поисках.

7

Руг...

8

Как долго они пробыли там, Кольт не знал. Он потерял счет времени. Через несколько дней они стали слышать голоса. Непрерывное бормотание безумных голосов в озере призывало, каждую минуту требовало искать его. Руг. Руг!

Это стало необходимостью и страстью, ненавистным и желанным, отвратительным и насущным. Это был приказ, и они не могли не повиноваться. Спали они урывками и редко, питались баландой.

Ван Хвизен и его солдаты-киборги обращали в рабство туземцев из местных деревень, и с каждым днем им приходилось уходить все дальше в поисках новых пленников.

Руг! Это стало оружием и молитвой, а с какого-то момента фактически единственной причиной жить. Почти. Но не совсем. Потому что Кольт был не один. С ним был Шарол, с его теплой кожей и светлым смехом: они были товарищами. И сокровища достанутся им, и они отомстят. Надо только выждать.

Кольт был здесь не единственным землянином. Были и другие, а также марсиане, и люди с половины известных планет. Как они сюда попали, Кольт не знал. Это были отбросы со всей Солнечной системы, легко носимые по всему космосу. И каждый день он наблюдал, как они отдают свои жизни в этом болоте, и каждый погибал в муках, забитый или утонувший, и слышал, как нечто в болоте становится сильнее и кровожаднее, и слышал в своей голове призыв, становящийся все громче: Руг!

– Оно уже близко. – Голос Шарола звучал словно издали. Они стояли на плавучей платформе, освещенные резкими бликами прожекторов. – Оно растет.

– Да, – ответил Кольт и повторил снова: – Да.

Руг!

Тело онемело. Три дня и три ночи подряд они ныряли с платформы в глубь болота. Поиск, прочесывание дна... Попасть на платформу было легко. Никто внизу долго не выдерживал.

Здесь они не были скованы цепями. Водолазы погружались непрерывно, Кольт еще никогда так не уставал. Никто не мог сбежать с платформы, в блеске прожекторов на фоне пирамид было видно все. Оставался один выход. И может быть, он с самого начала понимал это.

Он поправил маску на лице и нырнул головой вперед в воду, чувствуя, как Шарол, словно пуля, стремительно прыгнул вслед за ним. Они направились в самую глубь, освещая фонарями сумрачную мглу вод. Тут были и другие – маленькие подводные аппараты, голые венерианцы-водолазы, сети, крюки и веревки. А потом пошли мертвецы. Они были везде. Они плавали в облаке разлагающейся гнили, глядя на Кольта молочно-белыми глазами. Венерианцы, земляне и марсиане, каждый день жертвующие собой ради сумасшедшего бога на дне болота, ради Руга, с каждой новой смертью становящегося все сильнее.

Он был близко.

Кольт чувствовал этот безжалостный голодный зов. Как странно, что они так долго искали его, когда он находился там, рядом, посылая сигналы, как маяк, сводя с ума, входя в их сны? Кольт погружался все глубже и глубже, и мускулистое тело Шарола скользило рядом с ним легкими, плавными рывками. Количество утонувших ныряльщиков все увеличивалось.

Вот!

Наполовину погруженное в ил, в свете их фонарей мерцало огромное каменное изваяние: безумное лицо, похожее на ритуальную маску, с выбитыми в камне глубокими глазами, слабо светящимися биолюминесцентными огоньками.

Этот каменный идол, голодный и жаждущий, был одновременно и дик, и прекрасен. Это был тот самый, изгнанный из Атлантиды и Лемурии, последний представитель своей расы, найденный тут, вне Земли. Последний из богов. Вокруг него сгрудились и другие ныряльщики, плотно опутывая камень сетями и тросами. Кольт увидел ныряльщицу, маленькую венерианку, которая первой добралась до идола. Возможно, от усталости и отчаяния она неосторожно протянула руку и коснулась его. За мгновение Кольт успел разглядеть сосредоточенное выражение ее лица. И вдруг она просто взорвалась, рассыпалась, как грибные споры или пыль, превратившись в мешанину крови, мозгов и кишок. Казалось, что идол засветился, начав всасывать в себя это облако, оставшееся от венерианки, и дикий, ликующий крик раздался в их головах:

– Я... Руг!

После закрепления и проверки гигантский кран стал понемногу вытягивать идола, и мало-помалу нижняя его часть стала появляться из грязи. Медленно двигаясь, в воде вырастала нечеловеческая фигура, вырезанная тем не менее именно людьми, чьи знания давно стали мифами и легендами. Кольт уставился на идола, чувствуя одновременно ужас, благоговение и отвращение, это было именно то сокровище, за которым они пришли.

И теперь они стали его пленниками.

Он повернул голову и прочел на лице Шарола те же мысли. Они начали подниматься на поверхность. На платформе стоял сам Ван Хвизен в окружении своих киборгов.

– Ну! – вскрикнул он нетерпеливо. – Нашли? Это здесь?

В этот момент он напоминал Кольту злого, испорченного ребенка, которого задарили подарками, но ему все мало. Для Ван Хвизена идол был просто очередной игрушкой. Кольт вылез из воды, задыхаясь и трясясь от холода и напряжения. Через секунду на платформу выбрался Шарол. В свете прожекторов он выглядел совершенно измученным. Кран с трудом вытягивал из воды массивного идола. Трос двигался еле-еле. Водолазы сновали вокруг него в воде, как темное облако.

Идол поднимался. Его куполообразная голова уже возвышалась над водой. Над всем болотом и над древними руинами повисла абсолютная тишина.

Руг. Руг снова встает над миром.

И никто не обращал на Кольта с Шаролом никакого внимания.

Они снова обменялись взглядами. Каждый знал, о чем думает другой.

Друзья беззвучно поднялись с места. Идол, полностью вытасченный из воды, висел на тросах в воздухе. Это было завораживающее зрелище – завораживающее и величественное! Грязь и вода стекали с него, шипя от жара, исходящего от камня. В головах звучали хриплый голос бога, требующего кровавых жертвоприношений, темных ритуалов, смертоносной магии и изощренных пыток. Глаза Ван Хвизена сияли детским восторгом.

Кольт и Шарол незаметно протолкались к пульту управления краном. На платформе Ван Хвизен раскинул руки, и волны плескались у его ног. Идола опускали прямо к нему. Когда-то он станет оружием, думал Кольт, этот реликт забытых войн, уничтоживших Лемурию и Атлантиду, а вместе с ними и всех их обитателей. Что сделает Ван Хвизен, имея его в своих руках?

Кольт поднял глаза к небу. Ему показалось, что вдали что-то сверкнуло, словно звезда. И вот опять мелькнул луч, будто где-то вдалеке садилось солнце. Он услышал отдаленный взрыв. Шарол кинул на него быстрый взгляд.

– Я слышал этот звук, когда мы покидали Порт-Смит, – произнес он.

Кольт кивнул в сторону: киборг, стоящий к ним ближе других, вдруг повернулся и посмотрел на них, вытаскивая пистолет.

Они обошли его с двух сторон, Шарол вцепился в пистолет руками, а Кольт ловко провел подсечку и свернул роботу шею, аккуратно и почти беззвучно. Затем мягко опустил киборга на землю, прислонив его к металлической стенке отсека управления. Никто ничего не заметил. Теперь у них появился шанс на побег. Кольт вытащил лазерный пистолет из бронированной руки охранника. Они были вооружены и по крайней мере на этот краткий миг свободны.

Они посмотрели друг на друга. Вода была рядом... надо было только переплыть на тот берег.

Кольт усмехнулся. Шарол тоже улыбнулся и поднял свое оружие. «Все-таки хорошо снова держать в руках пистолет», – подумал Кольт. Ты всегда знаешь, где ты, когда имеешь оружие.

– Добро пожаловать, Руг Лемурии, воскресший спустя тысячелетия!

Они обошли блок управления краном. Идол опустился на платформу. В его глазах по-прежнему горел странный, неземной блеск. А на горизонте все ярче разгоралось искусственное солнце. Ван Хвизен распахнул объятия.

– Тебя, кому поклонялись как богу, – воскликнул он, – приветствует тот, кто жил как бог! – С этими словами он шагнул вперед, обнял чудовищную статую, соединив губы с губами идола в отвратительном и непристойном поцелуе.

– Сейчас? – спросил Шарол.

– Сейчас! – ответил Кольт.

Они вышли из укрытия одновременно и открыли огонь.

Киборги были застигнуты врасплох, если такие существа вообще способны на чувства. Стальные пластины зашипели, разрывааемые закипевшей водой, воздух наполнился горячим паром. Пара охранников упала. Остальные развернулись, паля по беглецам. Кольт понимал, что им не победить, что эта стрельба была самоубийством, но в нем играло буйство свободы, когда, расстреляв весь заряд, он перекатился, выхватил оружие из рук сбитого киборга, продолжая косить охранников Ван Хвизена. Это была месть, а месть сладка, когда она осуществляется с оружием в руках.

Ван Хвизен все еще обнимал статую. Он повернул голову, раздраженно нахмурившись. Именно это Кольт чаще всего вспоминал потом: раздраженный взгляд на лице Мясника Европы за мгновение до того, как оно изменилось навсегда. Сначала в них появилась только растерянность, но затем бесконтрольный ужас и белая пелена заволокли его зрачки. Тело диктатора непроизвольно задержалось, и он начал дико кричать.

Кольт был загнан в угол двумя киборгами, его рука и лицо были в крови и ожогах: он смотрел на врагов, готовый умереть. Но выстрела не последовало. Кольт смотрел на них, но киборги оставались неподвижны. Хвизен все еще продолжал кричать, не в силах оторваться от каменного идола.

– Шарол?! – крикнул Кольт.

– Да?! – ответил тот с другого конца платформы.

– Ты цел?!

– Да. А ты? – услышал он после короткой паузы.

– Вроде да...

– Уверен?

Кольт пожал плечами. Выхватив бластер у ближайшего киборга, он разнес его в клочки, а потом длинной очередью скосил вокруг себя целый круг из врагов.

– Конечно, уверен! – произнес он.

Снова послышался взрыв, но это был не гром. Яркий свет можно было принять за солнце, но Кольт понимал, что на Венере это невозможно. Двое аборигенов, мужчина и женщина, молча смотрели на него из воды.

– Шарол?

– Да?

– Пленники.

– Сейчас.

Шарол выскочил из укрытия, перебежал по платформе, расстреливая киборгов.

– Эй, вы! – крикнул Кольт венерианцам, торчащим в воде. Они непонимающе таранились на него. – Прочь! Прочь!

– Убирайтесь отсюда! – крикнул им Шарол, но туземцы все еще не двигались. Он вздохнул, отвел дуло на безопасное расстояние и начал стрелять по воде. – Пошли прочь! Возвращайтесь в свои деревни! Бегом!

В панике аборигены все как один рванулись к берегу. Стоя бок о бок в свете прожекторов, Кольт и Шарол наблюдали, как они выбираются на берег, словно накатившая черная волна. Вскоре все аборигены исчезли среди пирамид.

И вдруг в тишине раздался человеческий смех и одинокие аплодисменты.

– Bravo! – произнес чей-то голос. Кольт медленно обернулся. Ван Хвизен больше не обнимал идола, а глаза статуи не светились, но в лице миллионера появилось что-то невыразимо чуждое и пугающее, то, что было прежде во взгляде каменного бога. – Bravo!

– Он все еще здесь? – спросил Шарол.

– Стреляй, – произнес Кольт.

Лицо, принадлежавшее ранее Ван Хвизену, улыбнулось. Кольт и Шарол открыли огонь, миллионер отшатнулся, не переставая улыбаться. Затем он встал прямо и глубоко вдохнул. Грудь его расширилась. Кажется, он стал только больше и злее.

Ван Хвизен сделал шаг вперед.

Он был цел и невредим.

– Руг... – мягко произнес он. Его язык извивался, красный и мясистый, словно марсианский кактус. Он облизал губы. Зубы его стали, как камень, а из глаз и ушей текла грязь. – Руг! – взревел он. Язык все вытягивался, как огромная красная змея. Он обернулся вокруг Шарола и повалил его на землю. Кольт выстрелил, но заряд отскочил от монстра, не причинив никакого вреда.

– Шарол!

– Беги! Спасайся!

Звук грома раздался совсем близко. Волны обрушились на платформу, чуть не сбив Кольта с ног. Ван Хвизен становился все выше и больше. Язык, превратившийся в пульсирующие разветвленные щупальца, все туже обвивал беспомощное тело Шарола. Платформа уже накренилась под весом Ван Хвизена; кран опасно накренился, и тросы раскачивались над платформой. Кольт выстрелил, без всякого успеха, пот тек по его лицу. Он отшвырнул пистолет и кинулся к другу.

– Руг! Руг! Руг!

– Иди... – прошептал Шарол. Он вытянул руку и коснулся щеки Кольта. – Кольт... иди.

– Я не оставлю тебя.

– Спасайся.

Кольт отрицательно покачал головой. Пот застилал ему глаза. Он моргнул.

Руг стал огромным. Тело Хвизена раздулось, мышцы, кожа и вены растянулись. Он возвышался над ними, будучи уже с кран высотой.

– Я – Руг! Лемурия должна возродиться! – воскликнул он. Красные языки вылетели из его рта, щупальца тянулись к Кольту, погружались в озеро, искали... Кольт уже приготовился к тому, что древний бог сожрет их обоих. Он сжал руку Шарола.

– По крайней мере мы нашли его, – сказал он, пытаясь улыбнуться. – Сокровище.

– Дурак, – прохрипел Шарол. Дыхание его остановилось. Язык монстра обвился вокруг Кольта. Спасения не было. Язык был скользкий, мокрый и горячий. Кольт пытался бороться, напрягая силы. Над его головой гремел смех гигантского бога.

Нет, понял Кольт. Это был не только смех, это какой-то другой звук. Раскат грома. Воздух резко стал горячим и сухим. Руг перестал смеяться и растерянно оглядывался.

– Кто смеет мешать всемогущему Ругу? – произнес он, и в голосе его послышались капризные нотки, принадлежавшие Ван Хвизену. Тиски щупалец немного ослабли. Кольт посмотрел вверх.

В фиолетовом небе Венеры горело солнце. Оно развеяло тучи и рассеяло ночь, разметало тени. Это было солнце, о котором писал слепой поэт Рислинг, как о тепле, согревающим его кожу, и осознании того, что он дома, среди зеленых холмов Земли.

И оно пело. Пело свою песню. Это было не солнце, это был...

– Пожиратель Солнца, – прошептал Шарол.

Глаза Кольта наполнились слезами, когда он, взглядевшись в сияние, увидел в пламени гибкое тело и кожистые крылья Пожирателя Солнца. Он устремил гигантские бриллианты своих глаз на Кольта и, казалось, видел его насквозь. С яростным криком дракон обрушился на воскресшего бога.

Щупальца, держащие Кольта и Шарола, ослабли, и Руг повернулся к противнику, в ярости распахнув страшную пасть. Щупальца взмыли в воздух, пытаясь ухватить Пожирателя

теля Солнца, но жар крылатого существа начисто сжег их, и Руг заревел от боли и ненависти. Куски шупалец монстра с шипением упали в воду. Пожиратель спикировал на Руга, вырывая куски мяса размером с блоки пирамид из непомерно раздувшейся человеческой фигуры и сбрасывая их в болото.

Кольт схватил Шарола за плечи. Венерианец был без сознания, и Кольт оттащил его к краю платформы.

Над ними пикирующий Пожиратель превратился в огненный шар, но Руг растянул запекшиеся губы в злорадную улыбку, и новые языки выползли из его пасти. Он легко оторвал подъемный кран от платформы. Дракон, сделав изящный поворот, рванулся прочь, но Руг с безумным смехом взмахнул краном, как дубиной.

Кольт беспомощно наблюдал, как железная рама с болезненным хрустом вошла в тело дракона. На мгновение воцарилась тишина, а солнце, казалось, застыло в небе. Затем сияние стало гаснуть, тьма медленно и неумолимо стала сгущаться, и Пожиратель Солнца рухнул вниз, так что затряслась платформа и подымавшаяся волна окатила Кольта и Шарола.

Когда болотная вода достигла лежащего Пожирателя, свет, исходивший от него, погас. Дракон умирал. Без своего сияния это существо не могло даже взлететь. Он повернул свои сверкающие глаза к Кольту и мигнул. Кольт подполз к нему. Где-то наверху хохотал Руг, становясь все выше и выше. Его голова была уже на уровне облаков, а ноги упирались в дно болота.

Руг забыл про них.

– Прости, – прошептал Кольт, поглаживая дракона по шершавой голове. Она была теплой, но уже не обжигала. Кольт опустил руку.

И тогда Пожиратель Солнца взорвался.

9

Это произошло абсолютно беззвучно. Тело дракона за миг сжалось внутрь, глаза, лапы и крылья уменьшились и потеряли форму, исчезая в центре.

Кольт не отрываясь смотрел на смерть прекрасного ящера.

На том месте, где он только что лежал, осталось мягко светящееся яйцо.

10

Плывя к берегу, он поддерживал голову Шарола, который все еще был без сознания. Когда венерианец пришел в себя и смог встать, они, опираясь друг на друга, поковыляли прочь из древнего храма. Позади них гигантский бог шутя давил древние пирамиды, словно ребенок, ломающий игрушки. Вскоре, если его не остановить, он захватит весь мир.

– Что... что там произошло? – спросил Шарол.

– Я видел, как растет бог, – ответил Кольт. – И как умирает Пожиратель Солнца. Пойдем. Нам нужно спешить.

Шарол не спрашивал почему. Они уходили вдоль берега реки все дальше от храма, углубляясь в джунгли.

– Я больше не могу... идти, – задыхаясь произнес Шарол.

– Ты должен. Потерпи еще немного, нужно уйти за холм.

Шарол послушался, и они преодолели еще один подъем. Здешние сопки не были похожи на зеленые холмы Земли, но подниматься на них было не легче. И на пути домой их было немало.

– Тебе нужно в больницу, – сказал Кольт. – До Люсиля три дня ходьбы, я думаю.

– Разве это имеет значение? Мы проиграли.

Кольт пожал плечами.

– Мы еще живы, – ответил он.

На вершине следующей сопки они остановились отдохнуть. Отсюда были видны река и джунгли, а вдалеке можно было различить болото и храм. Голова Руга терялась в облаках. Скоро он уже будет замечен из космоса.

– Неудивительно, что атланты вымерли, – сказал Шарол.

– Ага. – Кольт сдержанно усмехнулся. – Смотри.

Они увидели это раньше, чем до них дошел звук. Ведь звук распространяется медленнее, чем свет, поэтому все происходило в полной тишине.

Потом было трудно объяснить, что именно они видели.

Конечно, это была чудовищной силы вспышка.

Ноги Руга внезапно подкосились.

Перед ними словно вспыхнуло солнце. И Руг исчез в его пламени. Грохот, распространяющийся вслед за взрывом, докатился до них через много миль. Свет ослаб, но совсем немного. Пламя поднялось вверх, превращаясь в огромный гриб.

Без сомнения, человечество завоевало космос очень давно; и из глубины веков до нас дошли мифы о Фениксе, возрождающемся из пепла, но такое существо никогда не могло бы появиться на Земле.

Потом Кольт увидел, как пламя расступилось, и в небо вознесся сияющий и прекрасный, как птица Феникс, рождающаяся из огня, Пожиратель Солнца.

Они сидели на вершине холма, наблюдая, как над Венерой восходит новое светило.

11

А откуда-то издалека донесся слабеющий, прерывистый хрип:

– Руг...

И тишина.

12

Кольт играл в карты и выигрывал, когда в бар вошел Шарол. Он хромал, опираясь на костыль, но улыбался. Кольт тоже улыбнулся ему.

Через болота они добрались до Люсиля, города под сенью вулканов. Оба они были совершенно измотаны. Но они добрались. И это было самое главное.

В городе кипела жизнь. В одном конце города находился парк, и мужчины в нем были заняты стрижкой деревьев. Жилища-временки медленно заменялись основательными домами, окруженными чистенькими белыми штaketниками. Строилась новая дорога, связывающая поселение с Порт-Смитом. Городок выглядел аккуратным, процветающим и совершенно безопасным. «Когда-нибудь такой станет вся Венера», – подумал Кольт. Колонисты осушат болота, вырубят леса, построят по всей планете дороги и города. И в этом мире не будет места для Обитателей и Пожирателей Солнца, древние храмы станут просто достопримечательностями в стороне от основных трасс, забытые боги погибнут окончательно – но в таком мире не станет места и для таких парней, как Кольт. «Когда-нибудь, – подумал Кольт. – Но не сегодня».

– Найдется местечко? – спросил Шарол.

Кольт подвинул стул, и человек рядом с ним, мрачного вида моряк, сделал то же самое. Шарол сел, по-приятельски положив руку на плечо Кольта.

– Я в игре, – произнес он.

Пол Дж. Макоули

Родился в Оксфорде, Англия, в 1955 году, в настоящее время проживает в Лондоне. Будучи много лет профессиональным биологом, свой первый рассказ опубликовал в 1984 году и потом часто публиковался в Interzone, «Фантастике Азимова», SciFiction, Amazing, The Magazine of Fantasy & Science Fiction, Skylife, The Third Alternative, When the Music's Over и других журналах.

Макоули находится на переднем крае одного из самых важных направлений современной фантастики, работая как в стиле «радикально сложной научной фантастики», так и в рамках измененной и осовремененной космической оперы, рассчитанной на широкого зрителя и известной сейчас как новая космическая опера; также он создает мрачные рассказы-размышления о социальном ближайшем будущем человечества. Кроме того, он пишет в жанре фэнтези и хоррора. Его первый роман «Четыреста миллиардов звезд» получил премию Филипа Дика, роман «Страна чудес» удостоен премий Артура Кларка и Джона Кэмпбелла. Среди других его произведений следует отметить романы «Падение», «Вечный свет» и «Ангел Паскуале», а также «Слияние» – одну из главных его работ, трилогию, в которой действие разворачивается через ни мало ни много десять миллионов лет, состоящую из романов «Дитя реки», «Корабль древних» и «Звездный оракул», – кроме того, «Жизнь на Марсе», «Секрет жизни», «Весь мир», «Белые дьяволы», «Око разума», «Ангелы-ковбои», «Тихая война» и «Сады Солнца». Его короткие рассказы соединены в сборники «Царь горы и другие истории», «Невидимая страна» и «Маленькие машины»; Пол Макоули является соредактором Кима Ньюмана в их антологии «В мечтах». Самые свежие его книги – роман «В пасти кита», большой ретроспективный сборник «Истинная история Британии: лучшая фантастика Пола Макоули 1985–2011» и роман «Вечерние империи».

В нижеприведенном рассказе он отправит нас к отдаленной шахтерской станции на полной тайн Венере, где на окутанном туманами экваториальном континенте до зубов вооруженные шахтеры ожидают нападения монстров, которые не заставят себя долго ждать.

Пол Дж. Макоули Планета Страха

Сквозь блестящее пятно субтропического Саргассова моря, среди мелей и архипелагов, состоящих из морских сорняков, тысячи лун-рыб косяками вспенивали воды. Они были похожи на большие изогнутые диски, в поперечнике метров десять-пятнадцать, а иногда и двадцать, обросшие островками ракушек и пучками пурпурно-коричневых ленточных и жгутиковых водорослей, а вокруг них, нападавая с разных сторон, вертелись рыбы-солдаты, кружась и дергаясь в водоворотах потемневшей от крови воды. Над этой бойней высоко в небе завис беспилотный квадрокоптер, словно одинокий морской стервятник, алчными глазами камер передающий изображение на экранопланы, установленные в нескольких километрах от южной окраины Саргассова моря.

В непосредственной близости от залива, в котором происходило морское сражение, в освещении трех больших экранов Катя Игнатова попросила старшего пилота, управляющего автоматическими разведчиками, зафиксировать камеры на паре отдельных рыб-лун. Они одинакового размера, примерно двенадцать метров в диаметре, растопыренные усики каждой рыбы сейчас были соединены с усиками партнера. Вокруг было полно мертвых и умирающих рыб-солдат: их обтекаемые, похожие на серебристые торпеды тела перевернуты брюхом вверх, челюсти сомкнуты, глаза заволочло белой пленкой. Венерианские рыбы были закованы в костяную броню и имели внешние жабры и горизонтальные задние плавники. У них был плавательный пузырь, как у земных рыб, поэтому их трупы всплывали.

– Слишком жарко. И слишком грязно, – произнес пилот.

– Солдаты атакуют всех, кто подходит слишком близко к их хозяину, – сказала Катя. – В том числе и других рыб-лун. Рыбы-луны не могут спариваться, пока их защитники не будут нейтрализованы. Но рыбы-солдаты умирают не зря. Их плоть поглощается экосистемой, где растет следующее поколение.

Она наклонилась вперед, где на экране две рыбы-луны погружали друг в друга кончики своих сперматофоров, и попросила пилота дать крупный план.

– Нет проблем, – ответил тот, легким поворотом джойстика разворачивая квадрокоптер.

Изображение на экране наклонилось и вновь стабилизировалось. Катя попросила приблизить кончик жгутика, который, царапаясь, возился среди пучков красно-бурых водорослей, прежде чем резко погрузиться внутрь.

– Думаю, они называют это удачным выстрелом, – прокомментировал пилот Аркадий Саранцев.

Это был худой и циничный человек средних лет, немного моложе Кати. Она заметила, что он вопреки правилам компании тайком читал на рабочем месте триллер в яркой мягкой обложке и что-то жевал. Сидя рядом с ним перед экранами наблюдения, она чувствовала запах орехового масла, которым он намазывал свои черные волосы, когда зачесывал их назад.

– Это не секс в нашем понимании, – ответила она. – Рыбы-луны – гермафродиты. Не мог бы ты немного уменьшить... Так. Видишь? Каждый погружается в партнера. Они обмениваются спермой. Она впрыскивается в специальные области гаплоидных клеток эпителия, которые будут развиваться в кладку икры.

Она собиралась собрать эти кладки через пару дней, когда бои, связанные с периодом спаривания, закончатся, чтобы проверить гипотезу, что среди них содержатся как оплодотворенные икринки, из которых получаются новые рыбы-луны, так и неоплодотворенные, из которых вырастают гаплоидные рыбы-солдаты. Кроме того, Катя надеялась изучить раз-

нообразии живности Саргассова моря. Здесь были мириады изопод, креветок и рачков, которыми питаются мальки рыбы-луны, трехногие каракатицы и рыбы, которые на них охотятся.

Они на самом деле удивительные животные, эти рыбы. Они были псевдосоциальными, как муравьи, пчелы или крысы, со стерильными солдатами и королевами-матками, которые потеряли не только двустороннюю симметрию тела, как камбалы и луны-рыбы с Земли, но и пищеварительную систему, глаза и большую часть нервной системы. Они стали таким же симбиотическим объединением, как кораллы или лишайники. Плотные усы на жвалах королев, фильтрующие и переваривающие планктон, и отростки на коже, вырабатываемые луковичками, богатыми питательными веществами, и пожираемые солдатами, вырабатывались ленточными кишечнополостными, находящимися в симбиозе с рыбами; жгутиковые и ленточные водоросли, произрастающие на их спинах, поставляли в кровь сахара и липиды. Да, удивительные существа, но в действительности еще не самые странные из живущих.

Как правило, они ведут уединенный образ жизни, дрейфуя по мелководьям венерианских морей, но раз в семнадцать лет мигрируют в заросли Саргассова моря, где появились на свет, может быть, следуя геомагнитным и химическим сигналам (это еще одна теория, которую надлежит проверить), и совокупляются, порождая новое поколение себе подобных, после чего умирают. Данные наблюдений Кати в рамках междисциплинарной исследовательской программы изучения их жизненного цикла станут частью работы комитета Международного года биологии, вехой в растущем сотрудничестве венерианской колонии Народной Республики, Соединенных Штатов и Британского Содружества.

На центральном экране две рыбы медленно кружились в черно-багровом облаке крови. На боковых экранах другие рыбы сцеплялись друг с другом в пары, а выжившие рыбы-солдаты вымещали свою ярость друг на друге или разрывали менее удачливых рыб-лун меньших размеров.

Катя попросила Аркадия Саранцева поднять машину выше и внимательно наблюдала, как беспилотник кружит по широкой дуге, пытаясь убедиться, что выбрала хороший ракурс сцен спаривания внеземных обитателей, когда турбодвигатели экраноплана натужно взревели. Через несколько мгновений в люк маленькой рубки видеонаблюдения заглянул матрос и сказал Аркадию, что нужно сажать беспилотник.

– Приказ капитана Чернова, – пояснил он, когда Катя начала протестовать, больше не желая или не имея возможности отвечать на ее вопросы.

Она вышла из рубки, поднялась по качающемуся трапу в сверкающий кабинет, отделанный светлым деревом и полированной латунью, с вечными хмарями за стеклом иллюминатора, всегда напоминающий ей обеденный зал Союза Инженеров, куда ее мать, Игнатова И.В., приводила ее каждый день рождения на ставшее традиционным застолье, с бифштексом и маринованными грибами. Пилот и штурман горбились над подковообразным пультом с множеством тумблеров, циферблатов и экранов; капитан Владимир Чернов сидел в кресле позади них, потягивая из стакана черный чай; все трое были в громоздких наушниках.

Экраноплан по широкой дуге развернулся прочь от Саргассова моря, и теперь пилот потянул дроссельный рычаг к бедру, направляя корабль вперед. Рев огромных турбодвигателей, установленных позади кабины, усилился, и экраноплан с ускорением понесся вперед.

Катя схватила запасные наушники, чтобы заглушить невероятный шум, и ухватилась за край люка, когда экраноплан резко накренился. На собственном опыте она знала, что с капитаном невозможно поговорить в его кабине, пока он не захочет этого, а он не соизволил обратить на нее внимание до тех пор, пока экраноплан не набрал полный ход.

Знаменитый корабль, прототипом которого стал «Монстр Каспийского моря», адаптированный к условиям Венеры, напоминал гигантский самолет и представлял собой судно с подводными крыльями, передвигающееся на воздушной подушке, нагнетаемой турбодвигателями. Оснащенный широкими короткими крыльями, приспособленный к дальним похо-

дам, легко вооруженный зверь, способный развивать скорость до трехсот узлов, сейчас он мчался с максимальной скоростью, скользя на высоте около пяти метров над набегающими на берег волнами, несясь над кипящими в пене рифами. Он спешил на самый северный форпост Народной Республики, Макаровскую горно-обоганительную станцию, с целью расследования аварии, как сообщил ей капитан Чернов.

– Я сожалею, что помешал вашим исследованиям, – сказал он Кате. – Но два дня назад станция послала тревожные сигналы и с тех пор не выходила на связь. И хотя мы не ближайшее к ним судно, но можем добраться туда раньше других.

Он совсем не выглядел сожалеющим; наоборот, он, кажется, был доволен. Дородный, плечистый, крупноголовый мужчина в тропической форме ВКФ – синие шорты и куртка с коротким рукавом поверх тельняшки. Его холодная снисходительность напомнила Кате преподавателя анатомии, отличающегося садистскими наклонностями по отношению к студентам, который любил внезапно срывать студентов со скамьи, вручать им непонятную кость и требовать, чтобы они назвали ее и определили, какому животному она принадлежит.

Капитан Чернов был подчеркнуто вежлив с Катей, но даже не старался скрыть свое презрение к ее работе, к ее сотрудничеству с американцами и союзниками тех, англичанами. Он был героем военной кампании против американских либертарианских пиратов, закончившейся десять лет назад, когда им были проведены смелые и неожиданные рейды, в результате чего был взят в плен особо кровожадный главарь. Общественное признание его заслуг означало, что ВКФ не может наказать его за невыполнение приказов начальства, поэтому Чернову дали медаль и сплывили в прибрежный патрульный корпус, где он с тех пор и находился.

Когда Катя спросила, что ему передали со станции, он с легкой усмешкой оглядел ее и только тогда ответил:

– Если сообщение верно, то вам там будет интересно. Шахтеры утверждают, что были атакованы монстрами.

– Монстрами? Какими монстрами?

– Скорее всего американскими, – сказал капитан. Как обычно, он отвечал ей через плечо, как бы указывая, что ее статус на его судне недостаточно значим. – Но если там действительно монстры, а не какой-нибудь трюк янки, то вы можете быть там полезны. А до тех пор постарайтесь не мешаться под ногами. Мои люди должны подготовиться к любым неожиданностям.

Экраноплан преодолел две тысячи километров всего за пять часов. Катя изучала снимки, сделанные с беспилотника, сортировала их по категориям и сделала несколько предварительных измерений. Она в одиночестве ела скудный обед в длинной рубке пищеблока (который при необходимости мог использоваться и как корабельный госпиталь), мысленно составляя в комитет Международного года биологии, Институт биологии моря и в Министерство обороны грозные жалобы, которые, как она хорошо понимала, никогда не будут отправлены.

Тщательно готовься к бою, но борись с противником только в пределах своей головы, как любила говорить ее мать. Не было еще на свете правдолюбцев, считала мама, которые ушли воевать и не проиграли.

В стакане воды перед ней расходились круги от вибрации двигателей.

Катя думала о монстрах, которые якобы напали на шахтеров Макаровской станции. Мелководные моря Венеры изобиловали экстравагантной живностью – рыбы-луны, гигантские кальмары, псевдочерепахи и прочие, но на северном континенте, контролируемом американцами, было обнаружено всего несколько видов крупных животных, как и на тысячах островов, подводных гор и атоллов Южного полушария. Так что открытие крупного хищника, способного убить человека, станет переворотом в понимании местной биологии. Что

же это за животное? Мириады рептилоидов, охотящихся стаями? Или какой-то суперкрокодил? Или, может, просто как предположение, что-то совсем невозможное тут, вроде тигра или волка.

Она вернулась к работе, подсчитывая своих рыб, измеряя, отслеживая индивидуальные особенности... пытаясь извлечь как можно больше информации из ограниченного числа наблюдений. В какой-то момент она заметила, что вибрация двигателей ослабла. Экраноплан был снова на плаву, перемещаемый вспомогательным двигателем, и нос судна терялся в облаках густого тумана. Капитан Чернов находился уже снаружи, на маленькой передвижной смотровой площадке позади кабины, вместе со старшим помощником. С пистолетами на поясе они внимательно вглядывались в длинную темную береговую линию, появляющуюся из тумана: берег таинственного экваториального континента.

Два миллиарда лет назад, в прошедшую эру великого дрейфа литосферных плит, миллионы тонн расплавленной магмы из Венерианской мантии поднялись на поверхность через длинные трещины в коре, протянувшиеся с севера на юг планеты. Выбросы лавы и разлива в условиях кристаллизации минералов сформировали огромный геологический бассейн из отдельных слоев, в том числе целые рифы титаносодержащих магнетитовых габбро, гигантские залежи олова и железа. Пласты наклонились, размылись и частично утонули, на поверхности находился только край бассейна, узкий континент, протянувшийся вдоль половины экватора Венеры. Большая часть его вулканических хребтов, солончаков и пустынь были территорией раскаленной, безводной и совершенно непригодной для жизни, но холодные морские течения и постоянные облака тумана, образующегося в течение длительных суток, сформировали и поддерживали экосистему, которая не встречалась больше нигде на Венере. Народная Республика построила там несколько шахт, добывающих титановую и оловянную руду, медь, серебро, платину и висмут, и пыталась расширять производство в северные пустыни континента.

Загадочный берег, к которому приближался экраноплан, терялся в тумане. Куда бы Катя ни бросала взгляд, в воздухе вспыхивали и переливались радуги, вызванные преломлением в капельках тумана перламутровых отблесков солнца. Душный, липкий жар турецкой бани окутал ее, как мокрое полотенце. Шум двигателя и плеск волн неестественно громко отдавались в глухой тишине. И что-то эхом откликалось вдалеке: слабо, отчетливо и непрерывно.

– Не вижу никаких монстров, – сказал Владимир Чернов, обращаясь к Кате. – Но я определенно что-то слышу. Вы это тоже слышите, доктор? Можете высказать свое профессиональное мнение?

– Звучит словно собачий лай, – ответила Катя. – Есть у них собаки?

– Не думаю. Свины есть. Чтобы поедать кухонные отбросы и чтобы была свининка на стол. Шахтеры тут украинцы. А все украинцы любят свинину. Но, если данные правильны, собак у них нет.

– Ну, звук больше похож на собачий лай. Может, кто-то тайком привез своего домашнего питомца. Или тут полагаются сторожевые псы, а в документах это не было зафиксировано, или бумаги потерялись.

– Может быть. А может, это монстры, которые едят людей и лают по-собачьи, – ответил капитан. На его шее висел огромный бинокль скорее как символ его статуса: в таком тумане использовать его было бессмысленно.

– Это будет чем-то новеньким для науки, – сказала Катя, игнорируя его скрытую издевку.

– Наука еще всего не знает. Не потому ли вы изучаете рыб, доктор? Не только чтобы дружить с американцами, но и потому, что хотели узнать нечто новое. Мы на краю неизведанного континента. Наверняка тут найдется для вас работа.

– Может, это действительно собаки. Американские гончие, – произнес старший помощник.

Это был коренастый седой человек с презрительным взглядом, который уделял Кате еще меньше внимания, чем капитан Чернов. Но по крайней мере это была открытая неприязнь, не имеющая в отличие от шовинистических пережитков в Институте морской биологии ничего общего с тем, что она женщина, – женщина, высказывающая собственное мнение и не желающая признать свою неполноценность. Нет, их, конечно, возмущало ее присутствие, потому что у комитета ИВУ было много врагов в правительстве, и, если этот шаткий союз науки и противодействия войне рухнет, в грязи окажутся все, кто был с ним связан. Именно поэтому боссы в Институте назначили Катю в проект «Рыба-луна», и именно поэтому она должна была добиться успеха.

– Собаки, свиньи, монстры – разберемся. Причем в самое ближайшее время, – сказал Кате Чернов, на этот раз повернувшись к ней лицом. Лед презрения, которым он окружил себя, уже несколько растаял. Он стал спокойным, почти веселым. Это была работа военно-морских сил: он мог больше не считаться с Катей и ее комитетом. – Если американцы еще не тут, не скрываются и не выжидают в засаде, мы скоро с ними встретимся. Они подтвердили, что перехватили сигнал бедствия. Утверждают, что хотят помочь. Тут нет взлетно-посадочной полосы, слишком неровный ландшафт. Много хребтов и пиков. Так что сообщение только по морю. Один из наших фрегатов подойдет сюда в течение трех дней, но американское исследовательское, как они себя называют, судно придет сюда уже завтра.

Макаровская станция, вытянувшаяся вдоль естественной гавани, защищенной песчаными отмелями, была невидима из-за тумана: ее невозможно обследовать ни с помощью радара, ни беспилотниками. Инфракрасное изображение показывало, что здания, обычно охлаждаемые кондиционерами, сейчас имели ту же температуру, что и окружающая среда. Кроме силуэта, находящегося на погрузочном кране на причале, никаких признаков двадцати шести человек, которые тут жили и работали, равно как и монстров, якобы на них напавших, обнаружено не было.

Экраноплан встал на якорь, включил сирену и пустил в воздух красную сигнальную ракету. С берега не пришло никакого ответа, радио тоже молчало. Никто не отозвался, когда старший помощник пытался вызвать шахтеров через громкоговоритель, и никто не ждал их на краю длинного пирса, когда десант причалил к нему на надувной шлюпке. Капитан Чернов рывком поднялся на платформу, держа наготове пистолет, за ним последовали старший помощник Аркадий Саранцев и еще семь матросов, – больше половины экипажа экраноплана. Катя с замирающим сердцем ждала в шлюпке. Когда она поднялась по трапу, скользящему от сырости, люди уже рассыпались полукругом, направив в туман пистолеты и карабины... Контур металлических конструкций крана, темные кучи руды, очертания небольших зданий с плоскими крышами и высокая радиомачта за ними. И непрерывный лай вдалеке, неутомимый, словно машина.

Капитан не обращал на него никакого внимания. Стоял, уперев руки в бока, и разглядывал платформу крана. На конце длинной стрелы, окутанной туманом, можно было различить силуэт человека. Он не отозвался, когда капитан приказал ему спуститься, не отреагировал, когда пуля, выпущенная старшим помощником, с лязгом отрикошетила от стали в метре от его ноги. Звук выстрела разнесся по всей набережной и растаял в тумане.

Чернов поднес ладони рупором ко рту:

– Следующая пуля будет тебе в ногу!

Молчание. Они стояли, глядя на человека. Монотонный лай не унимался, продолжаясь и продолжаясь где-то за белой пеленой.

– Стреляйте еще раз, – приказал капитан помощнику.

– Я поднимусь к нему, – сказала Катя.

– Я точно помню, что убеждал вас не путаться под ногами, – мягко напомнил Чернов.
– У меня медицинское образование, – ответила Катя. Фактически так и было: в пионерском лагере их учили оказывать первую помощь. – Бедняга может быть ранен или болен. Может, он не в состоянии спуститься вниз.

– А может оказаться американцем, – добавил старший помощник.

– Вы в состоянии спустить его сами? – спросил Чернов.

– Я могу его осмотреть, поговорить с ним. Сможет ли он спуститься, зависит от его состояния, – ответила Катя с таким ощущением, будто она собирается нырнуть в мутный омут с головой и набирает воздуха полной грудью, прежде чем погрузиться в воду. Как часто говаривала ее мать, она умела впутываться в неприятности.

– Нет, сможет ли он спуститься, зависит от вас, доктор, – сказал капитан, сдержанно улыбнувшись. – Не разочаруйте меня.

Стальные перекладки лестницы, с которых капала вода, когда Катя хваталась за них, скользили под протекторами ее ботинок. Добравшись до застекленной стальной операторской кабинки и вцепившись в поручни, она окрикнула человека, спрашивая, нужна ли ему помощь, стараясь, чтобы ее голос звучал дружелюбно и успокаивающе.

Человек не ответил. Он лежал ничком почти на самом конце стрелы, обхватив руками стальную балку, словно встреченную после долгой разлуки возлюбленную. Между ними было всего десять метров, но он даже не повернул головы в ее сторону.

Чертыхнувшись, она вскочила на стальные рамы стрелы, пытаясь не обращать внимания на головокружительную пропасть под ногами, на дне которой, как муравьи, темнели фигурки моряков. Она снова позвала человека, спросила, как его зовут, и он слегка повернулся, неловко глядя на нее через плечо, не разжимая объятий. В его глубоко запавших глазах было что-то детское.

– Вы в безопасности, – сказала ему Катя, пытаясь говорить уверенно, хотя сама она уверенности не чувствовала. – Идите ко мне. Я помогу вам спуститься.

Человек открыл рот, но не произнес ни слова. Он молод, моложе Кати, на нем синий комбинезон и тяжелые рабочие ботинки.

– Ладно, я подойду сама, – сказала она.

Но как только попробовала приблизиться к нему, человек быстро пополз к краю дрожащей стрелы, словно гусеница. Катя остановилась, вновь заговорила, пытаясь убедить его, что все в порядке, что он спасен, но человек только отрицательно мотал головой, закрыв глаза, и не двигался. Он сидел теперь на самом краю, рядом с колесом, вращающим трос.

Капитан Чернов снизу громко спросил, почему все так долго. Мужчина посмотрел вниз, потом на Катю, затем медленно поднялся на ноги, как канатоходец, балансируя на краю туманной пропасти.

– Пойдите! – крикнула она. – Нет!

Но он уже сделал шаг.

Катя закрыла глаза. Мгновение спустя снизу раздался жесткий хрустящий звук и крик ужаса.

Когда она спустилась на землю, капитан Чернов с мрачной иронией заметил что-то вроде «лечение прошло успешно, доктор, но, к сожалению, пациент умер». Сукин сын, наверное, репетировал свою остроту, глядя, как она спускается с крана.

– Он был напуган до смерти, – ответила Катя.

– Вами?

– Своими кошмарами, я полагаю.

Она смотрела на капитана, чтобы не видеть распростертого на причале тела.

– Кран высотой двадцать метров, – сказал старпом. – То, чего он боялся, должно было быть очень большим.

– И оно все еще здесь, – добавила Катя, указывая в сторону, откуда доносился лай, который так и не прекратился за это время.

– Вы уже готовитесь сделать великое открытие. Но сначала мы должны осмотреть станцию, – объявил капитан и приказал всем держаться вместе, возле шлюпки оставили только двух матросов.

– Присматривайте за доктором, ребята, – сказал старпом. – Она не вооружена, так быстро, как мы, двигаться не может, и наверняка вкуснее ваших просоленных шкур.

– Здесь было двадцать шесть человек. Все мужчины? – спросила Катя.

– Конечно. Они сюда приехали работать. Их ничто не должно было отвлекать.

– Все мужчины, – повторила она и спросила: – Тем не менее это их не спасло, верно?

Они обшарили все здания. Общежития. Столовую. Офисы. Магазины. В подсобке из бетонных блоков, накрытых гофрированным железом, гудели два генератора. Затем обследовали аналитическую лабораторию и небольшой медпункт. В холодильной камере лежали три трупа, завернутые в черную пластиковую пленку. Один выглядел как жертва аварии, другие, кажется, покончили жизни самоубийством, один был со стальным кабелем на шее, у второго перерезаны вены на руках. Еще пятеро лежали за зданием одного из общежитий, со связанными руками и ранениями, похожими на пулевые. Отверстия от пуль виднелись и в деревянных досках стены общежития. Еще один труп валялся у основания радиомачты. У него была сломана шея, и Катя предположила, что он сорвался, пытаясь подняться.

– Пытался спрятаться от монстров, как ваш пациент с крана? – спросил Чернов. – Или, может, хотел вырваться от американцев, которые расстреляли его друзей?

– Может, они все свихнулись в этом проклятом тумане, – предположил старпом. – Началась ссора. Дело дошло до кулаков...

– Что-то свело их с ума, возможно, – задумчиво сказал капитан.

Промышленные ангары были пусты, хотя имелись признаки того, что люди покинули их в суматохе. В столовой на подносах стояла испорченная еда, на полу в офисе валялись бумаги, на проигрывателе в одной из спален вращалась пластинка, издавая жуткий скрежет до тех пор, пока капитан не поднял иглу. Шкафчик, в котором хранились пистолеты, был открыт и пуст, но, кроме тех пяти мужчин, что были расстреляны за одним из барачков, не было никаких признаков борьбы, ни луж крови, ни пулевых отверстий. И никаких признаков еще шестнадцати человек, обнаружить которых так и не удалось.

– Они бежали или были взяты в плен, – сказал капитан. – Если бежали, мы их найдем. Если в плену, мы найдем американцев, которые это сделали.

– При всем уважении, я не думаю, что это как-то связано с американцами.

– Так называемые либертарианцы брали заложников с целью получения выкупа, когда атаковали наши траулеры и торговые суда. И казнили их, когда выкупа не получали. То, что случилось здесь, связано с каким-то психическим оружием. Газ, наркотические испарения. После того как люди сошли с ума, американцы вошли, застрелили тех, кто еще мог сопротивляться, а остальных взяли в плен. Я вижу, вам эта версия не нравится, доктор. Ну, если у вас есть идеи получше, я готов их выслушать.

– У меня нет достаточно доказательств, чтобы выдвигать гипотезу, – ответила Катя, понимая, что звучит это слишком официально, из-за чего похоже на обычную защиту.

Капитан улыбнулся. Он явно смеялся над ней в душе.

– Вы надеетесь найти монстров. Хотите прославиться. Очень хорошо. Давайте искать их.

Катя молча шагала по набережной за группкой матросов, возглавляемой капитаном Черновым и старпомом, мимо конусовидных куч руды, рядов самосвалов, мощных шестиколесных махин, с шинами размером с рост человека. Они двигались в тумане медленно и осторожно, осматривая каждый грузовик, контейнер и штабеля пустых ящиков. Аркадий

Саранцев, слегка отстав, спросил у Кати: если монстры действительно напали на станцию, то съели ли они убитых?

– Капитан считает, что я думаю именно так, – ответила Катя.

– Вы считаете, он не прав, что что-то свело их с ума?

– Если бы я могла предположить, что это, то сказала бы, что произошедшее как-то связано с изоляцией этого места. И с туманом.

– Но не с американцами, вы полагаете, – закончил за нее Саранцев.

На его холодном лице появилась мягкая улыбка. Он поправил красную бандану на шее, затем вытащил из кармана куртки новую пачку сигарет, сорвал пленку и протянул Кате; когда она отказалась, он поднес пачку к губам, вытащил сигарету и прикурил от бензиновой зажигалки, сделанной из гильзы патрона калибра «а.50».

– Если бы я не видела, что тут произошло, то предположила бы, что капитан просто ищет повод напасть на американское исследовательское судно, – сказала она.

– Отец капитана был одним из первопоселенцев, – понизил голос Аркадий. – Мы все ненавидим капиталистов, с их ядерными ракетами, суперкомпьютерами и ограниченным менталитетом, но семьи колонистов особенно не любят их. Предложение помощи от них для капитана просто личное оскорбление.

Катя как-то встречалась с одним военным водолазом, который, напившись однажды вечером, рассказал ей, что его товарищ слишком быстро поднялся на поверхность с глубины оттого, что его водолазный компьютер дал сбой. Пострадавшего корчило, потому что в его суставах были пузырьки азота, он вопил от боли, и товарищи накачивали его водкой, потому что больше они ничего сделать не могли. Их патрульный катер был безнадежно далеко от ближайшего порта, и только благодаря американскому фрегату, перехватившему призыв о помощи и догнавшему их, бедняга был вовремя помещен в декомпрессионную камеру. Парень Кати пытался свести все к шутке, сказав, что его друг не только перестал корчиться в судорогах, но и обнаружил себя изрядно навеселе, но все же это была обычная грустная история о безумном русском разгильдяйстве, помноженном на массивный комплекс неполноценности.

– Я понимаю, ваш капитан с личных позиций относится к войне с либертарианцами, – ответила Катя.

– Он ослушался приказа, когда двинулся в тот рейд, верно. Но он захватил главаря бандитов и его приближенных, а кроме того, спас двадцать заложников.

Она не могла не улыбнуться тому, с какой страстью это было произнесено.

– Вы считаете его героем.

– Однажды, два года назад, у нас было задание посетить небольшой островок около Южного полюса, – сказал Аркадий. – Он очень далеко и совершенно пустынный. Там никто не живет, но мы на него претендовали, поэтому он был важен. Предыдущая экспедиция установила там маяк, а также завезла туда коз. Идея была в том, что они будут размножаться и служить источником свежего мяса для экипажей всех кораблей, что проходят мимо. Нам было поручено почистить солнечные панели на маяке, заменить аккумулятор и узнать, как поживают козы.

– Могу себе представить, как капитан Чернов относился к этому заданию.

– Он верит, что держит границы Народной Республики на замке. По крайней мере он так говорил нам. Точнее, нашей небольшой группке, которая вышла на сушу. Но мы не нашли там коз. Одни кости. Зато повсюду были плоские крабы, так что мы решили, что козы погибли и крабы съели их. Остров этот – просто вулкан, потухший. Черные скалы, заросли колючих кустарников, и повсюду чертovy крабы. Смотрели на нас из-под камней, постоянно ползали вокруг, когда мы останавливались или поднимались к маяку. А на вершине острова, наоборот, густой пояс высоченных пальм. Меньше, чем те, что на Большом острове, но все-

таки самые высокие растения в этом месте. И на этих пальмах полно этих крабов. Когда мы шли между пальм, они валялись на нас. Они цеплялись за кожу своими присосками, их приходилось стряхивать. Это отвратительно, но мы не думали, что это может быть опасно. А на самом верху, где кальдера, – глубокая воронка с озером на дне. Мы нашли маяк, выполнили свою работу, а пока отдыхали, пара идиотов кинула в озеро валун, прямо с края воронки. Он упал в озеро с большой высоты, и на поверхности был сильный всплеск. А когда рябь угасла, в озере раздался другой всплеск, еще сильнее. Как будто мы что-то разбудили там, внизу.

– Вы нашли чудовище?

– Мы ничего не видели. Просто всплеск и волны. А спуститься у нас не было возможности. И вот мы идем обратно, и тут ветер меняется и начинается дождь. А потом двоим становится плохо. Аллергическая реакция на крабов. Дождь усиливается, хлещет наклонно из-за ветра. И когда мы вернулись к месту высадки, то обнаружили, что сильные волны оторвали лодку и ее несет к выходу из залива. Капитан нырнул и доплыл до лодки, но он не мог подвести ее к берегу, где мы его ждали, потому что волны разбили бы ее об скалы. А больным становилось все хуже, и они не могли попасть на судно. Тогда Чернов заглушил моторы и выстрелил из гарпунной пушки на берег, и по тросу мы переправили заболевших над волнами на палубу, и в итоге все остались живы.

– А как насчет монстра?

– Мы уже не возвращались на берег, чтобы узнать, что там. Но пока мы ждали на берегу, у нас были самые тревожные мысли насчет его. Каждый представлял, как чудовище ползет по скалам внутри кальдеры, подступая к тому месту, где мы укрылись... Но смысл истории в том, что наш капитан не какой-нибудь изверг. Там, на войне, он поступил правильно, а шишки из начальства наказали его, потому что он представил их не в лучшем свете. Послушайте-ка. Это ведь не собаки? Это точно не собаки.

– Но и не свиньи точно, – сказала Катя.

Однообразный лай был уже близко и звучал громко, звуча из невысоких зарослей. Катя и Аркадий увидели, что Чернов и трое моряков короткими перебежками обошли деревья справа и слева, растворяясь в молочно-белой дымке.

Прошло две минуты. Три. Ни выстрелов. Ни криков. Сердце Кати тревожно забилось, она изо всех сил напрягала зрение, пытаясь рассмотреть, что происходит в тумане. Ей очень хотелось выяснить, откуда исходит этот лай, но голос в голове говорил ей, что нужно быстрее бежать отсюда и как можно дальше.

Аркадий закурил еще одну сигарету, и Катя сделала вид, что не заметила, как дрожал огонек его зажигалки, когда он прикуривал. Лай продолжался без остановки. В конце концов на вершине хребта появился один из матросов и сделал знак рукой, что все чисто.

С другой стороны хребта был огород, аккуратные грядки картофеля и капусты, окруженные двойным забором из проволоки, чтобы не пустить плоских крабов, зеленые листья с одной стороны заграждения резко контрастировали с фиолетовой растительностью Венеры с другой стороны. А рядом находился загон из кольев и проволоки, где на голой земле, в грязи, лежали две свиньи, бока которых судорожно поднимались и из плоток вырывался кашель, напоминающий лай. Каждый раз, когда они кашляли, из горла у них вырывалась кровавая пена. Вздувшиеся тела трех других свиней валялись рядом и гнили, а толпы крабов копошились в них, отталкивая друг друга. Прислонившись к загону, Катя почувствовала сильный запах падали. Серый туман окрашивал эту картину в однообразные, мрачные тона.

– Вот ваши монстры, доктор, – сказал ей капитан. – Не желаете изучить их?

Старпом хотел пристрелить свиней, чтоб не мучились, но Катя не согласилась. Она сказала, что попытается узнать, чем они заражены, и очень удивилась, когда Чернов с ней согласился.

– Это может быть нечто вроде нервно-паралитического яда, – сказал он.

– Или они отравились кем-то из местной живности, – ответила Катя.

– Местные болезни не опасны для людей. И для свиней.

– Пока случаев заболевания не было, – возразила Катя. – Но жизнь на Венере и на Земле имеет один и тот же генетический код и предположительно общее происхождение. И для вирусов, и бактерий Венеры люди и свиньи – не более чем новые типы слизистых оболочек, новая масса цитоплазмы, которую можно переработать.

– Сначала вы надеялись найти монстров, – перебил капитан, – теперь хотите обнаружить венерианский грипп. Уровень ваших ожиданий слегка понизился, доктор. Если вы хотите быть полезной, помогите господину Саранцеву найти в офисах дневники, журналы, какие-нибудь записи, в которых было бы описано произошедшее. А я меж тем продолжу искать оставшихся шахтеров, хотя уверен, что не найду их.

– Потому что американцы взяли их в плен?

– Я надеюсь, вы, как все ученые, верите логике. А логика говорит нам, что, если они не здесь, значит, должны быть где-то еще. – И капитан Чернов поручил Аркадию проследить, чтобы доктор Игнатова не попала в беду, а сам с остальными матросами на двух грузовиках уехал в сторону карьера.

Катя нашла журнал в станционном медпункте, обнаружив запись трехнедельной давности, в которой отмечалось, что два человека слегли с симптомами лихорадки: высокая температура, произвольные судороги рук и ног, ночной пот, но все проходило в течение двадцати четырех часов. Позже появились и другие заболевшие. Зараза распространилась на весь лагерь, включая станционного химика, по совместительству медика. В аналитической лаборатории Катя увидела фотографию, на которой он стоял вместе с двумя своими маленькими дочерьми перед памятником Первопроходцам на Большом острове: долговязый, светловолосый мужчина с высоким лбом, очки в тяжелой оправе. Она уже видела его. Он был среди расстрелянных. Его звали Георгий Жженов.

Всю неделю после того, как прекратились случаи «суточного гриппа», так он называл эту болезнь, в журнале встречались только обычные рутинные записи. Затем краткая запись о самоубийстве – человек повесился. Потом второй попал под грузовик. Другие записи: синяки, полученные в драке, несмертельное ножевое, переломы, все в алкогольном опьянении. Двух человек не обнаружили утром на месте; следующей ночью исчезли еще трое. Один из них найден цепляющимся за ветви высокого дерева и с трудом спущен вниз. На следующий день он вскрыл себе вены. Еще один повесившийся, четверо пропали. Последняя запись, сделанная почерком Георгия Жженова, но криво, словно писавший был не в себе, гласила: «Я страдаю от ярких и необычных сновидений».

Катя нашла свидетельства, подтверждающие случаи самоубийства, с данными анализа крови. Жженов пропускал образцы через газовый спектрометр, пытаясь определить тяжелые металлы или токсины, но обнаружены были только следовые количества олова и титана в допустимых пределах. Он также исследовал образцы крови двух свиней. Катя почувствовала, как холодок пробежал по ее спине. Люди болели; свиньи подышали; Жженов пытался найти связь между этими событиями. И поскольку он был металловедом, то и использовал те приборы, которые имел.

На стене его маленькой лаборатории висела геологическая карта. Катя тщательно изучила ее. Широкая кривая береговой линии с песчаными откосами. Черным прямоугольником отмечена станция. Ряды круто очерченных гребней позади нее, с красными отметками, указывающими известные месторождения руды. Карьер отмечен на первом хребте заштрихованным прямоугольником. Она провела пальцем по линии хребта, отмечая высоты.

Аркадий Саранцев, роясь в офисных документах коменданта станции, сделал свое открытие.

– Рыба, – сказал он Кате.

– Рыба?

– Много рыбы. – Аркадий помахал найденным видеодиском. – К счастью для нас, комендант любил делать видеозаписи.

Это был короткий любительский фильм. Панорамная съемка черной рыбы на песчаной отмели, теряющейся в тумане; дохлая черная рыба качается на волнах. Крупным планом: черная рыба дергается и выпрыгивает из воды, затем мертвая или умирающая рыба на песке. Тощая, покрытая щетинками рыба с растопыренными щетками жабр и выпученными глазами, крупным планом, в который попали и ботинки оператора, несколько корчащихся рыб, бьющих хвостами. Мужчины черпают рыбу ведрами из воды, опрокидывая их в бочки на лодке. Собирают рыбу в воде руками, кидаются друг в друга. Небольшой бульдозер двигается взад-вперед в тумане, сгребая рыбу с песком и сталкивая в воду. Волны накатываются на берег, черные от крови, вода бурлит от огромного количества падальщиков, собравшихся на пиршество.

Катя остановила видео на кадре, где мужчины чистили берег от падали. Десять человек, двадцать, двадцать пять. И оператор, комендант, двадцать шестой. Вся станция приняла участие в этой жуткой пляжной вечеринке, и ни у кого не было защитной одежды. Большинство было в одних плавках и шлепанцах; кое-кто вообще ходил голым.

– Когда это было? – спросила она.

– Четыре недели назад, – ответил Аркадий.

– И спустя неделю люди начали болеть, – закончила Катя, бросив взгляд в медицинский журнал. Самоубийства, исчезновения, загадочная запись о снах.

Аркадий показал ей дневник коменданта. Последние записи были о патрулях, прочесывающих лес позади здания, о людях, или человекообразных животных, странных звуках. Ближе к концу почерк коменданта превратился в каракули. Последняя запись состояла из нескольких непонятных слов и нарисованных черепов, клыкастых дьявольских рыл, кинжалов, с которых капала кровь.

– Значит, это рыба, – произнес Аркадий. – Они заразились от контакта с рыбой или ели ее и оттого заболели. Болезнь, сводящая с ума.

– Все может быть немного сложнее, – возразила Катя. – Они могли кормить дохлой рыбой свиней. Мне нужно обследовать их.

Она нашла в лаборатории коробку виниловых перчаток и смочила марлевую повязку в хлорном отбеливателе. Это была не бог весть какая защита, но большим она не располагала. Без полного костюма химзащиты им не хотелось приближаться к свиньям, поэтому они с Аркадием смастерили пробоотборник из длинной палки с чашкой на конце, и, после ряда манипуляций, им все же удалось отобрать образец пены из пасти одной из еще живых свиней. Катя обращалась с пеной так, словно это был плутоний, – тщательно перенесла ее в пластиковую бутылку, затем упаковала бутылку в двойной пакет.

Она заметила не менее шести микроскопов, стоящих в лаборатории нераспечатанными. Без сомнения, ненужные микроскопы – такой же результат ошибки в распределении оборудования на центральном складе, как и те многочисленные упаковки с продуктами, которыми был загружен экраноплан и где обнаружился один только тыквенный суп. Она поставила один микроскоп на разделочную доску в столовой и выбила окно скалкой.

– Шесть микроскопов, – сказала она Аркадию. – И ни одного стеклышка для образцов.

Она схватила небольшой кусок оконного стекла, сменила перчатки, поправила маску, размазала каплю свиной мокроты по стеклу, установила его на препаратном столике микроскопа и, наклонившись, повертела ручку фокусировки, чтобы мазок оказался в фокусе.

Ничего.

Она схватила стеклышко, подвигала его взад-вперед, чувствуя, как пальцы в перчатках мокнут на верньерах, на ручке тонкой настройки, испытывая то же ощущение, что и на практике в бакалавриате, когда она не в состоянии была найти препарат в фокусе.

– Что там? – спросил Аркадий.

– Ничего. Но это ничего не значит.

Она объяснила ему свою мысль о способе, которым заразились свиньи. Исследуя кровь свиней, Георгий Жженов был на правильном пути, но искал он не в том месте. На Земле, сказала она Аркадию, были болезни, передающиеся от животных человеку. Зоонозы. Вполне возможно, что сводящий с ума грипп был одним из таких заболеваний. Шахтеры кормили свиней сырой рыбой – бесплатный источник протеина, к тому же сам выбрасывающийся на берег, – и инфекция вспыхивала среди животных. Они стали слабыми, хилыми, кашляли, отделяя зараженную мокроту. Возможно, первым заболел человек, кормивший свиней, затем все остальные. А может, люди заразились, употребляя в пищу плохо проваренную свинину. Катя очень надеялась, что там какой-то паразит. Что-то, что она могла бы увидеть под микроскопом. Черви. Споры, грибы, кисты.

– Что-то, что можно предъявить капитану, – добавил Аркадий. Он быстро соображал.

– Это может быть бактерия, – сказала Катя, – или вирус. Размеры вируса, как правило, не больше длины волны света в видимом диапазоне, и ее невозможно разглядеть с таким простым микроскопом. Я смогу точно выяснить, что это, когда исследую образцы в полностью оборудованной лаборатории, но суть не меняется. Это паразитические организмы, которые влияют на поведение хозяев. Вирус заставляет рыбу выбрасываться на берег. Вызывает галлюцинации у шахтеров. Заставляет поверить, что их атаковали. Заставляет некоторых совершать самоубийство. А других – расстреливать собственных друзей. А остальные, я полагаю, разбежались.

– Но у вас нет доказательств.

– Нет. Пока нет. Пока капитан Чернов не найдет пропавших людей.

Капитан никого не нашел. Его поисковый отряд рыскал во всех направлениях и вернулся на станцию с двумя трупами, найденными на отвесной скале, но от нескольких человек не было и следа. Капитан Чернов был убежден, что они были захвачены или убиты нападавшими, но все же выслушал версию Кати, посмотрел записи Жженова и видео коменданта. В конце концов он сказал:

– Заболели свиньи, заболели люди. И вы связываете это с... как вы это назвали?

– Зоонозы.

– Но доказательства у вас нет.

– Пока нет. Но мужчины заболели через неделю после того, как выбросило рыбу. Если они кормили ею свиней, то этого времени достаточно, чтобы инфекция развилась.

– Человек на кране, разве он кашлял? Нет – он сошел с ума. И мертвецы, которых мы нашли, – они погибли либо от собственной руки, либо от пули. А не от паразитов.

– Люди и свиньи биологически схожи, но не идентичны...

– Свиньи, возможно, и подхватили какую-то болезнь. Может, из-за рыбы. Почему нет?

Но с людьми произошло что-то другое. Очевидно, нечто воздействовало на их мозг.

– На Земле множество паразитов, изменяющих поведение их хозяев, – сказала Катя.

– Мы не на Земле, – возразил Чернов, – и паразиты тут ни при чем. Мужчины обезумели, это ясно. Но почему? Я считаю, что это вполне может оказаться экспериментальным применением нового типа психического оружия. Или отравляющего газа. Газы, который не убивает, но меняет сознание. А потом американцы высадились здесь, в этом удаленном районе, чтобы наблюдать результаты эксперимента, и взяли в плен оставшихся в живых. А теперь они возвращаются, делая вид, что хотят помочь, а на самом деле, чтобы захватить нас, если мы обнаружим доказательства того, что это их рук дело. И ваша болтовня об инфек-

ции им на руку, доктор. Вы так не думаете? Предположим, что американцы скажут, что это местная болезнь, от которой страдают и люди. А что, если они подкинут ложные свидетельства вашей теории? Мы должны изолировать эту станцию, а может, и эвакуировать другие. И заставить американцев убраться. Но мы не сбежим. Мы будем защищать это место от врага. Мы раскроем миру правду о злодеянии, которое они совершили. Значит, так. Личная просьба, доктор. Ищите истину. А не выдумки.

Он не станет смотреть на карту и слушать предположения Кати о том, где могут скрываться оставшиеся шахтеры. Ему достаточно версии, которая подходит под его предрассудки, и менять свою точку зрения он не собирается. Это сделал враг, и он возвращается на место преступления, а значит, должен быть наказан.

Старпом и два матроса остались охранять станцию; остальные вернулись на экраноплан. Катя не была заперта в каюте, но люки и переходы на смотровую площадку были закрыты, и капитан ясно дал понять, что палуба вне досягаемости. Некоторое время она писала отчет, пытаясь, насколько это возможно, оставаться бесстрашной. Она не была уверена, что никто не прочтет его, поэтому изложила там все факты и свои предположения.

Наверху что-то грохотало и скрипело. Катя полагала, что это пусковые ракетные установки, разворачиваемые на палубе экраноплана.

Когда она закончила отчет, находиться в каюте стало невыносимо. На экраноплане велись лихорадочные приготовления. Мужчины с грохотом носились вверх-вниз по трапам. Звучали громкие команды. Все были возбуждены. Три матроса в столовой чистили карабины и не обращали внимания на Катю, пока она возилась на камбузе, и даже не повернули головы, когда она вышла с двумя кружками чаю.

Она нашла Аркадия Саранцева в рубке мониторинга и протянула ему одну кружку. Он сообщил ей, что капитан Чернов сделал доклад в Центральное управление в Космограде и к его сообщению отнеслись вполне серьезно. В радиусе трехсот километров была объявлена запретная зона, и всем английским и американским судам было приказано немедленно покинуть контролируемые воды. Американцы подали официальный протест и послали два фрегата в поддержку своего научно-исследовательского судна, которое находилось в пятидесяти километрах от берега и двигалось теперь в обратном направлении. Аркадий настраивал радар ракетной системы наведения на центральном экране: там вырисовывалась длинная линия берега, слабая зеленая точка исследовательского судна с белыми фигурками на борту.

– Мы ожидаем решения из центра.

Катя почувствовала, что у нее засосало под ложечкой.

– Чтобы начать обстреливать их ракетами?

Аркадий потягивал чай из кружки.

– Чтобы догнать и захватить их корабль. Капитан считает, что на нем есть свидетельства нападения на нашу станцию с использованием пси-оружия, и в Центральном управлении обсуждают создавшееся положение.

– Он ведь в любом случае будет атаковать, верно? Ослушается приказа, как делал раньше. Он может развязать войну.

– Он сделает то, что требуется.

– Вы же понимаете, что американцы тут совершенно ни при чем. Что шахтеры заразились чем-то и сошли с ума. Что там могут быть выжившие, как тот бедолага на кране.

Аркадий мгновение внимательно смотрел на нее, и во взгляде его было сожаление.

– Мы друзья, конечно, но, кроме того, я еще и офицер ВКФ Народной Республики и службу под командованием человека, который спас мне жизнь, – ответил он, отодвинув край тельняшки, обнажая белый шрам на плече. – Я был одним из тех, у кого была аллергия на крабов на том острове.

– Значит, вы мне не поможете.

– Я советую вам не мешать нам заниматься нашим делом.

– Я так и думала, – сказала Катя. – Но я должна была спросить, потому что не уверена, что сделаю это в одиночку.

Глаза Аркадия расширились, и он выронил чашку чая, пытаясь закрыться рукой. Но слишком поздно. Катя с размаху ударила его по голове консервной банкой, взятой на камбузе, потом еще и еще. Она била до тех пор, пока он не сполз с кресла и, закатив глаза, не растянулся на полу. Обшарив карманы, она нашла связку ключей и, повернув Аркадия на бок, в позу спящего, направилась к выходу.

Никто не видел, как она спрыгнула в воду с крыла корабля – а высота оказалась больше, чем она ожидала. Вынырнув, она поплыла к берегу, ожидая спиной и затылком, что кто-нибудь поднимет тревогу и будет стрелять в нее. Катя прекрасно плавала: с военным водолазом она познакомилась в бассейне санатория «Дружба», высоко в горах на Большом острове. В одном нижнем белье она рывками двигалась в прохладной, спокойной воде, одежда и обувь были прицеплены в маленькой сумочке на талии. Слой тумана, как потолок, висел в метре над поверхностью, образуя вокруг девушки надежную завесу. Она словно бы плыла в огромном пузыре.

Выбравшись на причал, Катя снова услышала предсмертные взвизгивания свиней и пожалела, что не разрешила Аркадию пристрелить их после отбора образцов пены. Хотя он наверняка этого бы не сделал: капитан хотел сохранить их живыми в доказательство своей глупой теории.

Никто не преследовал ее. Она пробежала мимо ряда припаркованных грузовиков с рудой и остановилась в конце ряда, тяжело дыша и прислушиваясь. Ничего, кроме однообразного лая. Ни криков, ни сирен, ни предупредительных выстрелов. Она выжала волосы и стянула их в хвост, потом надела рубашку, брюки и прочные ботинки, залезла в кабину грузовика в самом конце парковки. Она умела управляться с такими грузовиками, – после первого учебного года в университете, во время длинных каникул, она подрабатывала на стройке спортивного центра, дизайн которого создавала ее мать. Гидроусилитель руля, механика, никаких проблем. Она включила зажигание, и большой двигатель кашлянул, разогреваясь. Выехав с парковки, в зеркале заднего вида она увидела мужчину, который гнался за ней, отчаянно размахивая руками, но затем отстал и растворился в тумане.

Грузовик двигался легко и плавно по извилистой, неровной дороге. В высокой просторной кабине был мощный кондиционер, быстро высушивший ее одежду. Катя двигалась с максимальной скоростью, на которую могла решиться в тумане, сверяясь с GPS-навигатором на экране приборной панели и красными фонариками, расположенными на расстоянии двадцати метров друг от друга по обе стороны дороги. Фонарики – бесконечная цепь звездочек, вынырывающих из тумана и исчезающих позади.

Она представила себе людей, преследующих грузовик, нагоняющих ее. В боковых зеркалах никого не наблюдалось, но видимость была меньше двадцати метров. Она не заметит погони, пока преследователи не окажутся прямо у нее на хвосте.

Дорога становилась все круче. Катя сделала поворот, потом еще и, наконец, выехала на вершину. Пытаясь соотнести показания навигатора с реальностью, она проехала мимо пары бульдозеров, какого-то передвижного конвейера и ряда барачков перед скалой с горизонтальными полосами темной руды, маячившей в тумане. Она развернулась вправо, обогнула отвал, вершина которого таяла в белизне, проехала мимо башен и подвалов сортировочного цеха. Слева виднелся слабый красный огонек, и Катя с облегчением повернула к нему, понимая, что эта дорога ведет к вершине горы.

Вокруг поднимались головокружительные, заросшие лесом склоны. Деревья росли с обеих сторон, упираясь вершинами в облака. Некоторые из них были хвойными или, точнее, напоминали нарисованные ребенком елки: жесткие боковые ветви с пучками тонких

игл с капельками воды, и с ветвей свисало нечто вроде рваных парусов и перепутанных ремней с бахромой, сконденсированная влага искрилась в свете фар. Пучки игл, «паруса» и «ремни» были того фиолетового оттенка, который имеет похожее на родопсин соединение, присутствующее в венерианских растениях в качестве фотосинтезирующего пигмента. Густые подушки сырого черного мха покрывали землю между деревьями. Висела тяжелая духота.

Смутные очертания проступили сквозь туман: огромный желтый самосвал, точно такой же, как тот, на котором она ехала, стоял, уткнувшись носом в глубокую канаву на обочине дороги. Проезжая мимо, она притормозила и, вытянув шею, заглянула в кабину самосвала. Она была пуста, и это давало надежду: кажется, она была на правильном пути. Гнетущая пелена тумана стала редеть, распадаясь на клочки, и Катя двигалась в белесом свете, деревья теперь встречались отдельными островками, между которыми лежали огромные валуны. Дорога повернула и внезапно закончилась. Там стоял еще один грузовик.

Люди пришли сюда, все верно. Пытаясь сбежать от монстров, порожденных их собственным сознанием, они уехали прочь из тумана в то место, куда обычно приезжали отдыхать.

Катя проехала мимо еще одного брошенного самосвала, через поляну с мангалами для барбекю, столиками для пикника. Но ее грузовик не мог подняться выше даже на первой передаче. Заглушив двигатель, Катя выскочила из кабины и оглянулась назад. До горизонта тянулось белоснежное море тумана внизу, сливаясь вдалеке с вечными облаками цвета слоновой кости, висящими высоко в небе. Солнце ярким пятном стояло низко над горизонтом к востоку. Менее двадцати дней оно будет висеть вот так, а затем начнется долгая – сто семнадцать земных суток, – беспросветная ночь. Километрах в сорока вспыхивали молнии, освещающая тяжелый свод облаков; она слышала далекие, монотонные перекаты грома, видела тонкие косые линии дождя, который испарялся раньше, чем достигал земли. Все еще не было никаких признаков погони, но она не сомневалась, что ее ищут, и стала подниматься к вершине хребта.

Крутые каменные склоны были покрыты редкой щетиной фиолетовой растительности. Приземистые лопухи, спутанные кусты размером с голову, жесткие, переплетенные шлейфы колючек. Воздух был тяжел, горяч. Длинные тени тянулись по камням.

Она взмокла, запыхалась, пульс стучал в ушах, словно молот по наковальне, и когда наконец Катя добралась до вершины, то увидела за ней горный хребет, возвышающийся над туманом, как зубцы гигантских граблей, за которым начиналась бескрайняя пустыня. Перед хребтом была еще одна вершина, увенчанная рощей.

Далеко внизу взвыла сирена. Тревожно оглянувшись, она увидела желтый грузовик и троих мужчин, спешащих в ее сторону.

Катя кинулась к роще, когда в воздухе появилось темное пятнышко, тень посреди безбрежного, волнующегося моря тумана, исчезающая и вновь появляющаяся между клочьями белого пара. Пятнышко приближалось к ней. Это был один из беспилотников с экраноплана, квадрокоптер, похожий на крест, на каждом конце которого установлен пропеллер. Камеры на нем были повернуты в ее сторону, беспилотник с гудением пролетел мимо, развернулся и понесся прямо на нее, низко и быстро, словно смертельно опасная тарелка-фрисби, нацеленная ей в голову.

Катя ничком рухнула на землю, спиной почувствовав, как лопасти квадрокоптера режут воздух прямо над ней, потом вскочила на ноги и, когда беспилотник развернулся, помчалась в сторону колючих зарослей на краю отвесной скалы. Отломив одну из засохших коряг, она замахнулась на гудящий беспилотник, и машина свернула в сторону. Затем беспилотник, сделав широкий круг, осторожно двинулся к ней неуверенными скачками и завис в нескольких метрах от нее. Раздался металлический щелчок, и чей-то голос произнес:

– Стойте, где стоите, доктор. Дождитесь моих людей.

– Это вы, капитан? Следуйте за мной, и я отведу вас к пропавшим шахтерам.

– Вы не подчинились приказу, доктор. Но если вы сейчас вернетесь назад, я закрою глаза на ваш проступок.

– Они поднялись сюда, ища место, где будут в безопасности. – Катя указала в сторону деревьев.

Беспилотник наклонился и рванулся в атаку, Катя спрыгнула с края обрыва и покадилась по крутому склону в облаке пыли и мелких камней, остановившись среди жестких фиолетовых кустов, оцарапанная и задыхающаяся. Корягу она потеряла. Беспилотник пикировал на нее, и Катя схватила попавшийся под руку обломок ветви и сунула его в один из пропеллеров машины. Раздался скрежет, вихрь острых осколков разлетелся во все стороны, и беспилотник повернул назад, перекошенный на один угол. Он пытался повернуть обратно к Кате, но смещение центра тяжести привело к закрутке, и несущийся по спирали квадрокоптер ударился о скалу и с грохотом покатился вниз по склону, подпрыгивая и теряя детали.

Трое матросов остановились, пропуская несущийся вниз искореженный беспилотник, и снова полезли вслед за ней.

Катя изо всех сил карабкалась вверх по склону. На вершине она остановилась, пульс барабанил в ее голове, кровь и пот застилали глаза – разлетающиеся осколки оцарапали ей лицо. Мужчины были уже близко. Старпом что-то крикнул ей, и она, повернувшись, похромала дальше, морщась от сильной режущей боли в лодыжке. Горячий воздух охватил ее, как лихорадочный жар, мир сжался до крошечного пятнышка грязных камней у нее под ногами. Она карабкалась по крутому обрыву на четвереньках и осознала, что достигла вершины, только когда тени деревьев упали на ее лицо.

Они цеплялись корнями за почву среди черных валунов, стволы вертикально тянулись в небо, а жесткие горизонтальные ветки были покрыты пучками пурпурных иголок.

На сухой подстилке из опавшей хвои лицом вверх лежал человек, глаза его запали, на потрескавшихся губах застыла пена. Катя подумала, что он мертв, но человек повернул к ней голову, вздрогнул и застонал.

Ноги его были сломаны. Она видела кость, торчащую из голени сквозь рваную штанину. Поодаль лежала винтовка. Катя решила, что он выронил ее, когда падал.

Она опустилась на колени рядом с ним, взяла человека за руку и спросила, где его друзья. Он закатил глаза. Сначала Катя подумала, что у него обморок, а затем догадалась и посмотрела вверх. Там, высоко в ветвях, прятались тени, еле заметные среди мокрых пучков длинных игл. Атавистический обезьяний рефлекс заставлял их спасать свои жизни на деревьях.

Катя держала руку человека до тех пор, пока старпом и двое матросов не поднялись вслед за ней.

– Не понимаю, как он не убил тебя, – сказала мать.

– Чернов не собирался меня убивать, – ответила Катя. – Просто он заиклился на врагах, убежденный, что все произошедшее – результат дьявольских козней американцев. Да, он пытался остановить меня, но хотел спасти меня от того, что считал помешательством. Когда его люди увидели, что я отыскала шахтеров, все закончилось.

– Полагаю, на этот раз мы должны быть благодарны тому жесткому кодексу чести, которого придерживаются мужчины.

– Аркадий называл его героем. Он и действовал, как герой.

– А теперь герой ты. Моя дочь, спасшая мир от войны.

– От нелепой стычки, обусловленной этим самым кодексом чести. И я слишком во многом была не права, чтобы называться героем. Начиная с того, что неверно определила, что произошло с шахтерами.

Они обедали вдвоем с матерью. Экипаж экраноплана и Катю только что выпустили из карантина, и мама еле вытащила ее из толпы репортеров и зевак. И теперь они сидели в спокойной и тихой столовой Союза Инженеров с видом на бурлящий внизу Космоград и синюю полосу залива за ним.

Другие посетители открыто тарасились на них, но на этот раз не потому, что они оказались единственными женщинами в зале. На Кате была блузка и брюки-карго, в которых ее выпустили из госпиталя; мама была одета в строгий белый костюм, подчеркивающий ее стройную фигуру. Она смотрела на дочь через свои бессменные очки в красной оправе.

– Ты не ошиблась, милая моя, – сказала она. – Шахтеры действительно заразились чем-то, вызывающим галлюцинации.

– Но это не вирусы и не паразиты. Инфекция никакого отношения к свиньям не имела. И у нас есть только косвенные доказательства, что болезнь связана с рыбой.

Прошло несколько недель испытаний в военно-морском госпитале, прежде чем обнаружилось, что шахтеры заразились одним из видов прионов – инфицирующих агентов (похожих на неправильно упакованные типы белков), встречающихся в нейронах мозжечка, в небольших подкорковых структурах мозга, отвечающих за страх и удовольствие. Прионы катализируют ошибочный синтез белков, вызывающих дисбаланс в нейротрансмиттерах и, как следствие, повышенное чувство тревоги, отчего генерировалось огромное количество адреналина и других гормонов. А причинами психических срывов и галлюцинаций, которыми страдали шахтеры, были попытки рационализировать неконтролируемую эмоциональную бурю.

Кате очень хотелось доказать, что прион находился в крови рыб, выбросившихся на мель. Что касается свиней, они были заражены обычными паразитами, что влияло только на их дыхательную систему и не передавалось человеку. Она была права в том, что шахтеры обезумели потому, что заразились, но во всем остальном она ошибалась, поскольку развивала свои идеи по земным аналогиям. Примеры, приводимые ею, были неправильны, она пыталась применить земные мерки к венерианским реалиям.

– Я видела совсем разные вещи, – говорила она матери, – а пыталась связать их со своими теориями. По крайней мере в этом капитан Чернов был прав.

– Зато он ошибался во всем остальном. Ты слишком много на себя берешь, – ласково сказала мама.

– Интересно, откуда это во мне?

– Те бедолаги, которых вы спасли, выздоровеют?

– Им назначено серьезное медикаментозное лечение и когнитивная терапия. Страх смерти уже прошел, но вычистить из мозга прионы будет нелегко.

– Звучит так, будто ты нашла себе новую тему для исследования.

– Это интересно, если только проблема не слишком узкая, – ответила Катя. – Важно знать, что прионы вызывают широкие поведенческие изменения, но могут быть и более тонкие эффекты. Мы считаем, что живем вне биосферы Венеры, но ясно, что это не так. Все мы, русские, американцы, англичане, имеем больше общего, чем те, кто остался на Земле. Мы пришли с Земли, но живем-то на Венере. И Венера входит в нашу кровь и мозг.

– Значит, у тебя новая тема исследования и новые способы наживать неприятности, – подытожила мама. – А что там с твоим новым коллегой?

– Отношения налаживаются, но медленно. Он простил меня, хотя из-за меня у него сотрясение мозга, и еще я здорово ущемила его гордость.

Когда они первый раз увиделись с Аркадием в карантине, он заметил ей, что, если бы он был в состоянии управлять беспилотником, проблем с ее возвращением на корабль не возникло бы.

– А теперь простил. Человек, который ставит любовь выше гордости, – задумчиво произнесла мама. – В наше время это лучший пример нового мышления.

Мэтью Хьюз

Мэтью Хьюз родился в Ливерпуле, Англия, но большую часть взрослой жизни провел в Канаде. Работал журналистом, штатным спичрайтером в канадском Министерстве юстиции и окружающей среды, а также фрилансером, писал корпоративные и политические речи в Британской Колумбии, прежде чем остановился на писательской стезе. Видимо, под сильным влиянием Джека Вэнса он стал известен историями о приключениях разбойников, таких как Хенджис Хапторн, Гут Бандар и Лафф Имбри, живущих в эпоху заката Земли. Это такие рассказы, как «Странствующие простаки», «Обмани меня дважды», «Черный Бриллион», «Маджеструм», «Хеспира», «Спиралевидный лабиринт», «Шаблон», «Квартет и триптих», «Желтый Кабошон», «Другое», «Палата общин», а также истории, объединенные в сборник «Искатель смысла и другие рассказы». Последние его книги в стиле городского фэнтези: трилогия «В ад и обратно», «Проклятые кутежи», «Неподходящий костюм» и «Ад расплаты». Также он пишет детективы под псевдонимом Мэтт Хьюз и романы в стиле тай-ин под псевдонимом Хью Мэтьюз.

В этой изысканной истории Мэтью поведет нас на Венеру, Планету Любви, показав нам Любовь, которая может стать непреодолимой силой, и иногда преодолеть ее сможет только меткий выстрел.

Мэтью Хьюз Гривз и Вечерняя звезда

Я откинул одеяло и сел.

– Гривз, – сказал я, – я видел только что самый страшный сон.

– Мне жаль это слышать, сэр.

Он поднес мне утреннюю чашку на блюдце, без которой у Глостеров не начинается ни один день, и я сделал один глоток. Это был обычный день, когда все идет своим чередом, не из тех, что следуют за ночными гулянками в клубе «Инерция», когда просыпаешься с чувством, что смерть не только неизбежна, но и весьма близка.

– Мне снилось, что Балди Спотс-Бинкл заманил меня на самодельный космический корабль Слайти Туви-Випли, задраил люк, если здесь уместно слово «задраил»...

– Все верно, сэр.

– Хорошо... и мы стартовали к Венере – не к статуе, подумать только, а к самой Вечерней звезде, – и мы несколько месяцев спали, как тот пастух Винкль, пока наконец не приземлились в поместье Балди посреди самых мрачных болот, которые только можно вообразить.

Гривз склонил голову – таким жестом он, как я уже выучил, выражал свое сочувствие. Я встряхнулся, все больше возвращаясь к реальности под действием живительного улуна, который я второй раз основательно отхлебнул из чашки.

– Это было место, погруженное во мрак, где никогда не показывается солнце, кругом болота да речушки, и изредка встречается то, что мы называем твердой поверхностью.

– О, подумать только, сэр.

– Эх, ладно... – Я потянулся, стряхивая с себя ночные кошмары, стремительно удаляющиеся в прошлое, исчезая в зеркале заднего вида моей мчащейся вперед жизни. – Подними шторы, Гривз, и дай мне встретить сияющие розовые лучи...

– Сэр, вам придется подготовиться к неприятной перспективе, – ответил он.

– Дождь? – рискнул предположить я. – Пронизывающий ветер?

– Не ветер. – Гривз откинул в сторону тяжелую ткань, за которой оказались стекла с мокрыми прожилками струящегося дождя, которые постоянно подпитывали новые капли размером с горошину.

Я поднялся с кровати и подошел к окну. Справедливо будет признать, что время от времени Бартоломью Глостер бывает удивлен, когда обстоятельства складываются непредсказуемым, даже чудесным образом, но обычно он всегда невозмутим, как скала.

И тем не менее видом из окна я был просто потрясен. Чашка с чаем против моей воли выпала из ослабших рук, но это не осталось без внимания вечно бдительного Гривза, который ловко подхватил ее, не пролив ни капли.

– Надо сказать, Гривз, – произнес я, – по правде сказать... – Хотя что именно я хотел сказать, мне неизвестно. Едва ли можно было точно выразить то, что я чувствовал.

– Совершенно верно, сэр.

Насколько хватало глаз, тянулся однообразный пейзаж, на котором все, что не было серым, было зеленым, а что не было зеленым, было серым. При этом все зеленое было с явным оттенком серого. И все это нещадно поливалось сверху нескончаемым ливнем.

– Это нельзя терпеть, – заявил я.

Гривз был согласен.

– Боюсь, что так, сэр.

План возник в моей голове, как Афина, выскакивающая изо лба Зевса, только наоборот. Сперва ванна; затем завтрак; после – быстрый серьезный разговор с Балди насчет немедленной погрузки в самодельную штуковину Слайти – и тут же домой.

Я сосредоточился и стал раздавать инструкции. Гривз исчез, и мгновение спустя я услышал шум воды в наполняющейся ванне.

– Так, – произнес я, выползая из пижамы, как змея из старой кожи, и сверяясь с пунктами своей программы, чтобы заглушить внутреннюю борьбу, – двигаемся дальше.

– Балди, – сказал я, расправившись с лососем удивительных размеров, даже более крупным, чем яйца всмятку. – Нам нужно поговорить.

– Согласен, Барти, – ответил он. – Именно поэтому я и уговорил Слайти взять тебя.

Я должен сделать краткое отступление, чтобы описать вам портрет Арчибальда Спотс-Бинкла, чтобы читатель мог лучше разобраться в деталях. Представьте себе рыбу из сказки про добрую фею, которая чудесным образом превращается в человека в огромных очках в роговой оправе, за тем исключением, что в случае Балди фея поскупилась на заклинания и превращение удалось только на девять десятых. Вытарщенные глаза, выступающие вперед губы, постоянно влажные, и кожа с легким намеком на чешуйчатость. Теперь добавьте голос, который звучит как первые детские пробы игры на скрипке, и вы получите полный и совершенный портрет Балди. Поэтому совершенно неудивительно будет узнать, что единственной страстью в его жизни является разведение тритонов.

Этот бледный призрак тупо мигал на меня через стол во время завтрака, пока я представлял себе несколько жестких картин своей будущей жизни, отравленной дружбой с ним и обреченной на «прозябание в рабском труде на сырой планете, которого и худшему врагу не пожелаешь».

При серьезных проблемах Балди втягивал шею в плечи даже глубже, чем это было анатомически возможно. Выглядело это, словно рыба пытается изображать черепаху. Он провернул тот же маневр и сейчас, и я подумал, что, если я перестану наседать на него, он выразит мне свое раскаяние, позволяя мне остаться великодушным победителем, как и подобает моей природе.

Поэтому я смягчил тон, высказывая ему свои претензии, и уступил ему слово, хотя в тот момент я еще не знал, что это будет за слово. Вместо того чтобы принести мне свои извинения, мой старый приятель снова вытянул свою худую шею из укрытия и воскликнул:

– О, фи, Барти!

– Фи? – повторил я. Я был озадачен, как всегда, когда сталкивался с подобной несправедливостью.

– Да, фи! – ответил он. – И наплевать на это!

– Остынь, Балди, – сказал я. – Имей в виду, что некоторые плевки не могут быть стерты никогда.

Он поднял свой маленький подбородок.

– Я не волнуюсь, Барти, – ответил он. – К тому же это все бессмысленно.

– К чему «к тому же»?

– Что ты имеешь в виду? – удивился он.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

Его рыбы глаза несколько раз мигнули.

– Хватит повторять за мной! – рявкнул он. – Сейчас не время для детских игр!

– Детских игр? – повторил я. – Должен сказать, немного странно слышать это от парня, который выбирает худшую возможность, чтобы продемонстрировать свое поместье!

Его бледная кожа стала еще бледнее, и на губе даже появилось нечто вроде пены. Внезапно я вспомнил те времена, когда Бадли Спотс-Бинкл, в давние школьные деньки, единственный раз вышел из себя, замученный издевательствами Родерика Басс-Хамптингтона, разбойника в крахмальном воротничке, который властвовал над малышней почти столь же безгранично, как Тиглатпаласар над десятью исчезнувшими племенами. Я вспомнил пронзительный крик и тонкие, как прутики, конечности, вращающиеся, словно у марионетки,

чей хозяин дергается в припадке. Все кончалось, конечно же, слезами, но за Басс-Хамптингтоном прочно закрепилось прозвище Головорез.

Но здесь, в обеденном зале, Балди не впал в безумие. Вместо этого он заплакал, размазывая слезы по длинным пальцам. Хорошо, что я уже позавтракал, поскольку от этого зрелища аппетит мог пропасть даже у циклопа.

– Остынь, Балди, – сказал я уже второй раз за последние несколько минут, но теперь мой голос был еще мягче. Барти Глостер может грозно щурить глаз и добавить металла в голос, но, когда старый приятель ломается и пускает пузыри за одним с ним столом, он становится добрым, как ангел. Правда, я еще колебался: следовало ли резко привести его в чувство или утешительно похлопать по плечу. В старших классах субъекты типа Спотс-Бинкла были не теми, к кому хотелось лезть с откровениями, скорее они похожи на Карпаты – острые, жесткие, и без шишек не расстанешься.

Но решение вскоре было принято, и я протянул руку, поглаживая костлявое плечо, добавив дежурное «все, все», «ничего, ничего» или «ладно, что ты?» – на выбор.

Результатом был новый фонтан слез, отчего я понял, что выбрана неверная стратегия. Я порылся в своем запасе утешительных фраз и понял, что содержимое его уже исчерпано. Я обдумывал уже тактический переход к жесткой встряске, но тут открылась дверь и в обеденный зал вошел Слайти Туве-Випли, надутый от чванства, словно пират, нашедший клад.

– Привет, Барти! – воскликнул он, плавно передвигаясь к буфету, чтобы обследовать его содержимое.

Я сразу понял его фокусы. Ибо именно он, якобы чтобы показать мне свой космический корабль, собранный на лужайке, завел меня в тесный салон и угостил новым коктейлем, который сам придумал. «Ускоритель ядерных частиц», как он его назвал. Я сделал всего один глоток, произнеся затем: «Должен сказать, Слайти» – как вдруг почувствовал всю мощь этой смеси. Но ни одно слово больше не сорвалось с губ Глостера. Свет в моих очах погас, и я погрузился в кроличью нору, из которой уже не мог выбраться, пока не очнулся в глубинах космоса.

– Нечего меня приветствовать, – сказал я, вставая и яростно отбрасывая в сторону салфетку. Выражения типа «хитрый негодяй», «подлый трюк» и «мерзавец» вертелись у меня на языке, пытаюсь выяснить между собой, кому первому сорваться с губ. Я рассматривал также «пригрел змею», но не был уверен, что оно прозвучит к месту.

Но Слайти сделал жест рукой, словно стирал крошки со стола.

– Ладно тебе, Барти, – сказал он, накладывая себе яичницу и тонкий ломтик бекона, которые показались мне не только необычными по своим размерам, но обладающими странным зеленоватым оттенком. – Ты что, не понимаешь шуток?

– Шуток? Вот это мило! – К тому времени я уже выстроил «негодяя», «трюк» и «мерзавца» в единую разрушительную фалангу и уже собирался бросить их в атаку на Туве-Випли. Но в этот момент Балди разразился новыми потоками слез, и было как-то странно начинать сражение, когда твои раненые требовали утешения.

Но утешать было не в стиле Слайти.

– Соберись, Балди! – прикрикнул он командным тоном и, усевшись за стол, принялся за еду с усердием, которое наводило на мысль о волке, освоившем азы искусства пользования столовыми приборами. Я вспомнил, как в нашей школьной столовке мальчишки всегда оставляли свободное пространство вокруг Туве-Випли; оказавшиеся в радиусе его вытянутой руки рисковали внезапно получить серьезные повреждения.

Пока я погружался в воспоминания, Балди Спотс-Бинкл встал из-за стола и, размазывая слезы, покинул комнату. Слайти оторвался от своего корыта ровно настолько, чтобы успеть прохрюкать невразумительный комментарий, – а может, у него просто кусок застрял в горле, – затем снова вернулся к звону серебра по фарфору.

Забота о Балди заставила меня умерить свой гнев.

– Мне кажется, Слайти, что это ты вверх Балди в омут уныния.

Он посмотрел на меня с набитым яичницей ртом и пробубнил:

– Тритоны.

Конечно же, это были тритоны. Я должен был догадаться с самого начала. С детства Арчибальд Спотс-Бинкл был очарован этими скользкими маленькими созданиями. В школе, в нашем кабинете, он держал в стеклянном аквариуме стайку тритонов, часами рассматривая их перемещения, часто болтая мухами на ниточках возле их мордочек.

У остальных мальчишек, имеющих другие интересы, сложилось негативное мнение о странном увлечении Балди. Знай мы, как все пойдет дальше, мы были бы только благодарны, что он не остановился на каком-нибудь менее безобидном хобби. Но в этом и была наша ошибка. Ибо, когда детская забава переросла, если можно так выразиться, в солидный мужской интерес, Балди повело в другом направлении.

Исследование тритонов все больше поглощало его, вплоть до того, что со временем стало делом всей его жизни. Если когда-либо он освоит правописание, он сразу же напишет о них книгу. Насколько я знаю, он посылал статьи в какой-то журнал, тематикой которого были земноводные; редактор, некто Хьюдибрас Гилателли, привычно вернул ему статью обратно с язвительными комментариями, тем самым распалив жестокую вражду, которая привлекла внимание всех исследователей тритонов.

В связи с этим Балди застрял в родовом гнезде, где находился пруд, кипящий от тритонов. Там бы он и находился до сих пор, бродя вдоль поросших кустарником сельских берегов, не случись однажды на его пути Мэрилин Буффе, в которую он немедленно влюбился.

Произошел бурный период ухаживаний, коротких и разделенных долгими паузами, в которые я был против своей воли вовлечен в роли свахи. В то время по превратности судьбы я сам был помолвлен с Мэрилин, а в этой ситуации у любого Глостера замерла бы в жилах кровь. Но в конце концов, благодаря блестящему вмешательству Гривза, весьма ловко действующего в подобного рода делах, Балди и Мэрилин были без всяких помех доставлены к алтарю, чтобы слиться воедино.

Мысль о том, где же находится сама синеглазая бывшая мисс Буффе, возник в моем мозгу. Она была не из тех, кто держится в тени. Это была девушка, которой хотелось, чтобы ее присутствие ощущалось во всем, – ее излюбленный стиль, конечно, не доминировал в убранстве комнат их дома, но значительно влиял на домашнюю атмосферу. Поэтому-то меня поразило, что столовая, где я находился, и спальня, в которой я проснулся, не несли на себе следов творчества Мэрилин Спотс-Бинкл: их обои не были украшены цветами, скатерть не была вышита стайками веселых синих птичек, а вся поверхность мебели была свободна от скоплений фарфоровых кроликов и мышек, красочно разодетых в стиле сельского люда прошлых времен. Все мои глубокие размышления пронеслись в голове не более чем за мгновение после того, как Туве-Випли сформулировал свое объяснение того, что случилось с Балди. Теперь я выдвинул новый и, возможно, более уместный вопрос:

– Где Мэрилин?

Он многозначительно поднял брови.

– На Земле.

Дрожь прошла по моей спине. Это была плохая новость. До того как влюбиться в Мэрилин, Балди был одиночкой, заикленным на своей маниакальной страсти к земноводным. Осознание того, что он здесь остался один на один со своими тритонами, не предвещало ничего хорошего. Я снова сел, вдумчиво закурил сигарету, выпуская клубы дыма, и сказал:

– Выкладывай, Слайти. Полную хронику, от начала до конца.

Я не буду воспроизводить ни его точные слова, ни те вопросы, что я задавал. Слайти Туве-Випли никогда не отличался искусством поддерживать диалог; в основном он только

хрюкал либо отвечал односложно. Но из картины, которую мы с ним собрали по кусочкам, выяснилось, что Балди после стольких лет изучения тритонов пришел к неутешительному выводу, что область, в которую он погрузился, не откроет для него новые миры. Он исчерпал все, что могли дать ему тритоны, и осознание этого привело его к полнейшему унынию.

Но вскоре он прочитал в газетах о возникшем увлечении ракетными полетами на Марс и Венеру. Красная планета его не интересовала, будучи засушливым местом; но описания планеты, названной по имени богини любви, – с ее обширными болотами, дождями, поливающими джунгли, мхами и лишайниками – не могли не привести Балди на блестящую мысль: здесь должны быть тритоны; и не просто какие-нибудь тритоны, а новые тритоны, тритоны, ожидающие, чтобы их открыли, тритоны, томящиеся, нетерпеливо слоняющиеся у своих подводных нор, чтобы рано или поздно вытаращенные глаза Спотс-Бинкла остановились на них и совершили открытие.

А вскоре он услышал, что его давний враг Гилателли вострит лыжи из Уорикшира на Венеру, дабы построить там собственный дом среди венерианских топей. Там он собирался упорно добиваться признания и славы, о которых грезил Арчибалд Спотс-Бинкл. Балди кинулся искать ближайшие рейсы на Венеру, но здесь у него не имелось никаких шансов: прогулки на Вечернюю звезду – последний писк этого сезона в Монте-Карло; все места на ракеты давно выкуплены. Не было никаких способов оказаться там раньше следующего года.

И тогда случайно подслушанный разговор в клубе «Инерция» открыл ему дорогу. Слайти Туве-Випли, один из самых больших чудаков клуба наравне с Баркин Мондели-Шпригс и Флиндерс Банчап, подхватил венерианскую лихорадку – только не в ее тритоновом варианте, а в ракетном. Он уже построил одноместный корабль и слетал на нем до Венеры и обратно и теперь искал средства на постройку более крупного аппарата, который собирался использовать для чартерных рейсов. Охваченный маниакальной энергией, Балди начал слать ему телеграммы одну за другой и стал главным акционером «Космической компании Туве-Випли». Кроме того, он направил несколько посланий профессору Гилателли, в которых в приказном тоне советовал ему умерить свои аппетиты, поскольку на сцене появился Спотс-Бинкл. Телеграммы были возвращены ему как не дошедшие до адресата.

Балди удвоил усилия, подгоняя Слайти Туве-Випли, подписывая ему горы чеков. И вскоре серебряная стрела была готова взлететь, выпуская пламя из сопел. Балди, экипированный сетями, высокими болотными сапогами и желтым дождевиком, поднялся на борт и вылетел навстречу тритонам.

– И он их нашел? – спросил я Слайти.

– А как же! – ответил тот, тщательно пережевывая кусок местного бекона. Кажется, ему приходилось с трудом подбирать слова, чтобы внятно передать произошедшее. – Пруд. Посреди поместья. Кишащий тритонами. – Он поднял вилку с ножом, с которых сыпались крошки. – Полное дерьмо!

Еще одна загадка. Спотс-Бинкл, нашедший тритонов в изобилии, должен был плясать при луне, а не рыдать над остатками лосося. В тоне Слайти было что-то странное. Заключительная часть его речи, вероятно, полностью исчерпала годовой запас его слов. Ему потребуется несколько часов, чтобы вновь заполнить его.

Я хотел было немедленно отправиться искать Гривза, чтобы выяснить, в чем тут дело. Гривз обладает удивительным мозгом, возможности которого он постоянно увеличивает, частенько ужиная богатой фосфором рыбой. Но у Глостеров в голове тоже отыщется пара нейронов, и я решил продолжить расследование самостоятельно, поэтому отправился на поиски Балди.

Дом был поистине огромен, он состоял из нескольких секций, но опыт мне подсказывал, что если здесь располагается пруд, полный тритонов, то его берега станут первым

местом, куда придет ищущий утешения исследователь-натуралист. Но сначала я должен был найти сапоги и непромокаемый плащ; мой костюм с твидовым пиджаком хотя и были чрезвычайно модными в районе Белгравии, здесь совершенно не годились. Я набрел на дверь в задней части дома, за которой начиналась покатаая лужайка, чуть не по щиколотку покрытая мхами. Мой старый школьный товарищ сидел на берегу пруда, поверхность воды в нем дрожала мелкой рябью от непрекращающегося дождя. Впрочем, это был скорее не пруд, а широкая старица реки, отделявшая остров, на котором стоял дом, от небольшой возвышенности, где Слайти Туве-Випли припарковал свою ракету. Каменный арочный мост, перекинутый через узкую водную преграду, соединял два клочка земной тверди.

Оглядев скудный ландшафт, я заметил, что неподалеку от дома кто-то вбил в землю короткий белый кол. Чуть дальше был еще один, дальше еще два, этот ряд спускался к воде. Рядом с берегом валялось несколько колышков, словно кто-то собрался разметить поле для гольфа, но устал и решил пойти выпить чаю.

Неловко подойдя к тому месту, где застыл Балди, я примирительным тоном окликнул его, стараясь, чтобы мой голос звучал весело:

– Привет, Балди!

Он смотрел на воду. Я понял, что, выходя из дому, он все еще был не в себе, потому что, против обыкновения, Балди пренебрег необходимостью одеться подобающе погоде. Одежда его промокла насквозь. Узкие плечи его были опущены, и дождь заливался за воротник. Следовало немало попотеть, чтобы найти более совершенный образ угрюмого отчаяния.

Он не ответил на мое приветствие и не отвел взгляда от пруда. Снова нарушив молчание, я произнес:

– Полагаю, это весьма неплохое местечко для одной-двух ящериц, не так ли?

Он поднял на меня взгляд, полный скорби. Горькая складка его губ напоминала воротца в крокете.

– Только одной, – прохрипел он. – Но какой, Барти! – Из него полились новые потоки слез.

Я снова утешительно похлопал его по плечу.

– Давай, Балди, – сказал я, – брось, ты же крепкий парень. В чем тут дело?

Он шмыгнул и покачал головой, стряхнув капли дождя.

– В любви, Барти, – ответил он. – Тут дело в любви.

Я окинул его полным воодушевления взглядом, как Фернандо Кортес на вершине в Дарьен.

– Ты хочешь сказать, что Мэрилин теперь холодна, как лед? Это легко поправимо, должен тебе сказать. Немедленно лети к ней с лучшим букетом и расскажи ей о ее прекрасных глазах. Забросай ее сонетами. Не отходи ни на шаг. Девушки типа Мэрилин падки на стишки.

– При чем тут Мэрилин, олух? – Он возмущенно выпрямился и расправил плечи, но от этого стал не особо выше. – Я люблю другую.

– Другую? – Я охнул, или ахнул, или что там еще делают, когда слышат самую невероятную новость в жизни. – Кого?

– Богиню! – ответил он. – Она прекрасна как... как... Я не могу придумать сравнения, но она словно актриса из фильма «Настоящая Маккой», Барти.

Я сделал произвольный шаг назад, потом сделал еще один, произвольный, для ровного счета.

– Хочу сказать, ты ведь это не серьезно, приятель? Нарушение супружеской верности – это одно, но прямой разрыв? Кроме прочего, нельзя сбрасывать со счетов реакцию разъяренной Буффе. Последствия могут быть непредсказуемы.

– Это не имеет значения, Барти, – ответил он. – Сердцу не прикажешь.

– Правда? Ну, тогда учти, Мэрилин для тебя опаснее тигра. И это не преувеличение.

Балди снова поник.

– Это не имеет значения, – повторил он. – Ибо, хотя любовь моя не померкнет с годами, богиня даже не улыбнулась мне.

Меня озарило – не в прямом смысле, конечно; Солнцу потребовалось бы немало усилий, чтобы пробиться сквозь вечную пелену туч, – все прояснилось в переносном смысле.

– Погоди, Балди. Ты любишь другую, но она не отвечает тебе взаимностью?

– Именно так, – подтвердил он, и лицо его слегка прояснилось. – Ты всегда найдешь правильные слова, Барти. Именно поэтому я и попросил Слайти доставить тебя сюда.

– Ты хочешь, чтобы я посоветовал тебе, как завоевать ее сердце? – Дельце выглядело весьма щекотливо. Не очень-то хорошо помогать друзьям разрушать семейное счастье. Кроме того, меня мало прельщала перспектива оказаться рядом с разведенной Мэрилин Буффе. Когда в период ухаживания у Балди с будущей невестой случались ссоры, синие глаза Буффе останавливались на Бартоломью, как на запасной цели ее матримониальных претензий. При мысли еще раз оказаться на мушке Буффе мое сердце ухнуло в колодец, а колени предательски задрожали. Или наоборот. В любом случае предложение Балди не было для меня нисколько заманчивым.

– Я ничего не буду тебе советовать, – сказал я. – Мои уста немые.

– Советы мне не нужны, – заверил Балди.

– О, замечательно. – Я с облегчением выдохнул. Но рано я радовался.

– Я хочу, чтобы ты поговорил с ней.

– С кем? – переспросил я, и дрожь снова охватила меня. – С Мэрилин?

– Не с Мэрилин. Прекрати говорить о Мэрилин! Она в прошлом и забыта, как Ниневия и Тир. Я хочу, чтобы ты поговорил с ней.

Его бледные пальцы махнули в сторону темного пруда. Я повернулся в указанном направлении, пытаюсь разглядеть сквозь занавес дождя, стоит ли кто-либо на другом берегу. Но я никого не увидел.

– Где она? И самое главное – кто она?

Вместо ответа Балди присел возле самой воды. Он протянул руку и провел по воде пальцами, словно бы в определенном ритме двигая ладонью, хотя он никогда не мог отбарабанить ни одной мелодии. Через некоторое время, кажется удовлетворенный, он встал и отошел в сторону.

– Прости, Балди, но я не совсем понимаю...

– Тсс, – сказал он, указывая в пруд. – Смотри!

В центре пруда появилась легкая рябь. Затем расходящиеся круги стали смещаться в ту сторону, где стояли мы. Это было похоже на тот тип вибраций, которые обычно показывают в фильмах про мускулистых субъектов в набедренных повязках, которые ничего не находят лучше, чем бороться с крокодилами, кидающимися на них из мутных, глинистых рек. Мутность и глинистость, кстати, тоже весьма подходили для описания прудика во дворе Балди.

Я благоразумно сделал шаг назад, оставив Балди склонившимся над водой, как ива, в горькой скорби оплакивающим свое положение. Круги на воде приближались прямо к нему.

– Балди, – предупреждающе окликнул его я. Но в этот момент на поверхности воды в самом центре расходящихся кругов что-то появилось. Что-то оказалось конусообразной головой, размерами и формой похожей на ковш экскаватора, и там, где и следовало ожидать, располагались два больших золотых глаза. Когда голова поднялась над водой, я заметил под нижней челюстью какие-то отростки. Я смутно вспомнил, как Балди Спотс-Бинкл, будучи намного моложе, указывал мне на какую-нибудь ящерицу в аквариуме, приглашая полюбоваться ее гребешком, – я обычно отказывался от этого «заманчивого» предложения.

Голова уже отчетливо поднималась над поверхностью. Ниже были видны узкие плечи и тонкое извилистое туловище. Когда существо достигло берега и вышло из воды, у него

оказалась пара тонких рук и аналогичное количество ног, заканчивающихся перепончатыми пальцами. Длинный блестящий хвост и крепкий плавник, начинающийся прямо от затылка, довершали портрет.

Слова застряли в моем горле. Я издал звук, начинающийся как «ы-ых» и завершающийся как «ак», успев икнуть в перерыве. Балди стрельнул в меня таким взглядом, каким строгая тетушка награждает незадачливого племянника, только что разлившего чай на лучший персидский ковер, и произнес:

– Ради бога, Барти! Прекрати мычать и поздоровайся с Шилистратой.

Я закрыл рот, потом снова открыл и, по-прежнему не сумев справиться с языком, снова закрыл. Но когда мне удалось упорядочить мой словарный запас, я выдавил наконец:

– Как поживаете? Шилистрата, верно? Прекрасно. Необычно.

– Не будь ослом, Барти, – сказал Балди. – Сомневаюсь, что на Венере вообще есть что-то «обычное». – Он повернулся к ней. – Давайте называть вещи своими именами.

Она была тритоном! – понял я. Балди же обратился к Шилистрате:

– Вы должны простить моего приятеля. В плане хороших манер он просто деревенщина, как видите.

Была некая несправедливость в получении такой характеристики от парня, который большую часть своей жизни возился в сельских лужах и чья рыба физиономия, насколько мне известно, появлялась на улицах Лондона не чаще чем раз в десять лет. Но я воздержался от комментариев, поскольку существо из пруда повернуло ко мне свои круглые глаза, янтарные с серебряными блестками, и в тот же самый миг в моей голове зазвучал голос:

– Вы Барти? Глостер?

– Ну да. Можно так сказать, – произнес я. – А вы, как я понял, Шилистрата. Приятно познакомиться.

– Так называет меня Арчибальд, – сказал голос.

– Это очень хорошее имя, – вмешался Балди. Я припомнил, что это прозвище он дал одному из обитателей своего аквариума еще в школьные годы.

– Вы хотели бы звать меня по-другому? – спросил голос, и теперь, когда я сосредоточился на нем, он показался мне мягким и теплым, вызывая в сознании образы меда со сливками.

– Нет-нет. Шилистрата меня вполне устраивает, – ответил я.

Она улыбнулась. Должен прояснить два момента: во-первых, хотя анатомически ничто в Шилистрате не приближало ее тело к божественным женским формам, ни единое украшение или безделушка, она, будучи покрытой только пятнистой зеленой кожей, вне всякого сомнения, принадлежала к слабому полу. Одна только сладость ее голоса была способна вскружить голову любому поэту. И во-вторых, когда она открыла рот, обнажив белоснежные, словно жемчуг, – и острые, как бритва, – ряды зубов, с языком, напомнившим мне длинную розовую ленту, то только привычка вести себя как джентльмен заставила меня улыбнуться ей в ответ.

– Итак, – сказал я, – итак... – Я поймал себя на том, что перекатываю с пяток на носки, как я обычно делаю, когда разговор заходит в тупик. Такая ситуация напоминает застрявший в грязи автомобиль, плавные раскачивания которого взад-вперед могут помочь сдвинуться с места.

За этим осознанием последовало следующее: кто-то шипел, и в первый момент я подумал, что это, может быть, Шилистрата, но быстро догадался, что звук исходит от Балди. Он шептал мне «Псс!», явно стараясь привлечь мое внимание. Я повернулся к нему, и он сказал:

– Ради бога, Барти, что ты мямлишь?!

Сначала я решил: он пытается намекнуть, что у этой ящерицы проблемы со слухом, ведь никаких намеков на уши у нее не было. Но тут он сделал незаметный жест пальцами в ее сторону, и до меня дошло: он хочет, чтобы я говорил ей про него.

Глостеры всегда готовы прийти на помощь старому другу. Да и все мы, люди, для того и созданы, в конце концов. Но в данном случае цель мне ясна не была. Я снова повернулся к Балди и, приложив руку к губам так, чтобы Шилистрата не видела, тихонько спросил:

– О чем именно говорить?

В ответ Балди так на меня взглянул, что мне показалось – на меня посмотрела сердитая рыба.

– Обо мне, конечно!

– О тебе? – повторил я, и тут в голове у меня прояснилось. – Ты имеешь в виду, ты сватаешься?

– Именно!

– Но, Балди, она же... – Я бросил на Шилистрату сочувственный взгляд и снизил свой голос до еле слышного шепота: – Она же тритон! В лучшем случае – саламандра!

– Я в курсе, Барти, – ответил он.

– Но тогда что ты с ней собираешься делать? – спросил я. – Я имею в виду, в чем твоя цель?

В этот момент я понял, как рыба способна смотреть на по-настоящему тупого собеседника.

– Жениться, конечно!

– Но, Балди, она тритон!

– Перестань повторять это! – воскликнул он. – Ничего ужасного в ней мои органы восприятия не улавливают! Полагаю, если уж из нас двоих кто-то и способен определить тритона, то это я!

По крайней мере с одним из органов Арчибальда Спотс-Бинкла явно было что-то не так, и я сделал еще одну попытку сбросить пелену с его рыбьих глаз. Последнюю попытку.

– Ты даже не того же семейства, или класса, или как оно там называется!

– О, пустяки, – сказал он, полуприкрыв глаза. – Мы выше всего этого. Это брак существ, союз двух душ. Мы соединимся в духовном смысле, это станет высочайшим слиянием духа. – Его пальцы снова затрепетали. – Это выше твоего понимания, Барти.

В этом он не ошибался. Я стоял в полном недоумении, растерянно моргая, не зная, как дальше поступать. Видимо, пришел момент воспользоваться умственными способностями Гривза. Если и были люди, способные придумать способ выпутаться из неприятностей – в том числе и моих, – то список их возглавлял бы Гривз. Я огляделся, надеясь, что его голова, оснащенная мозгами должным образом, может оказаться в поле зрения. Но поблизости его не оказалось. А Балди тем временем снова схватил меня за руку и прошипел:

– Скажи ей, Барти!

– Про что сказать?

– Про меня, болван! О моих... достоинствах.

– О, ясно, – сказал я. – Расслабься, Балди.

Я повернулся к зеленой гибкой фигуре, покачивающейся передо мной, как одна из тех кобр, что сидят в корзинах перед полуголыми флейтистами в Индии.

– Гм, – начал я, – отлично. Значит, так. – Но тут мое красноречие иссякло. Я снова повернулся к Балди: – Полагаю, Спотс-Бинкл, такой деликатный разговор лучше вести в твое отсутствие. Очень неловко получается, когда тот, кому поются дифирамбы, слышит каждое слово.

Настала его очередь растерянно моргать.

– В самом деле? – произнес он. – Я не подумал.

Скорее всего у Балди было так мало опыта в том, что касается восхваления его достоинств как в его присутствии, так и в отсутствие, что щекотливость задачи ускользнула от него. Но теперь он кивнул и сказал:

– Ты прав, Барти. Я вас оставлю.

Он согнулся в поклоне перед своей ящерицей и поплелся к дому.

Шилистрата не подала виду, что заметила его отсутствие. Вместо этого ее лучистые глаза сфокусировались на вашем покорном слуге, и покачивания стали еще более выразительными. У нее явно не имелось проблем с позвоночником, если, конечно, он у нее был; она бы могла победить в высших соревнованиях для гимнасток.

Мне пришла в голову странная мысль: Балди однажды распространился о том, что тритоны оказывают друг другу знаки внимания, извиваясь и покачивая хвостом. Я подавил эту мысль как неуместную.

– Итак, Шилистрата, – сказал я, – вы блестяще поймали нашего Арчибальда. Принимая во внимание возможности обитателей прудов в этом деле, более удачного выстрела и придумать сложно. Вы должны чувствовать себя победительницей.

Ее движения теперь стали пугающе быстрыми. Было нечто гипнотическое в этом раскачивании из стороны в сторону, и мне казалось, что в моем мозгу звучит музыка – и не какой-нибудь примитивный чарльстон или ритмы черных гетто, но еще более развратный и чувственный танец.

Но, несмотря ни на что, я должен сосредоточиться на своей миссии.

– Сомневаюсь, – продолжил я, – что во всей Англии найдется лучший специалист по тритонам, чем Арчибальд Спотс-Бинкл. Советую вам покрепче привязать его к себе, прежде чем другие ящерицы набросят на него свое лассо.

Я остановился, ожидая ответной реплики. Вместо этого все, что я заметил, были еще более интенсивные покачивания и напевы. Я обнаружил, что моя собственная голова движется синхронно с ее, а песни, напеваемые ею, кажутся мне все прекраснее. Мне стало казаться, что именно эту песню я всегда жаждал услышать, но до сих пор не имел такой возможности.

Затем она заговорила. Я подумал, что это ловко у нее получается, говорить и петь одновременно. Думаю, она заткнула бы за пояс самого Флиндерса Банчапа, который на рождественском праздновании в клубе «Инерция» два года назад исполнил песню, жонглируя при этом столовыми приборами.

– Иди ко мне, – сказала она, – ты тот самый.

– Кто тот самый? – пролепетал я. Но теперь не только моя голова, но и все тело двигалось, повторяя ее движения.

– Время пришло. Ты выбран.

Продолжая извиваться всем телом, она пятилась к темному пруду. Тем не менее расстояние между нами почему-то не увеличилось. На мгновение это меня озадачило, но я понял, что непроизвольно двигаюсь вслед за ней. И это мое движение казалось мне вполне естественным.

У меня мелькнуло смутное подозрение, что я должен был выполнить какие-то другие задачи, сделать что-то для Балди. Слово «достоинства» всплывало в моей голове, но пение и ритмичные покачивания заглушали мои мысли.

Я сделал еще один шаг. В этот момент струя ледяной воды выплеснулась мне в лицо, мгновенно отрезвляя.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Гривз, – я нес вам стакан воды, чтоб вы освежились, но случайно споткнулся на кочке. – Твердой рукой он взял меня под руку. – Пожалуйста, позвольте отвести вас к дому, где мы можем найти полотенце и все исправить.

Крепкий захват увлекал меня все дальше от пруда, пение становилось все слабее, а затем вдруг голова моя стала ясной, как всегда. Я посмотрел на Гривза, который внимательно наблюдал за моим состоянием. Я вытащил руку.

– Полотенце, Гривз? – переспросил я, добавив затем: – Тьфу! Ситуация требует не меньше, а больше жидкости, желательно коричневой, в возрасте и с содовой. – С этими словами я направился к дому.

– Разумеется, сэр, – сказал он, следуя за мной. – Я рад сообщить, что приготовил напиток для вас.

– Правильно, Гривз, – ответил я, пересекая порог, за которым дождь переставал окатывать нас с головы до ног. – И поспеши.

– Как скажете, сэр.

Спустя несколько мгновений, уже в гостиной, он протянул мне стакан виски. Я одним глотком осушил его наполовину, выдохнул и допил остатки. Протянув стакан Гривзу, я произнес:

– Еще один, я полагаю.

– Разумеется, сэр, – ответил он, священнодействуя возле стенного бара.

– А затем мне необходимо это осмыслить.

Он вернулся с виски.

– Да, сэр. Позволю заметить, я взял на себя смелость изучить данные, хранящиеся в библиотеке. И полагаю, смогу пролить немного света на произошедшее.

Я уже упоминал, что Гривз – мастер собирать информацию. Ничто из написанного с тех пор, как Адам был еще комком глины, не избежало его внимания.

– Рассказывай, Гривз. – Я уселся, воздавая должное напитку. Я был удивлен, что у Балди нашлось в доме нечто крепче морковного сока. Но вскоре Гривз разъяснил мне и эту мелочь наряду с более важными вещами.

Оказалось, что дом, в котором мы стояли – хотя на самом деле я сидел, а Гривз расхаживал, описывая мне плоды своих изысканий, – построил не кто иной, как Хьюдибрас Гилателли, исследователь тритонов. Балди, прибывший сюда, чтобы доказать профессору правоту своих взглядов, обнаружил дом пустым и просто переехал в него.

– Насколько я понимаю, после того как профессор оценил местный климат, он понял, что игра не стоит свеч? – поинтересовался я. – Он что, переселился в более солнечные места?

– По-видимому, нет, сэр. Похоже, профессор Гилателли таинственно исчез в самом разгаре исследований пруда во дворе. Результаты своих предварительных наблюдений он опубликовал в журнале «Исследования саламандровых», в котором он был редактором. Господин Спотс-Бинкл прочел статью и тут же написал автору ответ. Когда ему вернули его телеграмму, он обиделся и отправился на Венеру, чтобы встретиться лично.

Картина начала вырисовываться, но все еще была смутной.

– Что-нибудь еще, Гривз?

– Разумеется, сэр. – На лице его появилось знакомое мне выражение. Было не просто что-то еще, было все, что необходимо.

Я велел ему говорить, приготовившись к открытию еще одной тайны.

– Заметки профессора Гилателли написаны почерком джентльмена... – начал он.

– Другими словами, почти нечитаемы? – уточнил я.

– Почти, сэр. Но я все же сумел расшифровать многие из них. Его работа касается нового вида, который он назвал *Veneria salamandridraesireni*, и главным образом репродуктивных особенностей этого вида.

– Я бы сказал, – произнес я, вспоминая призывные движения Шилистраты, – особенности эти весьма откровенные?

– Нет, сэр. Наоборот, этот вид партеногенетичен.

Я пытался уловить смысл последнего слова.

– Это как-то связано с персами?

– Нет, сэр. Я могу предположить, этот термин происходит от греческого слова *Parthenos* и означает способ воспроизведения, при котором женщина играет все необходимые роли при полном отсутствии мужского участия.

– О! – воскликнул я. – По моему мнению, это не очень-то спортивно.

– Совершенно верно, сэр. Совсем не спортивно.

Казалось, мы несколько углубились в дебри. Поэтому я сделал попытку вернуться на главную магистраль.

– Но что случилось с Балди?

– Мистер Спотс-Бинкл принял эстафетную палочку там, где ее обронил профессор Гилателли, сэр. Он продолжил изучение *Veneria salamandridraesireni*. По счастью, его не постигла участь его предшественника.

– Ого, – снова изумился я, – я полагал, участь профессора покрыта тайной.

– Так и было, сэр, – сказал Гривз. – Но я обнаружил некоторые подробности.

– Прекрасно, Гривз. Еще не придумали такой сюжет, который ты не смог бы распутать.

На месте Агаты Кристи я бы нанял тебя в штат.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр.

– Пустяки. Это был ответный жест. Итак, в чем же суть всей этой истории?

– Важная подсказка к разгадке, сэр, скрыта в названии этого существа, в частности в прозвище *sireni*.

Имя это отдалось где-то в отдаленных уголках памяти.

– Это как-то связано с Одиссеем и пчелиным воском?

– Именно, сэр. Одиссей заклеил уши своих коллег-аргонавтов воском, затем приказал им приковать себя цепями к мачте Арго, когда они проплывали мимо острова сирен, чьи неотразимые песни заставляли несчастных моряков направлять свои корабли на подводные скалы.

– Неотразимые песни, Гривз? Ты имеешь в виду наподобие той классной песенки, что напевала в саду Шилистрата?

– Абсолютно верно, сэр.

Картина становилась яснее, и открывающаяся перспектива была вовсе не притягательной.

– Она пыталась заманить меня?

– В пруд, сэр. Где она, уж простите мне мою откровенность, затащила бы вас в тину и отложила бы свои яйца во все доступные отверстия.

– О черт, Гривз! Это хуже смерти.

– Простите, но тут противоречие, сэр. Смерть наступила бы до того, как она отложила бы яйца. Вы бы утонули, как это, несомненно, произошло с профессором Гилателли.

– Ты не видел поблизости пчелиного воска, Гривз? – Я оглянулся, словно воск мог оказаться прямо под рукой.

– Опять же вынужден вас поправить, сэр.

– Валяй, Гривз! Тебе слово.

– Воск в данном случае поможет мало, сэр. Потому что существо, которое мистер Спотс-Бинкл назвал Шилистратой, общается телепатически.

– Ты имеешь в виду – читает мысли?

– Я не могу ручаться за «чтение», сэр, – возразил он. – Ее сознание не такое, как наше. Но разумеется, она передает сильный сигнал.

– Эта песня. Скорее гипнотизирующая.

– Совершенно верно, сэр.

В течение нескольких секунд я обдумывал услышанное, позволяя ароматам торфа и вереска производить их благотворное действие. Затем мне пришла в голову мысль.

– Но тебя, Гривз, ее чары не затронули. Словно твои уши были забиты воском.

– Мой разум был занят иными вещами, сэр, – ответил он. – В первую очередь вашей безопасностью.

– А! – воскликнул я. – Как удачно. – И через мгновение добавил: – Спасибо, Гривз.

– Это не все, сэр.

– Что-то еще?

– Немного, сэр. По всей видимости, выполнив свои биологические потребности с профессором Гилателли, Шилистрата пришла в состояние поиска нового хозяина для разведения своего потомства. Ей подвернулся мистер Спотс-Бинкл, и она начала процесс, если можно так выразиться, его соблазнения. Но потом по причинам, которые известны только ей, она решила, что он непригоден. И стала ждать лучшую перспективу.

– А Слайти Туве-Випли? – Мне подумалось, что Слайти раза в два сытнее меня.

– Этот джентльмен не ходит рядом с прудом. И почти не покидает корабль с тех пор, как мы приземлились.

– Наверное, это к лучшему. – Я допил виски и яростно потер ладони. – Что ж. Полагаю, мне лучше пойти и огоршить Балди плохими новостями.

– Я сам огорошу тебя плохой новостью, – произнес Балди, стоя в дверях. – При этом могу сломать тебе пару костей в процессе.

– О, Балди. Что новенького? – сказал я.

– Хватит этого твоего «что новенького!» – сказал он, двигаясь по комнате. У меня возникло странное чувство дежавю, словно я где-то слышал эти слова, но не мог припомнить, где. Но следующие высказывания Спотс-Бинкла просто повергли меня в изумление. – Ты паршивый пес! Коварный обманщик! Хам!

Я вздернул бровь, затем вторую.

– Успокойся, Балди, говорю тебе!

– Я достаточно спокоен, – ответил он. Впервые за долгое знакомство с Арчибальдом Спотс-Бинклом я видел на его бесцветном лице два ярко-красных пятна на скулах, как у старой актрисы, чересчур румянящейся. – Достаточно спокоен, чтобы подбить тебе глаз и расквасить нос!

– Кажется, ты сам не понимаешь, что говоришь, – начал я, но Балди прервал меня в совершенно несвойственной ему манере:

– Я говорю, что сейчас сделаю из тебя отбивную и размажу по полу!

– Но я же как раз собирался спасти тебе жизнь!

– Спаси свою собственную! – крикнул он. – Если сможешь! – Он сжал руки в кулачки и поднял один из них, словно действительно знал, как ими пользоваться. Я снова вспомнил короткую стычку с Головорезом Басс-Хамптингтоном в гардеробе для младшекласников, когда Балди, проявив довольную слабую технику, все же не имел недостатка в энергии.

Я ретировался, оставив между нами диван, как естественное препятствие. Но Балди диваном не остановит. Он вскочил на подушки, размахивая кулаками, причем на его стороне теперь была господствующая высота. Вероятность получения ущерба от его действий несколько возросла.

– Я спрашиваю, Спотс-Бинкл, о чем идет речь?

– Речь идет о предательстве и двойной игре! Человек, которого я считал другом, ведет себя как жалкий червяк!

Гривз, который до этого момента сохранял невозмутимость статуи, вдруг заговорил:

– Осмелюсь спросить, сэр, касается ли это особы, которую вы называете Шилистратой?

– Он сам знает, кого это касается! – Балди не отводил от меня испепеляющего взгляда. – Он должен был поговорить с ней обо мне! А вместо этого он нахваливал себя!

– Да я вознес тебя до небес! – возразил я. – Я назвал тебя победителем и первым в списке тритоноведов. Я советовал ей держаться за тебя, прежде чем другая саламандра успеет тебя увести!

Он все еще нависал надо мной, жажда крови в нем несколько поугасла. Он напоминал викинга-берсерка, который остановился, чтобы слегка пораскинуть мозгами. Взгляд Балди скользнул в сторону Гривза.

– Это правда, Гривз?

– Да, сэр.

– Но когда я только что подошел к ней, – сказал Балди, слезая с дивана, – она отвергла меня. «Приведи мне Бартоломью, – заявила она. – Мне нужен он».

– Ну, я ей не достанусь, ни на волос, – успокоил его я. – Мне даже страшно подумать об этом.

– Не говори так! – воскликнул Балди, и краска, уже начинавшая сползать с его лица, снова разлилась по скулам. – Я не позволю так отзываться о женщине, на которой я намерен жениться!

– Балди... – сказал я, решив не стараться больше деликатно ходить вокруг да около. – Речь идет вовсе не о торжественном шествии по усыпанным лепестками дорожкам.

Но ответом мне был пренебрежительный жест головой.

– Я знаю о различиях между нами, – сказал он. – Знаю о них лучше, чем все остальные. Но по мере того как наши привязанность и нежность будут расти, я уверен, эти различия будут преодолены.

– Балди...

– Я не хочу больше слушать это!

Я умоляюще взглянул на Гривза, выразительно приподняв брови и скривив рот. Балди всегда высоко ценил его мнение.

Гривз, как добрый дух, тут же заполнил возникшую паузу:

– Мистер Спотс-Бинкл, меня печалит, что я становлюсь гонцом, приносящим дурные вести, но леди Шилистрата не ищет себе партнера. Скорее ее волнует, так скажем, обеспеченность ее детей.

– Я понимаю это, Гривз, – ответил Балди, – и заверил ее, что все ресурсы, коими я обладаю, будут в ее распоряжении. Я считаю, какой смысл от обладания миллионом или двумя, если ты не используешь их на благое дело?

– Речь идет не о вашем богатстве, сэр, – уточнил Гривз. – Сирена имеет в виду гораздо более насущные активы претендента на свою руку.

– Балди! – воскликнул я. – Это значит, что она бы меня утопила и закопала в ил, а ее личинки, или кто там у них есть, пировали бы в моем разлагающемся трупке.

Пока мы с Гривзом открывали ему глаза на происходящее, глаза эти становились все круглее и мигали все чаще, как это было у того Балди, которого я знал. После некоторой паузы он заявил:

– Я не верю в это!

– Она предпочитает мистера Глостера, – продолжал Гривз, – потому что, как и в случае Хьюдибраса Гилателли, которого постигла ужасная участь, его фигура более мясистая. – Он повернулся ко мне и склонил голову: – Если позволите так выразиться, сэр.

– Все в порядке, Гривз. Мяса на костях Глостеров больше, чем у Спотс-Бинклов. Видимо, здесь дело в наследственности.

Балди снова начал хлопать ресницами, сопровождая это занятие движениями кадыка вверх-вниз, как если бы, образно выражаясь, он пытался проглотить горькую пилюлю жестокой правды. Затем он фыркнул.

– Не верю ни единому слову! – Он выпятил губы и продолжил таращиться на Гривза. – Вы что-то не так поняли, Гривз, и это повело ваши рассуждения по ложному следу.

– Мне жаль, что вы так считаете, сэр. Но записи профессора Гилателли были достаточно подробны.

– Тьфу! Да он...

Гривз вытащил записную книжку.

– Он написал, сэр, я цитирую: «Я попытаюсь установить диапазон телепатического влияния существ, отмечая белыми колышками расстояние до болота. Я начну с расстояния, на котором впервые почувствовал начинающийся психический «зуд», постепенно приближаясь к точке, где он становится почти непреодолимым». – Гривз показал страницы записной книжки. – Как видите, сэр, это его последняя запись.

– Это может означать что угодно, Гривз!

– Я думаю, вы понимаете, сэр, это значит, что профессор зашел слишком далеко.

– Ей-богу, Балди, – сказал я, – Гривз уже все распутал! Я видел эти метки, они тянутся к воде, а несколько последних стоят вкривь да вкось. Это и есть *locus detecti*, или место преступления, где она совершила свое мокрое дело над старым Гилателли.

– Это и есть моя догадка, сэр, – добавил Гривз.

Вдвоем мы смогли пошатнуть уверенность Балди. Он явно не хотел примириться с новостью, что его возлюбленная оказалась подводной Носферату, и если мое мнение не внушало ему доверия, то спокойная уверенность Гривза в сочетании с доказательствами в виде кольев подрывала его оборону.

– Я могу сделать предположение, господа, – снова заговорил Гривз, – что нам следует вылететь при первой возможности. В записях профессора Гилателли также сказано, что в окрестностях дома есть несколько других самок того же вида и некоторые из них значительно больше той, о которой мы говорим. Я боюсь, что наше присутствие может привлечь их к дому. Мистер Туве-Випли пошел посмотреть, сможет ли он запустить ракету и посадить ее на эту сторону протоки. Тот факт, что он этого не сделал, ухудшает наше положение.

Балди к этому времени уже потерял способность принимать решения. Кажется, он погрузился в мрачную перспективу волнующего его объяснения с Мэрилин Спотс-Бинкл, урожденной Буффе, по возвращении, и это занятие настолько подавляло его, что не было никакой возможности заставить Балди встряхнуться и начать действовать. Пришло время Глостеру взять управление на себя.

– Не мог бы ты озаботиться сбором чемоданов, Гривз?

– Сэр, я бы посоветовал ускоренное отбытие. Наступает ночь, а эти существа гораздо активнее в темное время суток.

– Черт возьми, Гривз! Скорей на корабль! – Внезапная мысль сразила меня: – Но если мы потеряли Слайти, как же нам запустить ракету?

– Я внимательно наблюдал за действиями мистера Туве-Випли во время путешествия, сэр. Считаю, это не та задача, что составит трудности для живого ума.

– То есть ты считаешь, что я справлюсь со взлетом, Гривз? – уточнил я.

– Полагаю, сэр, вам лучше заняться мистером Спотс-Бинклом.

– Ах да! – воскликнул я, обернувшись к предполагаемому объекту моей опеки. – Балди! Ты с нами?

Но присутствие Балди было чисто номинальным. Он даже перестал моргать. Гривз предложил взять его под руки и тащить к ракете. Я согласился, и мы, покинув свои места,

двинулись к двери. Но возле выхода Гривз заставил нас остановиться, отправился к бару, где прихватил большую бутылку с какой-то выпивкой.

– Хорошая мысль, Гривз, – сказал я. – Думаю, по дороге к ракете нам понадобится добавить себе немного храбрости.

– Разумеется, сэр, – ответил он. – А теперь могу ли я рассчитывать на высокую скорость нашей прогулки?

– Без сомнения, Гривз. Я с тобой.

Когда мы оказались на заросшей мхом лужайке, я прыснул от смеха.

– Сэр?

– Я просто подумал, Гривз, так, между прочим... О том, что мы делаем с бедным стариной Балди.

– Забавная ситуация, сэр?

– Ну, это как лягушки в марте, верно? Я хочу сказать: лягушки, тритоны, март, болота. Чем-то напоминает, – посмеиваясь, сказал я.

– Действительно, сэр. Это забавно. А сейчас мы входим в пределы диапазона их телепатии. Могу я порекомендовать вам, сэр, сконцентрировать свой ум таким образом, чтобы противостоять призывам самки-сирены. Представьте себе кирпичную стену, например. Или большие наушники.

– Или пчелиный воск, а, Гривз? – подсказал я.

– О, конечно, сэр.

Голос его потонул в какофонии звуков, издаваемых ночными обитателями. Мы с трудом тащили Балди, который довольно убедительно изображал мешок картошки, но довольно быстро шагали к тому месту, где через поток, вытекающий из пруда в большое болото, был перекинут мостик. За каменной аркой на небольшом возвышении с другой стороны потока я мог разглядеть тусклый блеск корабля Слайти. Люк оказался открытым, к нему вела короткая лестница.

Приблизившись к переправе, я почувствовал легкую щемотку между ушами. Я ожидал очередного исполнения медленной и призывной мелодии, которую Шилистрата напевала при прошлом нашем свидании, но оказалось, что в присутствии других рыболовов она решила применить более жесткую тактику для получения рыбы с фамилией Глостер. Легкое першение в мозгу переросло в невыносимый зуд; я бы с удовольствием расколол себе череп только затем, чтобы почесать его. Ощущение сопровождалось непонятной уверенностью, что зуд прекратится, стоит мне повернуть в сторону пруда.

– Кажется, Гривз, – произнес я, – у меня ужасный...

– Зуд, сэр? – закончил он, и я заметил на его лице признаки того выражения, которое наверняка было у титанов Гесиода, испытывавших боль в ухе.

– Зуд смертельный, – ответил я.

– Очень точно сказано, сэр, поскольку, если ему поддаться, это приведет к гибели.

– Полагаю, надо выбросить это из головы, Гривз.

– Надо стремиться к этому, сэр, – сказал он и добавил: – Хотя боюсь, что это становится все труднее. – Слово Ахиллес под стенами Трои, имевший одну-единственную незащищенную точку, Гривз единственной свободной частью тела, подбородком, указал на Шилистрату, которая находилась возле ближайшего конца моста. Она раскинула руки, закрывая нам проход, и сузила глаза в узкие щелочки. Раскрыв пасть, она демонстрировала нам ряды сверкающих игл на бледно-розовых деснах.

– Чары не помогли, – констатировал я, когда зуд в мозгу внезапно прекратился. – И она собирается применить грубую силу!

– Более того, сэр. Профессор Гилателли считал, что укус этих существ ядовит, – добавил Гривз.

– Хм, просто оттеснить ее с пути будет довольно рискованно?

– Безусловно, сэр. – Он поднял свободную руку, сжимающую бутылку, взятую из бара.

– Собираешься слегка напоить ее?

– Нет, сэр. – Гривз приблизился к саламандре, и нам с Балди волей-неволей пришлось следовать за ним. Когда мы подошли к шипящему существу, Гривз вскинул руку. Оказалось, что вместо бутылки крепкого алкоголя из запасов Гилателли он взял полную бутылку содовой воды. Встряхнув жидкость, он нажал на рычаг и окатил Шилистрату с головы до несуществующего пупка струей газированной воды.

В кинофильмах бутылки с содовой часто фигурируют как для украшения кремом тортов, так и в качестве основного атрибута в комедиях мистера Сеннета. Но для саламандры эффект оказался трагичным: там, где газированная вода касалась ее зеленой кожи, появлялись сперва бледно-желтые, затем все более светлые и, наконец, белые бугристые ожоги. Шипение ее превратилось в визг. Она пыталась утереться лапами, но при контакте содовой с конечностями кожа на них также белела. Скрючившись, Шилистрата зашлась страшными криками, после чего сменила стратегию удерживания моста на немедленную ретировку обратно в пруд. Гривз и я, а также Балди, все еще болтающийся между нами, как вывешенный для просушки на веревку ковер, вступили на мост.

Но в дальнем его конце нас ожидало новое препятствие – вторая саламандра, настолько большая, что Шилистрата по сравнению с ней выглядела просто коротышкой, выбралась из потока, буравя нас взглядом и оскаливая пасть.

– Сэр, извольте следовать за мной, – учтиво порекомендовал Гривз, и мы с грохотом кинулись вниз по склону моста, словно уменьшенная до трех человек версия шотландских серых драгун Ее величества, идущих в атаку при Ватерлоо, как это было изображено на картине, висевшей над кроватью моей тети Далии. Гривз выпустил по врагу залп содовой почти с тем же эффектом, что и в первый раз. Как только путь очистился и мы вступили на сухую, точнее, относительно сухую почву, то изо всех сил помчались туда, где стояла ракета.

– Это было превосходно, Гривз, – отметил я на бегу.

– К сожалению, сэр, в этом спектакле еще рано опускать занавес. – Он махнул полупустой бутылкой в сторону, где сонмы тритонов выползали из воды, преследуя нас. – Не изволите ли вы еще немного ускориться, сэр?

– Просить меня дважды нет необходимости, – ответил я, выжимая максимальную скорость, на которую способен. Вскарабкавшись на вершину холма, мы вместе запихнули тело Балди в люк.

– После вас, сэр, – сказал Гривз, поворачиваясь к мосту, чтобы сыграть роль Горация.

– Забудь об этом. – Я забрал у него бутылку. – Залезай и прогрей двигатель, или что там необходимо сделать.

Разинутая пасть саламандры появилась в поле моего зрения, и я наполнил ее содовой до краев, словно бокал. За ней последовала следующая, и снова была отброшена. То же изменение цвета и выражение ужаса постигло их, и они умчались восвояси.

– Что их так беспокоит, Гривз?! – крикнул я через плечо. Позади себя я слышал щелчки тумблеров на контрольном пульте управления кораблем.

– Их шкуры покрыты кислой слизью, – не отрываясь, ответил он, – сода нейтрализует кислую среду, отчего они испытывают сильный дискомфорт, мы будем чувствовать нечто похожее, если кто-то плеснет в нас кислотой.

Я сделал еще один залп.

– Кажется, сода заканчивается, Гривз.

Я услышал новую серию резких щелчков, после чего сильные руки подхватили меня под мышки.

– Простите, сэр, – сказал он, заволакивая меня внутрь и захлопывая ногой люк. Гривз усадил меня в своего рода шезлонг, снабженный ремнями безопасности, и то же самое сделал с Балди. – Можно приступать, сэр?

– Пожалуйста, Гривз, – ответил я. – Венера потеряла для нас всю свою прелесть, если вообще ее имела.

Он уселся в кресло и нажал на рычаг. Корабль завибрировал, и я почувствовал, как мое тело стало странно тяжелеть.

Некоторое время спустя в поле моего зрения возник Гривз с чашечкой чая. Он расстегнул мои ремни, сообщив, что ввел Балди снотворное, отправив его в объятия Морфея на весь долгий путь домой.

– Не желаете ли вы тоже проспать обратный путь, сэр? – спросил он.

– Разве тебе не грозят недели одиночества?

– Месяцы, сэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.